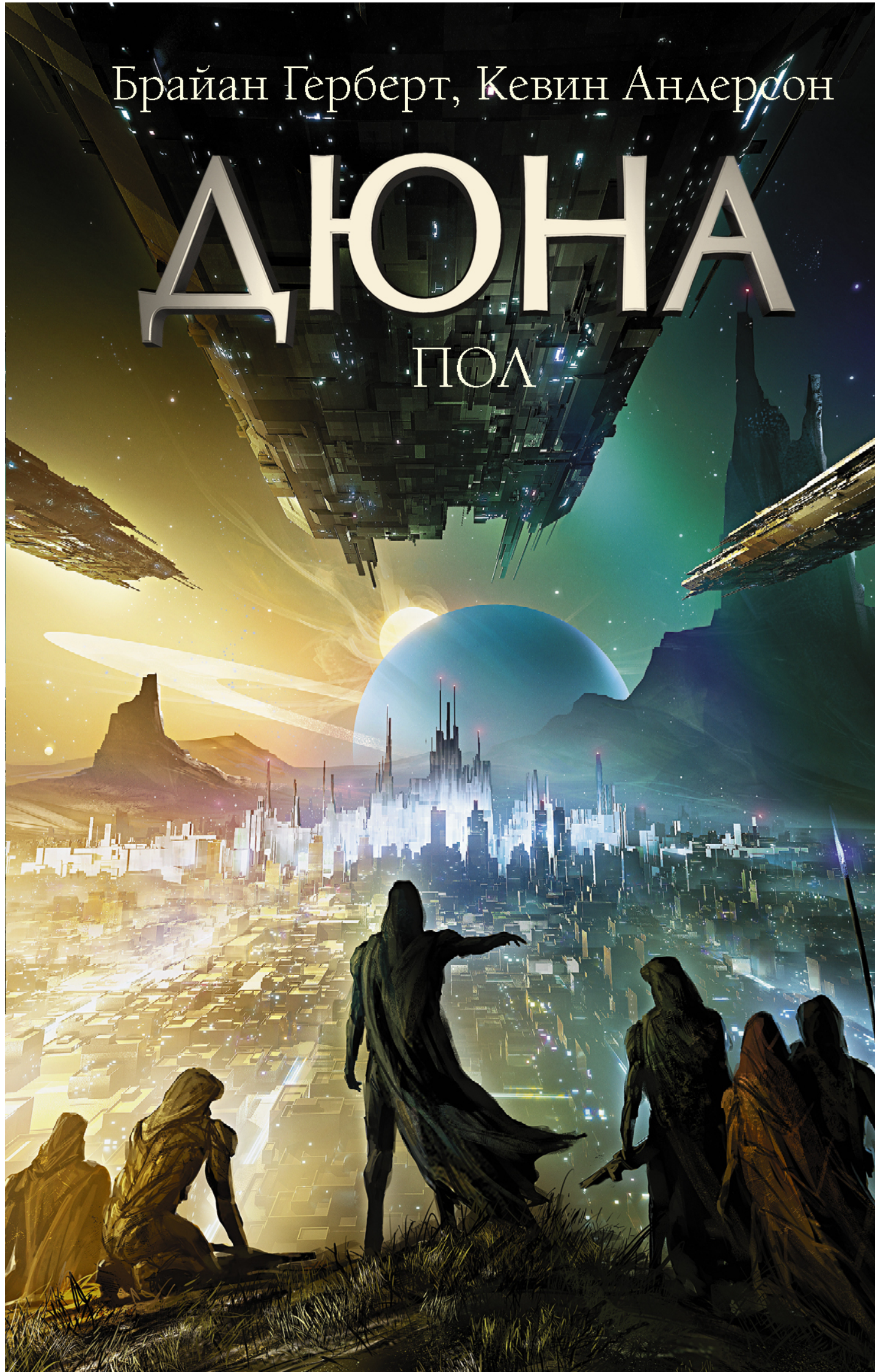

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

ДЮНА

ПОЛ

Вселенная Дюны

Кевин Андерсон

Дюна: Пол

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Андерсон К. Д.

Дюна: Пол / К. Д. Андерсон — «Издательство АСТ»,
2008 — (Вселенная Дюны)

ISBN 978-5-17-137105-0

Книга описывает события между действием романов «Дом Коррино» и «Мессия Дюны» и хроники войны между Великими домами Икац и Моритани. Джихад идет полным ходом. Армия Пола одерживает одну победу за другой. Но враги Муад'Дибы не дремлют, замысливая предательство. И сам Пол начинает сомневаться: не выходит ли его война из-под его контроля? Неужели против него ополчились те, кого он любит и кому больше всего доверяет? Удастся ли ему сохранить ясный рассудок?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-137105-0

© Андерсон К. Д., 2008
© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Часть I	7
Часть II	65
Конец ознакомительного фрагмента.	79

ДЮНА

Брайан Герберт, Кевин Андерсон Дюна: Пол

Джейнэт Герберт и Ребекке Муста Андерсон.

Спасибо вам за терпение, мудрость и любовь, спасибо за все то, что невозможно выразить словами. Если бы нам пришлось описать все, чем мы обязаны вам, то потребовалось бы написать книгу, большую, чем этот роман.

История – подвижна и изменчива. Новые черты появляются на ее лице по узнаванию новых подробностей, исправлению ошибок и смене народных настроений. Историки создают монумент истины не из твердого гранита, они лепят статую из сырой глины.

Принцесса Ирулан. Предисловие к «Жизни Муад'Диб», том I

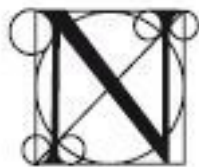
Простите мое нетерпение, Верховная Мать, но Вы неверно истолковали мои намерения. Описывая жизнь Пола Атрейдеса, Императора Муад'Диб, я вовсе не имела в виду сухо перечислять исторические события. Разве не извлекли мы горьких уроков из нашей Защитной Миссии? При умелом обращении мифы и легенды могут стать орудиями или оружием, в то время как голые факты – это всего лишь... факты.

Принцесса Ирулан. Письмо в школу матерей на Уаллахе IX

Серия «Дюна»
Brian Herbert
Kevin Anderson
PAUL OF DUNE

Перевод с английского А. Анваера

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

© Herbert Properties LLC, 2008

© Перевод. А. Анваер, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Часть I

Император Муад'Диб

10194 год эры Гильдии

Год спустя после падения Шаддама IV

Мой отец оставил много больше, чем сохранившиеся фрагменты воспоминаний о нем. Его происхождение, его характер, его учение сделали меня таким, каким я стал. Пока вселенная будет помнить меня, как Пола Муад'Диб, она будет помнить и герцога Лето Атрейдеса. Сыновей всегда лепят их отцы.

Надпись на гробнице у перевала Харг

Безмятежный океан песка простирался, насколько хватало глаз, безмолвный и недвижный, грозящий в любую минуту разразиться ужасной бурей. Арракис – священный мир Дюны – становился оком галактического урагана, кровавого джихада, яростной волной заливающего рушащуюся Империю. Пол Атрейдес предвидел это и теперь привел его в движение.

В течение года, прошедшего после свержения Шаддама IV, миллионы новообращенных присоединились к армии Пола, пополнив ряды его преданных фрименских воинов, каждый из которых был готов отдать жизнь за своего вождя. Ведомые фанатичными фedayкинами и другими надежными военачальниками, солдаты священного воинства разворачивали силы, нацелившись на другие звездные системы. Как раз в это утро Пол послал Стилгара и его легион в поход, напутствовав людей пламенной речью. Были в ней и такие слова: «Я дарую вам силу, мои воины. Идите и исполняйте мой святой завет». Это было его любимое место из Оранжевой Католической Библии.

Позже, в жаркий полдень, он удалился из безумного Арракина, покинув возбужденное войско и испускающих подобострастные вопли почитателей. Здесь, в пустынных горах, Пол не нуждался во фрименских проводниках. Пустыня была тиха и чиста, излучая иллюзию мира и покоя. С Полом была его возлюбленная Чани, его мать Джессика и его маленькая сестра. Ей еще не исполнилось и четырех лет, но Алия была уже далеко не дитя. Она появилась на свет, обладая памятью и знаниями полноценной Преподобной Матери.

Поднимаясь вместе со спутниками по крутому склону коричневой горы к перевалу Харг, Пол изо всех сил старался проникнуться чувством блаженной неизбежности. Пустыня заставляла его чувствовать себя малым и смиренным, но отнюдь не прославляемым мессией. Пол ценил каждый миг, проведенный вдали от преданных последователей, которые, едва завидев его, принимались выкрикивать: «Муад'Диб! Муад'Диб!» Пройдет еще немного времени и вести о военных победах сделают его положение еще невыносимее. Но этого не избежать. Настанет время, и волна джихада смоем и его, Пола. Он уже начертал курс священной войны, он – великий навигатор человечества.

Война была всего лишь одним из его орудий. Теперь, когда он изгнал бывшего Падисах-Императора на Салусу Секундус, Пол должен был позаботиться о консолидации сил членов Ландсраада. Он послал своих самых искусных дипломатов для переговоров с некоторыми благородными Домами, в то время как для усмирения самых непокорных были посланы армии фанатичных солдат. Многие аристократы не собирались складывать оружие, поклявшись ока-

зывать яростное сопротивление. Они оправдывали это либо тем, что не хотят потворствовать мятежу, либо заявляя, что сыты императорами по горло. Но как бы то ни было, армии Муад'Дибы сметут их и продолжат свое победоносное наступление. Пол изо всех сил старался избежать насилия, но подозревал, что кровавая реальность окажется хуже всех его подкрепленных предзнанием видений.

Видения же эти были ужасающими.

Столетия упадка и дурного правления превратили Империю в мертвый сухой лес – разожженный Полем пожар распространится с ужасающей быстротой. В прежние, более цивилизованные времена конфликты решались войнами убийц, но теперь такой выход представлялся зыбким и чересчур благородным, он никуда не годился. Столкнувшись с религиозными фанатиками, некоторые правители предпочтут сдаться, не пытаясь противостоять дикому стихийному напору.

Но не все окажутся такими благоразумными...

Для этого короткого путешествия Пол и три его спутницы надели новые конденско-стюмы, покрытые пятнистой маскировочной тканью. Одежда эта выглядела изрядно поношенной, но смотрелась лучше, чем костюмы, какие Пол носил, живя беглецом среди фрименов. Производители новых моделей утверждали, что их костюмы прочнее тех, которые делали традиционными способами в тайных ситчах.

«Эти фабриканты делают свои костюмы с самыми лучшими намерениями, выказывая свою преданность, не понимая, что молчаливо критикуют меня своими «улучшениями».

Выбрав удобное место – уютную площадку на гребне скалы, окруженную, как амфитеатром, отвесными камнями, Пол сбросил с плеч дорожный ранец. Развязав тесемки, он отодвинул в сторону надувные складки вельветина. При этом на лице его появилось то же благоговейное выражение, какое он видел у своих самых преданных почитателей.

Пол почтительно прикоснулся к выбеленному солнцем черепу и нескольким костным фрагментам – двум ребрам, локтевой кости и расколотому бедру – эту реликвию фримены хранили много лет после захвата Арракина Харконненами. Это были священные останки герцога Лето Атрейдеса.

В этих костях не было ничего от живого, теплого – во плоти и крови – мудрого отца Пола, но это был важный символ. Пол осознавал ценность и необходимость символов.

– Эта гробница давно изжила себя.

– Я уже давно воздвигла усыпальницу благородного герцога в своем сердце, – сказала Джессика, – но было бы хорошо упокоить его останки.

Опустившись на колени рядом с Полем, Чани принялась расчищать место от крупных камней, часть которых уже подернулась пятнами лишайника.

– Это место надо сохранить в тайне, Усул. Нельзя оставлять здесь памятных знаков и ставить указатели. Надо защитить место упокоения твоего отца.

– Толпу не удержишь никакими силами, – недовольным тоном отозвалась Джессика. – Что бы мы ни делали, праздные туристы протопчут сюда дорожку. Это будет цирк с гидами, наряженными в бутафорские фрименские одежды. Торговцы сувенирами будут на всех углах продавать осколки костей, утверждая, что это части костей Лето.

Чани бросила на Пола обеспокоенный взгляд, исполненный обычного благоговения.

– Усул, ты предвидел это? – Здесь, вдали от толпы, она называла его именем, данным Полу в ситче.

– Это предсказывает история, и уже не в первый раз, – ответила за сына Джессика.

– Для этого надо создать подходящую легенду, – сурово произнесла Алия, обращаясь к матери. – Бинэ Гессерит рассчитывал так использовать брата в своих целях. Теперь он сам творит легенду, следуя собственной цели.

Пол уже давно взвесил все за и против. Некоторые паломники явятся сюда по зову своих преданных сердец, другие же придут только для того, чтобы потом похвастать своим паломничеством. Но в любом случае пилигримы придут, это неизбежно, и было бы чистым безумием пытаться их остановить, поэтому придется искать иное решение.

– Мои федайкины установят здесь круглосуточную стражу. Никто не посмеет осквернить эту священную гробницу.

Он сложил кости и установил сверху череп так, чтобы пустые глазницы смотрели в синеву бескрайнего неба.

– Алия права, мама, – произнес Пол, не глядя ни на сестру, ни на Джессику. – Ведение войны не должно отвлекать нас от сотворения мифа. Только так сможем мы достичь задуманного. Для того чтобы всколыхнуть толпу, недостаточно взывать к логике и здравому смыслу. В этом отношении у Ирулан несомненный талант. Посмотрите, какой популярностью пользуется ее история о моем восхождении к вершинам власти.

– Это цинично, Усул. – Чани не нравилось, что номинальная супруга Пола вообще была способна на что-то полезное.

– Мой брат прагматик, – возразила Алия.

Пол внимательно посмотрел на череп, стараясь представить себе живые черты отца: орлиный нос, серые глаза, выражение лица – беспощадное для врагов и излучавшее любовь к сыну и Джессике. «Сколь многому я научился у тебя, отец. Ты научил меня чести и искусству правления. Мне остается лишь уповать на то, что мне довольно будет твоей науки». Но Пол понимал, что бедствия, с которыми ему придется столкнуться в скором будущем, превзойдут все тяготы и кризисы, которые пришлось преодолеть герцогу Лето. Пригодятся ли уроки отца в положении его сына?

Пол взял большой камень и установил его перед черепом, заложив основание пирамиды. Потом он сделал знак матери – положить второй камень, что она и исполнила. Алия установила третий камень.

– Мне не хватает отца. Он так любил нас, что, не колеблясь, пожертвовал ради нас жизнью.

– Плохо, что вы по-настоящему не знали своего отца, – сказала Чани, уложив в пирамиду свой камень.

– О нет, я-то его хорошо знаю, – сказала Алия. – Моя врожденная память хранит путешествие мамы и отца в каладанскую глушь после гибели маленького Виктора. Именно там они зачали Пола. – Алия часто говорила сверхъестественные, пугающие вещи. Чужие жизни, спрессованные в ее необъятной памяти, уходили в далекое, неразличимое обычными людьми прошлое. Она подняла голову и посмотрела на мать. – Там ты впервые увидела каладанских дикарей.

– Я помню, – отозвалась Джессика.

Пол продолжал укладывать камни. Когда погребальный холм полностью покрыл кости, Пол отступил на несколько шагов и разделил минуту скорби с теми, кто носил в сердцах вечную любовь к Лето.

Они помолчали. Потом Пол коснулся коммуникатора, укрепленного на воротнике конденскостюма.

– Корба, мы готовы.

Тотчас безмятежную тишину знойного дня разорвал рев мощных двигателей. Из-за скалистой гряды показались два орнитоптера с бело-зелеными гербами императора Муад'Дибана. Орнитоптеры сложили крылья. Головную машину вел начальник федайкинов Пола Корба – человек, исполнявший свои обязанности с поистине религиозным рвением. Но Корба не был льстецом, он был слишком умен и умело просчитывал последствия своих действий и поступков.

За двумя легкими машинами следовали тяжелые грузовые орнитоптеры, под брюхами которых на тросах раскачивались большие глыбы отполированного камня. Лучшие резчики Арракина покрыли камни узором, который должен был сложиться в живописное скульптурное жизнеописание герцога Лето Атрейдеса.

Теперь, когда момент благоговейной тишины миновал, начальники команд принялись отдавать громкие приказы рабочим, которые должны были начать строительство святилища.

Молча Джессика стойчески смотрела на маленькую пирамидку, стараясь запечатлеть в памяти эту скромную могилу, а не чудовищное сооружение, которое сейчас будет воздвигнуто на ее месте.

Гулкий грохот машин исполинским эхом отражался от скал. Корба посадил свой орнитоптер и вышел из машины. Он был в упоении от гордости за то, что ему предстояло сделать. Он посмотрел на кучку камней и, видимо, нашел ее весьма причудливой.

– Муад’Диб, мы соорудим здесь монумент, достойный памяти вашего отца. Все должны испытывать священный трепет перед императором и всеми, кто был близок к нему.

– Конечно, должны, – ответил Пол, сомневаясь, что командир его федайкинов смог уловить иронию. Корба был захвачен идеей «религиозного импульса».

Команды принялись за работу с пылом гончих, настигших добычу. Так как на площадке не было места для посадки тяжелых грузовых орнитоптеров, пилоты опустили украшенные резьбой камни на вершину горы, отцепили их от тросов и взмыли в небо. Советники Пола сообщая одобрили проект мемориала, размножили чертежи и раздали копии начальникам команд. Основная пирамида будет символизировать роль, которую сыграл в жизни Муад’Диб герцог Лето.

Однако сейчас, размышляя о показном пышном мемориале, Пол мог думать только о пропасти, отделявшей его личные чувства от публичного образа. Несмотря на то что он не мог отречься от своей роли в управлении Империей и в религиозном движении, лишь очень немногие близкие ему люди видели настоящего, реального Пола. Но даже с ними он не мог быть до конца откровенным.

Джессика отступила на шаг и посмотрела на сына. Было видно, что она на что-то решилась.

– Думается, я сполна отдала свой долг Арракису, Пол. Мне пора уезжать.

– Куда же вы направитесь? – спросила Чани, наивно полагая, что в мире нет места лучше ее родной планеты.

– На Каладан. Я очень давно не была дома.

Пол и сам ощущал в сердце такую же тоску. Каладан уже принял его правление, но сам он не был там с тех пор, как Дом Атрейдесов прибыл на Арракис. Он внимательно посмотрел на мать, зеленоглазую красавицу, покоровшую некогда его галантного отца. Хотя Пол был теперь императором всей известной вселенной, он хорошо понимал чувства матери.

– Ты права, мама. Каладан тоже часть моей Империи. Я поеду с тобой.

Среди преданных друзей Муад’Диб выделялся Гарни Холлик – трубадур-воин, контрабандист и правитель планет. Но большую, чем все его триумфы, радость доставляла ему игра на бализете и пение сложенных им самим баллад. Героические подвиги самого Холлика вдохновили многих трубадуров на сочинение посвященных им песен.

Принцесса Ирулан. История детства Муад’Диб

Эти фрименские рекруты, сыны знойной пустыни, в жизни своей не видывали такого огромного чана с водой, да еще так беспечно открытого. На Каладане это называли бы затхлым деревенским прудом, но здесь новобранцы Холлика, глядя на покрытую рябью водную поверхность и вдыхая даром испарявшуюся влагу, испытывали почти суеверный ужас.

– Сейчас вы, один за другим, прыгнете в воду, – хрипло скомандовал Гарни. – Погрузитесь в воду так, чтобы ваши головы стали мокрыми. Я хочу, чтобы сегодня к вечеру каждый из вас смог проплыть от края до края.

Проплыть. Сама идея плавания была чужда этим людям. Среди них прокатился недовольный ропот.

– Так велел Муад'Диб, – произнес один тонкий, как тростинка, солдат по имени Энно. – Значит, мы это сделаем.

Да, подумал Гарни. Стоило только Полу что-то задумать и предложить, как тотчас все исполнялось. В других обстоятельствах это могло бы показаться приятным или даже забавным. Эти фрименские солдаты – если бы Муад'Диб приказал – выпрыгнули бы из корабля в открытый космос или пошли бы босиком в пустыню в Кориолисову бурю.

Синими бесстрастными глазами Гарни осмотрел ряды новых бойцов. Из пустыни каждый день прибывали все новые и новые добровольцы. Казалось, что в ситчах производство рекрутов поставлено на поток. Галактические планеты пока не знали, какая сила надвигается на них.

Эти неотесанные молодые люди были мало похожи на дисциплинированных солдат Дома Атрейдесов – тех солдат Холлик хорошо помнил. Дикая воинственность этих сынов пустыни ничем не напоминала воинское мастерство солдат и офицеров великого Дома, но все же эти юноши были по-своему превосходными воинами. Эта «пустынная рвань» свергла Твари Раббана и покончила с правлением Дома Харконненов на Дюне, нанесла поражение императору Шаддаму Коррино и его могущественным сардаукарам.

– Этот бассейн глубиной всего три метра, а в длину – десять. – Гарни принялся расхаживать вдоль края бассейна. – Но на других планетах путь вам могут преградить океаны или озера глубиной в сотни метров. Вы должны быть готовы ко всему.

– Сотни метров! Как можно там уцелеть? – искренне изумился один из запыленных рекрутов.

– Вся штука в том, что плыть надо по поверхности.

По тяжелому взгляду новобранца было ясно, что он не понял шутки.

– Разве не говорил Муад'Диб, что Бог сотворил Арракис для того, чтобы закалить верных? – процитировал Гарни. – Итак, готовьтесь.

– Муад'Диб, – повторили солдаты почтительным тоном. – Муад'Диб!

Пол приказал построить бассейн для того, чтобы воины пустыни могли подготовиться к неизбежной необходимости форсировать водные преграды на других планетах. Не все они пока безоговорочно, как Каладан, смирились с его правлением. Некоторые люди в Арракине считали этот бассейн знаком всемогущества Муад'Диб, другие втайне думали, что это пустая трата драгоценной влаги. Но Гарни Холлик понимал, что это всего лишь военная необходимость.

– Мы внимательно изучили то, что написал об этом Муад'Диб, – сказал Энно. – Мы запомнили наизусть каждое слово. Они рассказали нам, как надо плавать.

Гарни и без того не сомневался, что молодые солдаты читали каждую строчку с тем же старанием, с каким фанатики впитывают тексты религиозных учений.

– Разве чтение книг и просмотр фильмов сделали кого-нибудь умелым погонщиком песчаных червей?

Сама абсурдность вопроса заставила рассмеяться суровых фрименов. Они стремились в воду, но все же колебались. С этими смешанными чувствами солдаты подошли к краю глубо-

кого бассейна. Одна мысль о том, что придется погрузиться в воду, ужасала их больше, чем встреча с самым опасным неприятелем.

Гарни сунул руку в карман и извлек оттуда золотую монету, старый имперский солари с чеканным надменным профилем Шаддама IV. Он поднял над головой сверкнувшую на солнце монету.

– Кто первый достанет эту монету со дна бассейна, удостоится личного благословения Муад'Дибана.

В любой другой армии солдаты стремились бы соперничать за прибавку жалованья, за продвижение по службе, за большую долю трофеев. Фрименов такие вещи не интересовали вовсе, но они были готовы превзойти самих себя за благословение Пола.

Гарни бросил золотой солари. Монета блеснула на солнце, упала в воду почти в середине бассейна и, продолжая сверкать, как рыбка, быстро погрузилась на дно. Хорошему пловцу не составило бы, конечно, никакого труда достать монету с трехметровой глубины, но Холлик сомневался, что сыны пустыни смогут до нее добраться. Он хотел испытать ретивость новобранцев, а заодно оценить характер каждого из них.

– И Бог сказал: «Они подтвердят свою веру своими делами, – провозгласил Гарни. – Первый в моих глазах будет первым и в сердце моем». – Он посмотрел на новобранцев и рявкнул: – Чего вы ждете? Это не очередь в столовой!

Он подтолкнул первого солдата к краю, и фримен с плеском рухнул в воду. Он закашлялся, потом судорожно замахал руками, то погружаясь в воду, то снова показываясь на поверхности.

– Плыви же, плыви, сынок! Ты сейчас похож на припадного. Что ты машешь руками? Плыви!

Солдат шлепнул руками по воде, сделал гребок и с трудом отделился от края бассейна.

Гарни толкнул к краю еще двух фрименов.

– Ваш товарищ в беде. Он может утонуть, неужели вы не хотите ему помочь?

В воду плюхнулась и эта пара. Наконец, в бассейн по собственной воле прыгнул и Энно. Видя поведение других, он меньше паниковал и лучше греб. Гарни с удовольствием наблюдал, как Энно первому удалось достичь противоположного края бассейна. Через час большинство рекрутов уже могли плавать или по крайней мере держаться на воде. Несколько человек, потеряв голову от страха, вцепились в борта водоема и не двигались с места. Придется отправить их в другие части или вовсе уволить из армии. Фримены, прекрасно обученные боевым действиям в пустыне, одерживали на Дюне изумительные победы, но как солдатам Пола им отныне придется действовать в самых неожиданных природных условиях. Так что умение плавать, может стать, окажется не самым суровым требованием.

Несколько курсантов попытались нырнуть, чтобы достать монетку, маняще блестевшую на трехметровой глубине, словно жила специи в глубинах пустыни. Но никто пока не смог подобраться к ней. Гарни решил, что ему самому придется нырнуть и достать монету.

Сделав несколько мощных гребков, Энно выплыл на середину и нырнул, но до монеты не дотянулся.

«Пока не достал, но нырнул неплохо», – подумал Гарни.

Отважный солдат вынырнул, отдышался и снова погрузился в воду, не желая сдаваться.

Сквозь выкрики и плеск Гарни слышал рев приземлявшихся в космопорте Арракина кораблей: сотни армейских планеров, громадных военно-транспортных судов и похожих на шмелей грузовых кораблей с амуницией и продовольствием для войск Пола. У Гильдии не было иного выбора. В обмен на специю, необходимую навигаторам, ей приходилось снабжать Муад'Дибана всеми необходимыми ему судами. Гарни готовил бойцов, готовых погрузиться на корабли Гильдии. Лучшие же солдаты шли с Арракиса. Скоро об этом узнает вся Империя.

Внезапно в шуме, доносившемся из бассейна, что-то резко изменилось. Фримены звали на помощь. Гарни увидел на поверхности безвольно болтавшееся тело человека, лицо его было в воде. *Энно*.

– Парни, вытаскивайте его из воды, живо!

Но фримены и сами-то едва держались на плаву. Один из новобранцев обхватил Энно за туловище, другие уцепились за руки и за ноги, но единственное, чего они добились – это еще глубже погрузили голову несчастного в воду.

– Идиоты, переверните его лицом вверх, чтобы он дышал!

Но поняв, что от фрименов толку не добьешься, он сам прыгнул в воду. Теплая, почти горячая вода обожгла растрескавшуюся на солнце кожу. Подплыв к скоплению тел, он растолкал их в стороны, схватил Энно за ворот, перевернул его на спину и потащил к краю бассейна.

– Вызывайте врача, срочно! – крикнул Гарни, выплевывая воду изо рта.

Энно безвольно висел у него в руках. Он не дышал, губы молодого солдата были бледно-синюшные, кожа холодная и влажная, глаза закрыты. Неимоверным усилием Холлик поднял обмякшее тело и выкатил его на выложенный нагретой солнцем плиткой край бассейна. С Энно, быстро высыхая, стекала вода.

Гарни знал что делать и не стал ждать помощи медиков. Он сжал ноги солдата и начал выполнять реанимационные действия, знакомые каждому каладанцу так же хорошо, как фрименам защитный пустынный костюм. Видя, что с товарищем приключилась беда, остальные новобранцы вперемешку выбрались из воды.

К тому времени, когда на место происшествия прибыл врач – пожилой человек с припухшими глазами, – Гарни своими усилиями уже успел вернуть молодого человека к жизни. Энно закашлялся, потом его вырвало водой. Врач, уважительно посмотрев на Гарни, впрыснул Энно какой-то стимулятор и завернул его в теплое одеяло, чтобы уберечь от шока.

Немного помедлив, Энно сбросил с себя одеяло, с трудом сел и огляделся остекленевшими глазами. Слабо улыбнувшись, он поднял руку и разжал ладонь. На ней поблескивала скользкая от воды золотая монета.

– Как вы приказали, командир. – Он удивленно потрогал свои мокрые волосы. – Я жив?

– Теперь да, – ответил Гарни. – Тебя оживили.

– Я умер оттого, что было слишком много воды. Воистину, я благословен изобилием!

Фрименские новобранцы за его спиной о чем-то почтительно зашептались. *Утонувший фримен!*

Их реакция привела Гарни в смущение. Этот духовный народ был равно непостижим и достоин трепетного восхищения. Многие сектантские группы последователей религии Муад'Диб заимствовали догматы фрименского мистицизма; были среди этих групп и почитатели культа воды. Наверняка, узнав об этом случае с утоплением, бюрократы-священники Пола, их Кизарат, скорее всего сделают из Энно вдохновляющий символ.

Курсанты стояли вокруг бассейна. С них стекали струи воды. Было такое впечатление, что их только что окрестили. На лицах новобранцев не было ничего, кроме упорной решимости. Гарни понимал, что ему не придется раскаиваться в том, что он отправит на войну таких бойцов, как лучшие из этих рекрутов.

Фримены были готовы наступать и проливать кровь во имя Муад'Диб.

Вселенная – это древняя пустыня, огромная негостеприимная пустошь, в которой изредка встречаются единичные пригодные для

обитания планеты. Это оазисы пустыни. Мы, фримены, привыкли к пустыням и теперь решили покорить еще одну.

Стилгар. От ситча к звездам

Вскоре после свержения Падишах-Императора армии Муад'Диб ударили с Дюны по вселенной, расходясь по ее пределам как раскаты грома. Неся с собой свет истины, вооруженные до зубов легионы обрушивались на мятежников, укрепляя Империю Муад'Диб.

В качестве первой уступки Муад'Диб назначил Стилгара правителем Арракиса, пообещав ему вдобавок титул государственного министра, но фрименский наиб не видел никакой пользы в этом назначении и связанных с ним обязанностях. Он был человеком пустыни, вождем храбрых фрименских воинов, а не изнеженным канцелярским чиновником.

Тяжелый военный фрегат должен был доставить Стилгара и его легион к полю самой решающей битвы, первому в списке подлежащих усмирению планет. Стилгар получил приказ завоевать Кайтэйн, бывшую столицу Империи Коррино. На корабле царило воодушевление. Это будет величайший набег за всю историю фрименского воинства.

Этот рослый, закаленный в битвах человек сидел возле большого иллюминатора, осматривая грузовой отсек лайнера Гильдии. В люльках были закреплены другие фрегаты – их было великое множество. Видя эту неисчислимую рать, Стилгар чувствовал себя крошечной песчинкой, но одновременно зрелище это укрепляло его веру в величие Муад'Диб.

До сих пор Стилгару не приходилось покидать родную планету, и сейчас он испытывал смешанный со страхом трепет перед ожидавшей его неизвестностью. Огромные расстояния, которые ему случалось преодолевать на спинах песчаных червей, были ничто в сравнении с неизмеримыми безднами, разделявшими звездные системы.

Сколько нового он узнал, помогая готовить бойцов джихада, сколь много невероятного и поразительного стало теперь для него самой обыденной вещью. Он, например, узнал, что на большинстве обитаемых планет гораздо больше воды, чем на Дюне, что население тех планет более изнежено, чем фримены. Стилгар произносил речи, воодушевлял людей, вербовал рекрутов для священной войны. Теперь его лучшим бойцам предстояло захватить Кайтэйн, самую крупную жемчужину в короне павшей Империи Коррино.

Стилгар сделал глоток воды... не потому, что испытывал жажду, а потому, что вода была под рукой. «Давно ли стал я воспринимать воду, как нечто само собой разумеющееся? Когда начал я пить воду не для того, чтобы выжить, а просто для удовольствия?»

Уже много дней в чрево лайнера Гильдии загружали военные фрегаты и укрепляли их в люльках, готовя к отправлению. Такая великая битва не может начаться без тщательных долгих приготовлений, но само путешествие сквозь свернутое пространство будет очень коротким.

Стилгар спустился на открытую грузовую палубу фрегата. Хотя на судне было множество кают для пассажиров, его воины предпочитали есть и спать сообща в больших, похожих на пещеры помещениях в железном трюме фрегата. Фрименские солдаты пока считали вполне стандартные условия жизни на корабле непозволительной роскошью: им подавали готовую еду, в их распоряжении были просторные помещения, воды хватало даже на купание, воздух кают был влажным, что делало ненужным ношение конденскостюмов.

Опершись о переборку и глядя на своих людей, Стилгар с удовольствием вдыхал знакомые запахи кофе со специей, приправленной меланжем еды и скученных человеческих тел. Даже здесь, в этом железном космическом корабле, он и его люди пытались воссоздать привычную жизнь ситча. Стилгар почесал темную бороду и еще раз взглянул на своих фрименов. Эти люди горели желанием воевать и не нуждались в зажигательных речах.

Многие из них были заняты чтением первого тома книги Ирулан «Жизнь Муад'Диб», где описывалось, как Пол Атрейdes покинул Каладан и прибыл на Дюну, как злобные Харконнены убили его отца и разрушили его дом, и о том, как он постепенно превратился в живую

легенду – Пола Муад’Диб. Напечатанную на дешевой, но прочной меланжевой бумаге, книгу раздавали бесплатно всем желающим; она входила в состав новой солдатской амуниции. Ирулан начала писать эту хронику еще до того, как ее отца отправили в изгнание на Салусу Секундус.

Стилгар так и не понял, что подвигло эту женщину на написание книги, в которой он сам нашел множество неточностей, но нельзя было отрицать поразительной силы убеждения. Эта история – пропаганда, замешанная на религиозном вдохновении, – как лесной пожар, распространилась по планетам Империи.

Завидев Стилгара, двое молодых людей бросились к нему.

– Скоро ли мы отправляемся? – спросил младший, юный парнишка с непослушными вихрами темных волос.

– Верно ли говорят, что мы летим на Кайтэйн? – Старший уже возмужал и был заметно выше своего сводного брата. Это были сыновья Ямиса – Орлоп и Калеф, протеже Пола Атрей-деса, который взял на себя воспитание братьев после того, как убил на поединке их отца. Но мальчики не помнили зла и обожали Пола.

– Мы будем сражаться за Муад’Диб везде, куда приведут нас пути джихада, – ответил Стилгар, хотя и знал, что лайнер отправится к Кайтэйну в ближайший час.

Братья с трудом сдерживали нетерпение. Говор окружавших Стилгара бойцов стал громче, когда все ощутили, как вздрогнул гигантский корабль. Навигатор включил двигатели, свертывающие пространство. Воспоминание о набегах на посты Харконненов, о славной победе над Шаддамом IV действовало лучше, чем доза специ.

Взволнованный Стилгар вскинул голову.

– На Кайтэйн!

Бойцы испустили радостный вопль и изо всех сил затопали ногами по стальным плитам палубы. Они подняли такой шум, что Стилгар не заметил, как вокруг них свернулось пространство.

Вынырнув на орбите вокруг изнеженной планеты, судно Гильдии извергло из своего чрева тысячи фрегатов, окруживших тысячелетнюю столицу Империи. Кайтэйн не сможет противостать такому натиску.

Воины Муад’Диб плохо знали историю Империи, не посещали музеи и изучали памятники легендарным личностям Империи – Фейкану Батлеру, наследному принцу Рафаэлю Коррино, Гассику Коррино III. После поражения и изгнания Шаддама на Кайтэйне все пришло в лихорадочное движение; одни знатные семейства Ландсраада бросились на Кайтэйн, чтобы занять освободившиеся теплые места, другие, наоборот, бежали отсюда на более безопасные планеты. Нынешние правители Кайтэйна поспешили объявить о своем нейтралитете, но фримены в большинстве своем слабо представляли себе, что это такое.

Решительный и непреклонный Стилгар вел своих солдат в бой по улицам бывшей столицы. С мечом в одной руке и кинжалом в другой Стилгар бежал впереди отрядов, крича: «Да здравствует император Муад’Диб!»

Можно было ожидать, что Кайтэйн как бывшая имперская столица окажет самое упорное сопротивление натиску джихада, но все вышло иначе: безопасность Империи покоилась на фамильных связях и союзах, династических браках, договорах, налогах и штрафах. Господствовал закон. Все это было пустым звуком для фрименских армий. Войскам, оборонявшим Кайтэйн – горстке сардаукаров, свободных от клятвы защищать низложенного императора, – не хватало общего командования и согласованности действий. Аристократы Ландсраада были ошеломлены настолько, что не могли всерьез сопротивляться.

Фримены неслись по улицам, выкрикивая имя своего молодого императора. Впереди всех Стилгар видел смеющихся сыновей Ямиса – они рвались вперед, стремясь выказать свое

воинское умение и не щадя ни своей, ни вражеской крови. Эта планета станет очень важным завоеванием, самым значимым выигрышем в политической игре за Империю. Да, Муад'Диб будет доволен.

Ведя своих людей на кровавую битву, Стилгар громовым голосом выкрикивал боевой фрименский клич: «Я-хья джоухада! Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб! Я-хья джоухада!»

Но удовлетворения от самой битвы Стилгар не чувствовал – слишком легко давалась победа над противником. Эти цивилизованные люди Ландсраада, как выяснилось, были не очень хорошими воинами.

Когда герцог Лето Атрейдес принял лен Арракиса, граф Хасимир Фенринг сложил с себя полномочия имперского регента планеты и вместо этого был назначен временным правителем родовой планеты Атрейдесов Каладана. Этой планетой граф управлял заочно (по распоряжению Шаддама IV), не проявляя к ней особого интереса, и народ океанического мира, видя такое равнодушие Фенринга, платил ему той же монетой. Каладанцы издревле были гордым и независимым народом; дары океана всегда волновали его больше, чем галактическая политика. Каладанцы никогда не спешили признавать героев, родившихся в их среде. После падения Шаддама и восшествия на престол Муад'Диб правителем планеты стал Гарни Холлик, но и он часто отлучался с Каладана, ибо этого требовали дела джихада.

Выдержка из биографического очерка о Гарни Холлике

Оставив на время кровавые бедствия начатого им джихада, Пол мысленно был уже на Каладане, будившем в нем яркие и живые воспоминания. Помня о развернувшихся на галактических просторах битвах, прозревая предзнанием, что предстоят еще более тяжкие бедствия, Пол понимал, что короткое пребывание на Каладане оживит его и вдохнет новые силы.

Каладан... бесчисленные моря, выметенные бризами пляжи, рыбацкие деревни, каменные башни древнего фамильного замка. Спускаясь по трапу с приземлившегося в космопорте города Кала фрегата, Пол на мгновение остановился, зажмурил глаза и глубоко, всей грудью, вдохнул родной воздух, насыщенный солью океана, йодом водорослей, резким запахом рыбы, влагу морей и дождя. Как все это знакомо! Когда-то здесь был его дом. Неужели такое можно когда-нибудь забыть? По лицу Пола скользнула мимолетная улыбка.

Он вспомнил гробницу, в которой упокоился череп отца, и подумал, что сам Лето наверняка предпочел бы быть погребенным здесь, на планете, бывшей в течение двадцати шести поколений домом рода Атрейдесов.

«Но я захотел, чтобы он был рядом со мной, на Дюне».

На первый взгляд казалось, что со времени отъезда Атрейдесов Каладан остался прежним, но, сделав несколько шагов от трапа, Пол понял вдруг, что изменился он сам. Он покинул эту планету пятнадцатилетним юношей, сыном возлюбленного герцога. Теперь, всего лишь несколько лет спустя, он вернулся, будучи священным императором Муад'Дибом, ради которого миллионы солдат были готовы жертвовать своей и чужой жизнью.

Джессика положила руку ему на плечо.

– Да, Пол, вот мы и дома.

Сын отрицательно покачал головой и тихо ответил:

– Как бы ни любил я это место, мой дом теперь на Дюне. – Пол не желал возвращаться в прошлое, каким бы дорогим для него оно ни было. – Теперь Каладан – не моя вселенная, это

лишь пятнышко в огромной Империи, коей я должен править. Теперь от меня зависят тысячи планет.

Джессика, прибегнув к Голосу, упрекнула сына:

– Твой отец был герцогом Лето Атрейдесом, и здесь живет его народ. Ты можешь править Империей, но, несмотря на это, Каладан остается твоей колыбелью, местом твоего рождения, и здешний народ, так же как и я, – твоя семья.

Он понимал, что мать права. Пол искренне и широко улыбнулся.

– Спасибо, ты очень вовремя напомнила мне об этом. – Он опасался, что заботы, связанные с войной, будут все больше и больше отвлекать его от дорогих воспоминаний. Шаддам IV относился к большинству своих планет с полным пренебрежением, для него они были лишь пунктами галактического реестра, но Пол не хотел попасться в ту же ловушку. – Каждая рыбацкая лодка на Каладане должна иметь свой якорь.

У кромки поля коспоморта собралась огромная толпа местных жителей. Завидев Пола и Джессику, они радостно загудели. Пол видел перед собой сотни лиц: люди в комбинезонах и полосатых тельняшках, жены рыбаков, плетельщики сетей, строители лодок. Они не отягощали себя нелепыми церемонными нарядами, как и не пытались напустить на себя горделивый вид.

– Пол Атрейдес вернулся!

– Это наш герцог!

– Добро пожаловать, леди Джессика!

Пола сопровождала личная охрана из федайкинов. Начальником ее был преданный человек по прозвищу Чатт Скорохват. Телохранители шли за Полом, высматривая в толпе возможных убийц. Охране было неуютно на этой странной, пропахшей рыбой и водорослями планете с небом, усеянным похожими на клочья ваты облаками, с туманной дымкой, окутывающей вершины гор, и с вечным рокотом прибоя.

Слушая восторженные клики толпы, Пол против воли испытывал сильное волнение. Какую безмятежную жизнь мог бы он вести, если бы остался здесь и в положенный срок унаследовал от отца герцогскую корону. В душе с новой силой вспыхнули воспоминания детства – мирные дни, заполненные рыбалкой, пешие путешествия с отцом. Вспомнил Пол и то, как они с Дунканом прятались в джунглях во время войны убийц – ужасной борьбы, в которой Дом Атрейдесов в союзе с Икацом схватился с Домом Моритани. Но все жуткие перипетии той войны блекли на фоне джихада, бедствия которого были неизмеримо больше, а ставки – выше.

– Надо было взять с собой Гарни, – сказала Джессика, отвлекая Пола от невеселых мыслей. – Ему было бы приятно вернуться на Каладан. Он ведь тоже отсюда.

Она опять была права, но он не мог, не имел права отрывать такого преданного человека от исполнения долга.

– Он делает для меня очень важную работу, мама.

Официально, согласно отречению Шаддама, Холлику было пожаловано на Каладане графство, но Пол не дал Гарни возможности поселиться на планете. Пока. На время своего отсутствия Гарни передал управление планетой представителю малого Икацкого Дома, принцу Ксидду Орлеаку. До окончания джихада Гарни, Стилгар и лучшие из фрименов были нужны Полу на фронтах битв.

Приземистый, коренастый, краснолицый принц Орлеак приветствовал Пола и Джессику энергичным рукопожатием. Пол считал принца деятельным и преданным человеком, да и отзывы об этом аристократе были самые благоприятные, народ Каладана медленно привыкал к его правлению. Несмотря на все его положительные качества, принцу было суждено навсегда остаться здесь чужаком.

– Мы приготовили для вас замок, ваши старые апартаменты восстановлены в их прежнем виде, насколько это оказалось возможным. Моя семья живет в замке, так как в настоящее время

я руковожу планетой, но мы помним, что мы – всего лишь ваши управляющие, и поэтому можем освободить замок на время вашего здесь пребывания.

– В этом нет необходимости. Нам вполне хватит приготовленных для нас помещений. К тому же мой визит будет весьма кратким. Что же касается моей матери, то она пока не решила, что будет делать дальше.

– Возможно, я пробуду здесь дольше, – сказала Джессика.

Орлеак посмотрел сначала на Джессику, потом на Пола.

– Мы готовы принять вас на любой срок, какой вы пожелаете здесь провести. – Возвысив голос, он обратился к толпе, которая добродушно загудела в ответ на напускную строгость: – Чтобы все было вымыто и вычищено! Завтра герцог Пол Атрейдес посетит рыбацкую деревню. Может быть, нам удастся уговорить его занять на полдня большое кресло, чтобы он выслушал ваши жалобы, как делывал встарь его отец. Или нам стоит устроить бой быков, а то арена уже давно простаивает. – С опозданием вспомнив, что старый герцог был убит именно на арене, Орлеак еще больше побагровел: – Нам есть чем его занять.

Толпа принялась свистеть и аплодировать. Пол поднял руку, испытывая, одновременно, неловкость и удовольствие.

– Тише, тише, расписания визита пока нет. – Не успев приехать, он уже ощущал на плечах груз ответственности, понимая, с какими трудностями могут столкнуться Алия и Чани, оставшись управлять Арракисом на время его отсутствия. Конечно, стоящие перед ним жители Каладана тысячу раз правы, но мыслями Пол был на далеких планетах, которые со временем и не всегда безболезненно должны будут встать под его знамена. – Я пробуду здесь столько, сколько смогу.

Толпа зааплодировала так, словно Пол произнес нечто очень важное, а Орлеак торопливо повел прибывших к роскошному экипажу, который должен был доставить благородных гостей и их свиту в родовую замок, высившийся над прибрежными скалами. Сидевший напротив Пола в заднем пассажирском отсеке Чатт Скорохват подозрительно поглядывал на каладанцев до тех пор, пока император не сделал ему знак немного расслабиться. Молодой правитель помнил заповедь старого герцога, считавшего, что ему не надо бояться собственного любящего его народа, но уже в последнее время были схвачены многие заговорщики, желавшие убить Муад'Диб. Опасность может подстергать его и здесь, на родной планете. Когда-то, много лет назад, даже в каладанский замок проникли убийцы, искавшие смерти Пола...

– Вы воплощаете собой все для граждан Каладана, сир, – сказал Орлеак. – Они любили герцога Лето и помнят вас еще мальчиком. Вы – один из них, а теперь вы стали императором и женились на дочери Шаддама. – Он улыбнулся. – Все это так похоже на сказку. Сир, верно ли, что вы сделаете Каладан столицей Империи вместо Арракиса и Кайтэйна? Люди сочтут это за великую честь.

Пол понимал, что столицей его Империи может быть только Дюна, но прежде чем он успел ответить, заговорила Джессика:

– Слухи – это всего лишь слухи. Пол еще не принял... окончательного решения.

– Мое нынешнее служение много тяжелее, чем власть герцога Каладана, – извиняющимся тоном произнес Пол, глядя в окно на толпу, выстроившуюся с обеих сторон дороги, по которой проезжал экипаж. – Первые битвы джихада развернулись уже на тридцати планетах. Долг может позвать меня на войну в любую минуту.

– Конечно, сир. Мы все понимаем, что вы – император Пол Муад'Диб, человек, который отвечает не за одну планету. – Но было заметно, что Орлеак не вполне это понимает. – Однако люди знают, что вы дорожите воспоминаниями о родине. Подумайте, какую пользу может принести Каладану перенос столицы.

– Муад'Диб уже посетил вашу планету, – грубым солдатским голосом произнес Чатт Скорохват. – Вас и так уже коснулось его величие.

В тот вечер Пол с наслаждением улегся спать в своей детской до мелочей знакомого старого замка. На стене висело красочное панно, сшитое представителями местных деревень. Пол помнил, что это панно было принесено в дар герцогу Лето, но не помнил, по какому случаю.

– Надо было взять с собой Чани, – пробормотал Пол. Но она не желала покидать Дюну. Кто знает, может, когда-нибудь...

Сладкие мечты захлестнули его, на мгновение заставив забыть о джихаде; он вообразил, как, вернувшись на Каладан с Чани, пойдет рука об руку с ней вдоль прибрежных утесов, а брызги соленой воды словно крошечные бриллианты будут падать на ее загорелые щеки и лоб. Они могли бы надеть простую одежду и проводить время в беззаботных радостях, бродя по садам и рыбацким деревушкам. Когда Пол погружался в этот несбыточный сон, утомленный разум почти убедил его, что это возможно, но не теперь. Однако непокорное предзнание отказывалось рисовать такие идиллические картины.

Проснувшись на следующее утро, Пол обнаружил, что приемный зал украшен цветами и лентами, стены увешаны записками, посланиями и рисунками. Стараясь как можно лучше приветствовать своего герцога, местные жители принесли ему подарки – цветные раковины, крупные жемчужины, плавающие в масле, засушенные цветы и корзины свежей рыбы. Простые люди несли все это от чистого сердца; у ворот замка выстроился живой коридор из крестьян и рыбаков, желавших увидеть императора.

Но сам Пол начинал испытывать беспокойство.

Джессика уже давно пробудилась и, стоя у ворот, приветствовала собравшуюся толпу.

– Они долго ждали приезда своего герцога. Им нужен Пол Атрейдес. Когда ты вернешься на Дюну и снова станешь императором Муад'Дибом, кто будет играть эту роль? Не бросай этих людей, Пол, они – самая большая твоя ценность.

Пол взял одно из писем и внимательно прочитал послание, написанное молодой женщиной, видевшей его много лет назад, когда он гулял по ее деревне вместе с герцогом Лето. Женщина писала, что приветствовала их серебристым флагом с голубыми лентами. Пол поднял голову и посмотрел на мать.

– Мне очень жаль, но я ее не помню.

– Но зато она помнит тебя, Пол. Любая сделанная тобой мелочь оказывает на этих людей магическое действие.

– Не только на этих, но и на всех остальных. – Пол не мог отделаться от видений кровавого джихада, его неимоверных бедствий, не мог не думать о том, как трудно будет справиться с чудовищем, выпущенным на свободу, – не важно по его воле или нет. Путь к выживанию человечества был узок, как лезвие бритвы, и скользок от крови.

– Если я правильно тебя поняла, ты считаешь, что стал слишком важным, чтобы править одним Каладаном? – Джессика не могла скрыть упрека. Неужели она не видит, что дела обстоят именно так? Чем сильнее было радостное волнение этих людей, тем большую неловкость испытывал Пол.

Принц Орлеак устроил для Пола и Джессики роскошный, но изысканный завтрак и очень хотел, чтобы император участвовал в торжественной деревенской процессии. Номинальный правитель Каладана покончил с трапезой и вытер губы кружевной салфеткой.

– Вам стоит посетить те места, по которым вы, без всякого сомнения, сильно скучаете, сир. Все готово к вашему визиту.

Пол вышел из замка вместе с матерью и со свитой. Идя по прилегающей к гавани части города, он не мог отделаться от странного и щемящего чувства, что эти места перестали быть для него родными. Воздух был липким и влажным, с каждым вдохом в легкие попадала соленая влага. Да, он холил и лелеял в себе воспоминания детства, но местная природа была теперь так же чужда ему, как чужды были прежде природа Дюны и цивилизация фрименов.

Он чувствовал себя крепко привязанным к этому уютному миру, но в то же время и бесконечно далеким от него. Теперь он не принадлежал одной планете и даже двум. Теперь он – император тысяч миров. Он слышал вокруг разговоры о рыбной ловле, герцоге Лето, о надвигающемся сезоне штормов, старом герцоге Поле и живописных боях с быком – и все эти разговоры казались ему теперь мелкими и незначительными. Мыслями он был на фронтах начавшейся войны, которой суждено потрясти до основания всю Империю. Что сейчас предпринимает Гарни? Как дела у Стилгара? Что, если Чани и Алие нужна его помощь на Дюне? Что вообще происходит на Дюне, которую он так некстати покинул в самом начале борьбы?

Взойдя на императорский престол, Пол первым делом увеличил налоги и пошлины для всех планет, которые не признали сразу его верховенства, и многие планеты изъявили ему свою покорность, пусть даже из чисто экономических соображений. Пол был убежден в том, что такое финансовое принуждение сохранит множество жизней и позволит избежать ненужного кровопролития. Но все же битв будет много, и он, Пол, не сможет уйти от ответственности, если даже спрячется на Каладане и будет нежить себя воспоминаниями детства.

Этим вечером, стоя на смотровой площадке рядом с матерью, принцем Орлеаком и другими знатными людьми, Пол едва ли замечал, как стараются каладанские танцоры, выступавшие перед ним в пестрых народных костюмах. Пол чувствовал себя оторванным от корней, как дерево, вырытое из родной почвы, перенесенное через галактику и посаженное в другом месте. Конечно, дереву легче расти на каладанской земле, нежели на Дюне, но его долг – находиться на пустынной планете, там он должен жить, там его истинное место. Сам Пол не ожидал, что будет чувствовать себя чужим на родине.

В самый разгар празднества из каладанского космопорта неожиданно прибыла женщина-курьер. Увидев ее раскрасневшееся лицо и повязку на рукаве, Пол сделал знак Чатту Скорохвату пропустить ее.

Танцоры не сразу поняли, что произошло. Они нерешительно потоптались еще некоторое время, а потом сошли со сцены в ожидании момента, когда смогут возобновить представление. Орлеак изобразил на лице крайнюю озабоченность. Но Пола интересовало только привезенное курьером сообщение. Неожиданные вести редко бывают добрыми.

Курьер заговорила, переводя дух:

– Император Муад’Диб, я доставила вам боевое донесение Стилгара. Мы решили, что эта новость настолько важна, что изменили маршрут лайнера Гильдии и постарались как можно скорее доставить вам реляцию.

– Вы изменили маршрут лайнера ради того, чтобы доставить *сообщение*? – невнятно выпалил изумленный Орлеак.

В мозгу Пола закружились тысячи разных сценариев – один другого хуже. Неужели со Стилгаром произошло что-то страшное?

– Говори слово.

Предзнание безмолвствовало. Пол не видел никакой катастрофы.

«Стилгар уполномочил меня сказать тебе: «Усул, я сделал все согласно твоему приказу. Твои армии захватили Кайтэйн, и я жду тебя здесь, во дворце низложенного императора»».

Пол был не в силах сдержать переполнявшую его радость и крикнул в толпу:

– Кайтэйн наш!

В ответ раздались довольно жидкие аплодисменты. Джессика подошла к сыну.

– Как я понимаю, ты сейчас уедешь?

– Я должен, я просто обязан это сделать. Мама, это же Кайтэйн!

Расстроенный Орлеак умоляюще вскинул руки и обернулся к танцорам.

– Но, сир, все рыбацкие шхуны уже украшены для завтрашней регаты. Мы надеялись, что вы захотите возложить венки к усыпальницам старого герцога Пола и юного Виктора.

– Великодушно простите меня, но я не могу остаться здесь даже на один день. – Пол увидел отчаяние в глазах собеседника. – Мне действительно очень жаль.

Он возвысил голос и обратился к толпе:

– Народ Каладана, я знаю, что вы все ожидали возвращения вашего герцога, но боюсь, что отныне я не смогу ограничиться одной этой ролью. Теперь я не только ваш герцог, но и император, и в качестве такового я даю вам свою мать, и она будет править Каладаном от моего имени. – Он улыбнулся, радуясь такому удачному решению. – Она будет вашей новой герцогиней. Я официально утверждаю ее в этом сане.

– Благодарю тебя, Пол.

Люди в толпе зааплодировали – сначала нерешительно, но потом хлопки слились в овацию, когда Джессика шагнула вперед и приготовилась произнести импровизированную речь.

Пока мать занимала внимание народа, Пол обернулся к курьеру и шепнул:

– Лайнер готов к отлету?

– Навигатор ждет ваших приказаний, Муад’Диб.

– Я отбуду в течение часа. Первое, отправьте в Арракин распоряжение о том, чтобы Ирулан встречала меня в Кайтэйне. Ее присутствие важно и необходимо. – Курьер бросилась выполнять приказ, а Пол обернулся к помрачневшему унылому Орлеаку.

– Мы чем-то вызвали ваше неудовольствие, сир? – спросил принц севшим от волнения голосом. – Мы надеялись, что вы задержитесь здесь немного дольше.

– Я не могу. – Пол знал, что кровь Атрейдесов навеки привязала его к Каладану, но сердце его теперь принадлежало Дюне, а часть души, называвшаяся теперь Муад’Диб, принадлежала всей галактике.

Люди склонны проявлять недовольство, когда старое должно уступить место новому. Но вечные перемены естественны для вселенной, и мы должны учиться принимать изменения, а не страшиться их. Самый процесс преобразования и приспособления укрепляет жизнестойкость биологических видов.

Верховная Мать Ракелла Берто-Анирул, основательница школы Бинэ Гессерит

Прибыла делегация Гильдии. Три человека шли по временному металлическому ангару, служившему пока залом императорских аудиенций. Высокомерные чиновники Гильдии не скрывали раздражения. Им пришлось несколько раз останавливаться у турникетов с охраной, проверявшей их личности. Но соблюдение протокола было необходимо, если они хотели аудиенции у императора Муад’Диб.

Стоя у трона и неестественно выпрямив спину, подчеркивая этим свое высокое положение, светловолосая принцесса Ирулан холодно смотрела, как приближается, проходя мимо металлических стен, причудливая троика. Все они выглядели весьма внушительно в серой форме с эмблемой бесконечности – гербом Гильдии – на рукаве. У всех – от самого низкорослого до самого высокого – был весьма странный вид, отличавший представителей Гильдии от обычных людей.

У шедшего впереди коротышки была непропорционально большая голова; левая ее часть была прикрыта металлической пластиной с шипами, а вторая половина поросла клочковатыми, падавшими назад оранжевыми волосами. У второго, отличавшегося непомерной худобой, было узкое лицо, покрытое шрамами после множества пластических операций. Самый

высокий представитель Гильдии, замыкавший шествие, судорожно водил по сторонам металлическими искусственными глазами. Ирулан заметила, как резко изменилось выражение лиц прибывших, когда они увидели на троне ожидавшую их маленькую Алию.

Величаво завернувшись в плащ, у подножия трона Пола стоял, охраняя его, Корба. Конденскостюм и одежду он украсил знаками своего ранга и таинственными символами архаичной религии муадру. Сомнительно, чтобы Корба надеялся таким способом усилить впечатление от своей влиятельности, но, будучи воспитанницей Бинэ Гессерит, Ирулан легко догадалась о его мотивах. Логически рассуждая, нетрудно было понять очевидный план Корбы.

«Принадлежность к религии впечатляет больше, чем принадлежность к корпусу телохранителей, пусть даже и прославленных», – думала Ирулан.

Вероятно, и ей самой следовало бы подготовить для себя подобную роль.

Старшая дочь Шаддама Коррино IV, Ирулан всегда знала, что выходить замуж ей придется исходя из политических и экономических соображений. Так ее воспитывали и император, и сестры Бинэ Гессерит, и она охотно приняла на себя эту роль. Она даже сама предложила себя в качестве полюбовного решения, когда Пол встретился с ее отцом после битвы за Арракин.

Ирулан не питала иллюзий и не надеялась на любовь Пола, но рассчитывала родить от него дитя. Этого требовала Орден сестер Бинэ Гессерит, исходя из целей своей селекционной программы. Но Пол не прикасался к ней и, поместив Ирулан на третье место, подчинив ее Алии и Чани, он дал ясно понять всем, какое именно значение имеет она при его дворе.

Стараясь сбросить напряжение, Ирулан, незаметно для окружающих, выполнила дыхательное упражнение Бинэ Гессерит. Она уже не ощущала иронии судьбы в том, что Муад'Диб превратил в свой первый аудиенц-зал массивный ангар, привезенный на Арракис ее отцом для подготовки чудовищного удара по планете. Но слава Коррино померкла, и Ирулан смирилась со своей малозначительной ролью; это было ее изгнание.

«Я – всего лишь пешка на шахматной доске Империи».

В зале толпилось множество людей – высокие чины КООАМ, представители малых аристократических Домов, богатые торговцы водой, бывшие контрабандисты, ставшие ныне респектабельными господами, да и многие другие просители, жаждавшие аудиенции у Муад'Диб. Сегодня, несмотря на то что император отбыл на Каладан, все они надеялись получить аудиенцию у его сестры Алии. Мудрая Алия в обманчивом облике четырехлетней девочки терялась на величественном троне из прозрачного зеленого камня, на котором некогда восседал Шаддам IV.

Рядом с Алией в высоком кресле сидела рыжеволосая Чани, напротив нее стояла Ирулан; у нее не было собственного трона. Несмотря на то что Ирулан была супругой императора, Пол так до сих пор не завершил церемонию бракосочетания и говорил, что никогда этого не сделает, ибо сердце его навеки отдано фрименской наложнице. Лишенная надежды на подлинное супружество и материнство, Ирулан изо всех сил старалась определить и утвердить свою особую роль при императорском дворе.

– Нам назначена аудиенция. Мы желаем видеть императора Муад'Диб, – произнес низкорослый представитель Гильдии. – Мы прибыли сюда с планеты Джанкшн.

– Сегодня от имени Муад'Диб посланцев принимает Алия, – сказала Чани и замолчала в ожидании ответа.

Оправившись от минутного замешательства, заговорил второй представитель Гильдии:

– Это Эртун, а я – Лойксо. Мы прибыли сюда от имени Космической Гильдии, чтобы потребовать увеличения квоты специ.

– Как зовут самого высокого из вас? – спросила Алия.

– Крозид, – ответил высокий, коротко поклонившись.

– Очень хорошо, я буду говорить с Крозидом, ибо он по крайней мере знает правила приличия и не говорит вне очереди.

Глаза Крозида блеснули.

– Как уже сказал мой спутник, Гильдии, для того чтобы удовлетворить требования Муад’Диб, нужна дополнительная квота специй.

– Интересно, почему Гильдия никогда не просит о снижении квот, – не скрывая иронии, сказала Чани.

– Мой брат и без того был очень щедр, – добавила Алия. – Мы все должны приносить жертвы на алтарь великого дела.

– Он использует наши лайнеры и привлекает множество навигаторов к военным перевозкам, – вмешался в разговор Эртун. – Но Гильдии эти корабли нужны для торговых перевозок внутри Империи. КООАМ уже сообщает о катастрофическом падении прибылей.

– Мы находимся в состоянии войны, – бесстрастно заметила Ирулан, хотя Алия могла бы сказать это сама. – Чего будет стоить весь ваш бизнес, если у вас не будет специй для возбуждения предзнания ваших навигаторов?

– Мы не хотим вызвать неудовольствия Муад’Диб. – Лойксо откинул с левого глаза оранжевую прядь. – Мы ничего не просим, мы просто констатируем наши потребности.

– Тогда молитесь Богу, чтобы джихад скорее закончился, – сказала Алия.

– Подскажите, как нам угодит императору, – вставил слово Эртун.

Алия на время задумалась, словно ожидая телепатического сигнала от брата.

– Божественный Муад’Диб увеличит поставки специй Гильдии на три процента в год, если вы дополнительно предоставите на нужды джихада двести лайнеров.

– Двести лайнеров? – воскликнул Крозид. – Так много?

– Чем раньше мой брат консолидирует свою власть, тем раньше вы восстановите свою драгоценную монополию.

– Откуда мы можем знать, что джихад не потерпит поражение? – спросил Лойксо.

Взор Алии вспыхнул гневом.

– Попросите своих навигаторов воспользоваться предзнанием и посмотреть, одержит ли Муад’Диб победу.

– Они сделали это, – ответил Эртун, – но увидели сплошной хаос.

– Так помогите ему справиться с хаосом. Помогите ему привести в порядок имперские дела, и он будет безмерно вам благодарен. Щедрость Муад’Диб – так же, как его ярость к врагам, – не знает границ. Неужели вы хотите оказаться в стане недальновидных Домов, осмелившихся противостоять Муад’Дибу?

– Мы не враги императору, – твердо сказал Эртун. – Неизменный нейтралитет Космической Гильдии – залог нашего благополучия.

– Такое положение не может гарантировать ни благополучия, ни безопасности, – сказала Алия. Она была немногословна и рассудительна. – Поймите это, и поймите правильно. Всякий, кто открыто не поддерживает Муад’Диб, может считаться его врагом. – Алия сделала решительный жест. – Аудиенция окончена. Другие подданные уже давно ждут своей очереди. Космическая Гильдия получит увеличенную квоту специй только после предоставления дополнительных кораблей.

Трое раздосадованных представителей Гильдии вышли прочь. В зал вошел пожилой высоколобый лысый человек в сопровождении женщины. Человек шел с видимым трудом, пользуясь своим ультразвуковым жезлом как костылем.

Ирулан от удивления затаила дыхание. Этого мужчину она не видела много лет, но тотчас узнала. Это был управляющий двором ее отца Били Ридондо. Когда-то Ридондо был весьма влиятельной личностью, он заведовал делами Ландсраада и распорядком двора Падид-

шах-Императора. Ридондо отправился в изгнание на Салусу Секундус вместе с Шаддамом IV, но теперь вернулся.

Может быть, стоит дать старику написанную ею книгу... или это лишь возбудит гнев ее опального отца?

Когда старик, стуча изукрашенным жезлом по кроваво-красным мраморным плитам, приблизился к трону, Ирулан увидела, что время было безжалостно к Ридондо. Белый с золотом церемониальный наряд был запылен, рукава – помяты. Прежде этот сановник ни за что не позволил бы себе появиться у трона в таком неопрятном виде. Опередив свою спутницу, старик подошел к подножию трона и остановился. Наступило долгое неловкое молчание. Наконец Ридондо заговорил:

– Я жду, когда объявят о моем приходе.

– Вы можете сами объявить о нем, – тонким детским голоском ответила Алия. – У вас, как у управляющего двором Шаддама, вполне достаточно опыта в таких делах.

Ирулан заметила, что старик был возмущен.

– Я привез важное известие от его превосходительства Шаддама Коррино и требую подобающего ему уважения.

Корба, сделав шаг вперед, положил ладонь на рукоять кинжала, вспомнив о своих обязанностях верного федайкина. Но Алия жестом заставила его отойти на прежнее место.

Царственной девочке было явно скучно.

– Я объявлю о вашем приходе. К нам явился Били Ридондо, управляющий двором изгнанного императора. – Она насмешливо взглянула на него синими фрименскими глазами. Личико Алии только-только начало терять свою младенческую округлость.

Ридондо повернулся к Ирулан, словно надеясь найти поддержку с ее стороны.

– Ваш отец был бы очень рад узнать, что вы пребываете в добром здравии, принцесса. Я могу величать вас этим титулом?

– Да, этого будет вполне достаточно, – ответила Ирулан, подумав, что более подходящим был бы титул *императрицы*, но на это рассчитывать не приходилось. – Прошу вас, излагайте суть вашего дела.

Выпрямившись, Ридондо перестал опираться на жезл.

– Я воспроизведу слова Падишах-Императора, а он...

Чани перебила бывшего царедворца:

– *Бывшего* Падишах-Императора.

В перепалку вмешалась Алия:

– Ну, хорошо, хорошо, что же хочет сказать нам Шаддам?

Помедлив мгновение, Ридондо снова заговорил:

– При всем моем уважении... миледи... когда император Муад'Диб подписал указ об изгнании Падишах-Императора на Салусу Секундус, то обещал, что условия жизни на этой планете будут улучшены. Шаддам IV интересуется, когда же будут приняты меры по этому улучшению. Мы живем в нищете и запустении, отданные на милость суровой природы.

Ирулан понимала, что сама суровость салузанской природы была превосходным катализатором сплочения тех людей, из числа которых ее отец вербовал себе сардаукаров. Улучшив условия жизни на планете, отданной бывшему императору, Пол надеялся смягчить и ожесточенные души потенциальных солдат Шаддама. Очевидно, Шаддам не понимал, насколько благоприятны нынешние неудобства бытия для него, его семьи, сторонников и небольшого числа сардаукаров, исполнявших обязанности полицейских.

– Сейчас мы заняты только и исключительно джихадом, – сказала Алия. – Шаддаму следует проявить терпение. Мелкие трудности ему не повредят.

Но бывший управляющий стоял на своем.

– Император дал нам обещание! Вот доподлинные слова, сказанные им, когда он приговорил Шаддама Коррино к изгнанию: «Я улучшу природу планеты всеми силами, какими располагаю. Салуза превратится в цветущий сад, полный прекрасных чудес». Но, представляется, что император не прилагает никаких сил к такому решению. Не значит ли это, что Муад'Диб нарушает данное им слово?

Договорить он не успел. Корба рванулся вперед и стремительно извлек из ножен кинжал. Ирулан громко закричала, пытаясь его остановить, но фрименский вождь не стал ее слушать. Ни Алия, ни Чани не произнесли ни слова, когда Корба одним ударом перерезал горло старому царедворцу. Ридондо не успел даже поднять жезл, чтобы защититься.

Толпа загородила спутнице несчастного путь к бегству, и Корба направился к ней, намереваясь убить и ее, но Алия остановила его.

– Довольно, Корба.

Алия привстала на троне, чтобы лучше разглядеть распростертое на полу тело управляющего. По мраморным плитам растекалась большая лужа крови, которую следовало собрать и утилизировать по обычаю фрименов.

Командир федайкинов вздернул подбородок.

– Простите, леди Алия. Мое рвение в защите чести Муад'Диб не знает границ.

Он произнес короткую молитву, и многие из присутствующих повторили за ним ее слова.

Ирулан, охваченная ужасом, смотрела на мертвое тело. Потом она обратила гневный взор на Алию и Чани.

– Он явился сюда как посол, доставивший послание бывшего императора. Он обладал дипломатическим иммунитетом и являлся неприкосновенным!

– Здесь вам не старая Империя, Ирулан, – ответила Алия и возвысила голос: – Отошлите помощницу на Салусу Секундус в целости и сохранности. Она может рассказать Шаддаму, что император Муад'Диб пришлет специалистов и машины для экологического переустройства планеты сразу, как только такие специалисты и машины будут в его распоряжении.

– Муад'Диб! Муад'Диб! – принялась восторженно скандировать толпа.

Корба был похож на зверя, алчущего крови. Он выразительно посмотрел на Ирулан, явно желая убить и ее, но спустя мгновение опомнился, вытер клинок и вложил его в ножны. Без всякого страха, испытывая лишь омерзение, Ирулан вызывающе взглянула в глаза федайкину. Она была сестрой Бинэ Гессерит, и убить ее было не так легко, как старого Ридондо.

Слуги поспешили вынести тело мертвого управляющего и собрать кровь. Алия снова уселась на трон.

– Кто еще желает быть объявленным?

Ответа не последовало.

Я оставляю в истории свои следы даже там, куда не ступит моя нога.

Принцесса Ирулан. Речения Муад'Диб

Челнок лайнера приземлился в космопорте Кайтэйна. Сквозь стекло иллюминатора Пол смотрел на парадный строй стоявших на поле победоносных федайкинов. Восторженный рев толпы покрывал шум двигателей. Странное дело – орущая толпа и скандирующие приветствия солдаты только усугубляли щемящее чувство одиночества.

На Каладане он надеялся хотя бы на короткое время почувствовать себя обыкновенным человеком – таким, каким, по мнению его отца, и должен быть настоящий герцог, но визит на

родину лишь напомнил о его особом призвании. Правда, иначе не могло и быть. Он перестал быть просто Полом Атрейдесом. Теперь он Муад'Диб; эту роль он взял на себя просто и естественно, и теперь уже и сам не был уверен, где маска, а где подлинная его личность.

Придав лицу суровое выражение, он тяжело вздохнул и откинул на плечи капюшон декоративного конденскостюма. С имперской величавостью, окруженный эскортом охраны, он ступил на трап и начал спускаться навстречу восторженной толпе с видом героя-завоевателя.

Рев встречающих был таким оглушительным, что Пол в первый момент едва не попятился назад. Тираны в таких случаях начинают верить в свою непогрешимость и преисполняются самоуверенностью. Он вдруг до боли отчетливо понял, что одного его слова будет достаточно, чтобы эти фанатичные бойцы истребили на Кайтэине всех мужчин, женщин, детей и стариков. Эта мысль опечалила его.

В юности, изучая историю, он часто представлял себе блистательную столицу своих владений, но сейчас он видел поднимавшиеся к небу столбы черного дыма. Огонь пожирал ослепительно белые здания, величественные монументы лежали поваленными, правительственные здания и роскошные частные особняки были разграблены. Пол помнил об истории варваров, разоривших Рим, покончивших с одной из первых великих Империй человечества и погрузивших его в темные века. Клеветники то же самое говорили и о правлении самого Пола, но он продолжал делать то, что считал необходимым.

Стилгар предстал перед своим императором в запыленной военной форме. На груди и руках виднелись следы запекшейся крови. Раненая левая рука наiba была перевязана бинтами и подвешена на косынке из дорогой узорчатой ткани. Должно быть, косынку эту наспех сделали из одежды убитого аристократа.

– Кайтэйн пал, Усул. Твой джихад подобен неукротимому урагану.

Пол окинул взором изуродованную войной столицу.

– Кто же может остановить бурю пустыни?

Еще до начала джихада Пол понимал, что ему не удастся в одиночку руководить всеми предстоящими сражениями. Как не хватало ему сейчас убитого Дункана, который мог участвовать в джихаде вместе со Стилгаром, Гарни Холликом и даже некоторыми закаленными командирами сардаукарской гвардии, присягнувшими на верность победителю. Потерпев сокрушительное поражение в битве за Арракин, элитные воины Шаддама были потрясены настолько, что перешли на службу к единственному военачальнику, превзошедшему их в доблести. Пыл сардаукаров не был религиозным, но тем не менее это был настоящий фанатизм, и фанатизм полезный. Однако Полу хватило государственной мудрости не посылать сардаукаров на завоевание Кайтэйна.

– Когда прибудет Ирулан? – спросил Пол. – Она получила мое послание?

– Гильдия сообщила мне, что следующий лайнер доставит ее сюда в течение дня. – Стилгар не скрывал отвращения. – Но я не могу понять, зачем она тебе нужна. Чани сильно рассердятся.

– Мне она не нужна, Стил, но ее присутствие здесь необходимо, и ты сам скоро в этом убедишься.

Рядом со Стилгаром стояли сыновья Ямиса.

– Мы хотим кое-что показать тебе, Усул! – сказал Орлоп. Он всегда был разговорчивее брата. – Эта планета полна сокровищ и чудес. Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное?

Пуалю не хотелось огорчать братьев, и он не стал говорить, что видел так много чудесных и страшных вещей, что у него устали глаза.

– Да, покажите, что вызвало у вас такое волнение.

На центральной площади некогда величественного города фрименские воины свалили в кучу разорванные знамена Ландсраада и разбитые гербы аристократических Домов. Завоеватели охотились за охваченными ужасом горожанами – одних брали в плен, других убивали.

Это была дикая кровавая оргия, похожая на оргии со специей, которые устраивала Сайадина во время праздников в ситчах. Оглядывая место побоища, Пол понимал, что если попытается подавить разгул, то сделает только хуже. С этой страшной ценой приходится мириться, так как самое худшее уже позади...

У Пола были советники, но как недоставало ему мудрости герцога Лето, Сафира Хавата или Дункана Айдахо. Их всех уже давно не было в живых. Пол был уверен, что герцогу Лето не понравился бы учиненный на Кайтэйн разгром. Как бы то ни было, но теперь Полу приходилось полагаться на собственные суждения. «Я создал вселенную, в которой невозможно играть по старым правилам. Новую парадигму. Прости меня, отец».

Пол видел изуродованный Дом заседаний Ландсраада, разрушенные музеи, инопланетные посольства. Сводчатый сад камней – свадебный подарок императору Шаддаму от Дома Торвальдов – был взорван и являл собой безобразную грудку обломков. Пол не мог понять, чего хотели сказать этим его воины. То было разрушение ради разрушения.

Семеро задушенных мужчин с веревками на шеях висели вниз головами на деревьях общественного парка. Это было мрачное и зловещее зрелище. Судя по дорогим одеждам, это были аристократы, не спешившие сдаться фрименам по первому требованию. Пол почувствовал, как в нем вскипает гнев. Эти незаконные расправы сделают еще более трудными мирные переговоры, а тем более заключение союзов с Домами Ландсраада.

Из здания Ландсраада выбежала толпа орущих, гогочущих фрименов, тащивших длинные стяги. Пол узнал цвета Домов Икаца, Ричеса и Тонкина. Фримены ничего не знали об истории этих великих семейств, да она их и не интересовала. Насколько хватало их понимания, Ландсраад и без того зашатался, рухнул и рассыпался на части.

– Даже Шаддам теперь не захотел бы сюда вернуться, – пробормотал Пол сквозь зубы.

Фримены тащили самодельные корзины и мешки, наполненные награбленным добром. В толчее они разбрасывали и разбивали бесценные произведения искусства. Четверо здоровенных вояк бросились в огромный фонтан, украшенный великолепными статуями, и до рвоты напившись воды, принялись плескаться в воде с таким видом, словно наконец обрели рай.

Подбежал Калеф. Все лицо его было вымазано липким соком. В руке молодой фримен держал полдюжины портигалов – оранжевых плодов с твердой кожурой и мягкой сладкой сердцевинкой.

– Усул, мы нашли за городом сад – там просто так стоят деревья, роскошные, громадные, зеленые, на них полно фруктов – бери, не хочу! Вот, не хочешь попробовать?

С этими словами Калеф протянул Полу плод.

Пол принял дар, прокусил горькую кожуру и выдавил в рот ароматный свежий цитрусовый сок. Сама мысль о том, что этот портигал из садов Шаддама, делала сок еще слаще.

Когда следующий лайнер Гильдии доставил на Кайтэйн хранившую ледяное молчание Ирулан, Пол попросил, чтобы ее доставили к парадной лестнице старого императорского дворца. Пол понимал, что происходящее станет для нее потрясением, но Ирулан была нужна здесь.

Дочь Шаддама была одета в темно-синее платье, сшитое по былой столичной моде. Завитые мелкими кольцами золотистые волосы красиво спадали на шею. После поражения и отречения отца Ирулан с достоинством несла бремя своего долга. Сама она не жаждала власти – будучи умной женщиной, она видела и трезво оценивала новую реальность.

Сначала Ирулан была склонна думать, что техника обольщения Бинэ Гессерит позволит ей легко проникнуть в постель Пола и произвести от него младенца, соединяющего в себе обе линии – Коррино и Атрейдесов. Этого требовали от Ирулан Преподобные Матери Ордена сестер. Но пока Пол оставался нечувствительным к чарам принцессы. Все его помыслы, все его чувства были обращены к Чани, его единственной возлюбленной.

Не сумев добиться первоначальной цели, Ирулан решила последовать основной заповеди ордена Бинэ Гессерит: приспособиться или умереть. Она нашла для себя новое дело и быстро прославилась, опубликовав первый том «Жизни Муад'Диб». Книга была скоро написана, быстро издана и мгновенно разошлась, приобретя невиданную популярность. Большинство воинов Муад'Диб носили в своих вещмешках зачитанные до дыр экземпляры книги.

Здесь, в разрушенном Кайтэйн, принцесса, однако, могла сыграть более традиционную роль.

Толпы следовали за Полом всюду, куда бы он ни отправился. Люди ждали и надеялись, что их вождь может в любой момент сказать что-то очень важное. Вот и сейчас огромная толпа собралась перед императорским дворцом.

Ирулан выглядела настоящей царицей. Не требуя сопровождения, Ирулан взошла по полированным ступеням на первую площадку, где ее уже ожидал Пол. Выказывая королевскую гордость, Ирулан подошла к нему и взяла под руку.

– Вы звали меня, мой супруг? – было заметно, что Ирулан подавляет гнев, вызванный бессмысленными разрушениями.

– Вы были мне нужны здесь. Вероятно, вы в последний раз видите Кайтэйн.

– Это не мой Кайтэйн. – Она оглядела дворец, явно не в силах примирить то, что она видела, со своими воспоминаниями. – Это изуродованный и подвергшийся надругательству труп того, что было когда-то величайшим из городов. Он никогда не станет прежним.

Пол не мог отрицать справедливости ее слов.

– Там, где проходит Муад'Диб, ничто не остается прежним. Разве вы не написали этого в своей книге?

– Я записала рассказанную вами историю, естественно, в моей собственной интерпретации.

Он протянул руку, указывая на толпу.

– А это продолжение моей истории.

Пол оказал особую честь Калефу и Орлопу, и вот теперь оба юноши по его сигналу взбежали вверх по ступеням лестницы, неся боевые знамена Пола – бело-зеленое и черно-зеленое. Пол внимательно посмотрел на море лиц – и раздался восторженный рев, мгновенно сменившийся благоговейной тишиной.

– Это Кайтэйн, а я – Император. – Он сжал руку Ирулан, и она вперила в толпу каменный взор. Они оба понимали, зачем она здесь. – Но я не только преемник Падишах-Императора Шаддама Коррино IV. Я – Муад'Диб, и я не похож ни на одну силу из всех, когда-либо виденных во вселенной.

За спиной Пола, во дворце, вспыхнул пожар. Исполняя приказ, верные воины подожгли огромное здание сразу во многих местах. Пол видел этот огонь уже давно – силой своего предзнания; он сопротивлялся таким видениям, но понимал также необходимость этого символического жертвенного костра. По крайней мере этот огонь скоро погаснет, спалив дворец дотла.

Большинство аристократов знатных Домов не любили Шаддама и его эксцессы. Теперь же благородные господа будут уstraшены Муад'Дибом. Разрушение Кайтэйна, возможно, окажется достаточным для того, чтобы потрясти остальных членов Ландсраада и привести их к покорности, а это избавит Пола от необходимости продолжать джихад и позволит закончить его, пока он не превратился в галактическую бойню. Новый Император тяжело вздохнул: ужасающие видения говорили ему, что он не сможет остановить фанатичную, начатую им самим войну. Он может лишь по возможности смягчить тяготы борьбы, да и то в очень дальней перспективе.

Какую же тяжесть он взвалил на свои плечи! Только он один мог прозреть сквозь завесу кровопролития, боли и горя. Как же возненавидит его человечество... но зато оно выживет, и только благодаря этому сможет его ненавидеть.

Толпа с вожделием смотрела, как пламя пожирает величественное здание. Огонь с ревом полыхал, вырываясь из дверей и окон, а Пол стоял на площадке лестницы, словно на пороге огненного ада.

Ирулан била дрожь.

– Я никогда не прощу тебе этого, Пол Атрейдес. Коррино никогда не простят тебя. – Она сказала что-то еще, но слова ее потонули в криках толпы и треске пламени.

Пол наклонился к уху Ирулан и печально ответил:

– Я не молил о прощении.

Потом Муад'Диб повернулся к толпе и заговорил, стараясь перекричать гудящее пламя:

– Этот дворец был символом старого режима. Как и все, связанное с пораженной упадком и гниением старой Империей, он должен быть сметен и повержен в прах. Отныне Кайтэйн – не столица Империи. Теперь наша столица – *Дюна*. Я повелеваю, чтобы в Арракине был построен новый дворец, рядом с которым померкнут самые великие строения бывших правителей.

Обернувшись назад, он выразительно посмотрел на наследие Шаддама IV, обьятое дымом и пламенем. Постройка собственного нового дворца потребует великих жертв, исполнского труда и невероятных расходов.

Пусть так, но Пол не сомневался, что великое видение станет явью.

Правила существуют, но люди неизменно находят способы их обойти. То же самое касается и законов. Истинный вождь должен понимать это и быть готовым извлечь выгоду из любой ситуации.

Император Элруд IX. Размышления об успехах

Шаддам Коррино с отвращением смотрел на лицо, глядевшее на него из оправленного в золоченую раму зеркала. Да, он стареет, и стареет преждевременно. Его отцу, Элруду IX, было сто пятьдесят семь лет, когда Шаддам с Фенрингом отравили старого Императора.

«Мне же сейчас вдвое меньше».

Старость равнозначна слабости. Всего несколько лет назад в рыжей шевелюре Шаддама было всего несколько седых волос; их было почти незаметно. Но за время, проведенное в изгнании на неуютной суровой планете, седина проступила в волосах очень отчетливо. Может быть, все дело в составе воздуха? Шаддам подумывал о том, чтобы красить волосы, но не решался – трудно было сказать, добавит ли это его облику силы или всего лишь тщеславия.

Когда Шаддам был Падишах-Императором, он гордился своей молодежавой внешностью и энергией; при дворе у него было множество наложниц, а кроме того, после смерти Анирул у него было несколько неудачных браков. Но, к несчастью, все это было в прошлом, и теперь Шаддам чувствовал, что настоящая жизнь покинула его. Один вид углублявшихся с каждым месяцем морщин вызывал у него усталость и разочарование. Даже меланж не сделает его жизнь вечной или настолько долгой, чтобы дожидаться возвращения на трон. Но, с другой стороны, вместе с ним в изгнании пребывали четыре его дочери, и они родят ему внуков, даже если это не получится у Ирулан. Так или иначе, но род Коррино не пресечется.

«Этот выскочка Атрейдес смеет именовать себя Императором!»

Он опасался, что Ирулан переметнулась в стан его врагов, хотя Шаддам и не вполне понимал, какую роль она там играет. Была ли она лазутчиком, который сможет в случае необходимости помочь ему, или она сознательно предала своего отца? Не стала ли она заложницей выскочки? Почему она не пытается смягчить участь своей семьи? Что за «книгу» она напи-

сала, прославляя «героическую» жизнь Пола Муад'Диб Атрейдеса! Даже ведьмы озлобились на нее за это писание.

Не важно. Он не мог даже вообразить, что правительство узурпатора долго продержится у власти, основав ее на религиозном бреде и примитивном фанатизме. Ландсраад никогда не поддержит выскочку, и, хотя многие аристократы отказались от борьбы, другие сплотятся и окажут сопротивление. Скоро, очень скоро они снова призовут его, Шаддама, на трон, чтобы навести порядок в Империи. История длительностью десять тысяч лет, восемьдесят один Император из рода Коррино со времен окончания Батлерианского джихада, галактическая Империя, включившая в себя бесчисленное множество звездных систем, которой, страшно подумать, завладели какие-то пустынные дикари, до сих пор именующие себя *племенами*! Эта мысль привела Шаддама в отчаяние. В течение одного правления скатиться из золотого века в темные века.

«И вот теперь я здесь – правитель никому не нужной планеты».

Шаддам отошел от зеркала, отвернувшись от неприятного отражения, и стал смотреть в декоративное окно, отображающее проекцию наружного ландшафта. В салузанском небе отвратительного оранжевого цвета кружились стервятники, высматривавшие скудную добычу.

Спутники климатического контроля должны были улучшить погоду в определенной части планеты, но работа спутников оказалась ненадежной. В самом начале весны, когда зазеленели деревья и кустарники, а из-под земли пробилась трава, аппаратура спутников отказала. Пока их чинили, налетели сильнейшие ураганы и уничтожили растения; строительные и восстановительные работы стали почти невозможны.

Будучи Императором, Шаддам специально поддерживал на этой планете отвратительный климат. Салуза служила Императорам из рода Коррино тюрьмой, сюда, на милость природы ссылали осужденных преступников и людей, недовольных режимом. Приблизительно шестьдесят процентов сосланных умирали, а остальные, закаленные в суровых условиях герои, становились кандидатами в элитную гвардию сардаукаров. Правда, в отличие от прежних сосланных узников Шаддаму были обеспечены удобства и снабжение продовольствием и всем необходимым для жизни. У него был даже отряд верных солдат. Но все же, все же, он считал Салусу своей тюрьмой.

Вместо того чтобы улучшить природные условия Салусы, как он обещал, Пол Атрейдес, кажется, нарочно отключил некоторые системы жизнеобеспечения. Может быть, он надеялся таким способом сократить численность верных бывшему Императору воинов, или просто хотел, чтобы опозоренный Шаддам несколько лет как следует помучился?

Шаддам только недавно узнал, что его старый верный управляющий Били Ридондо был убит при дворе Муад'Диб только за то, что осмелился попросить нового Императора-фанатика о лучших условиях для благородных узников Салусы Секундус. Шаддам, собственно говоря, и не рассчитывал на успех этого гамбита, так как уверился, что узурпатор начисто лишен всякого понятия о чести. Когда фрименская рвань штурмом взяла резиденцию Императора на Арракине, заставив Падишах-Императора согласиться на условия капитуляции, выскочка заявил, что «Муад'Диб» не связан обещаниями, данными «Полом Атрейдесом», как будто это были два разных человека!

Как это удобно.

Теперь вот он получил сообщение о том, что фрименские фанатики захватили Кайтэйн. Варвары разграбили его красивейшую столицу!

Неужели они действительно надеются, что я буду смиренно сидеть здесь и спокойно наблюдать, как вся галактика сходит с ума?

Хуже того, Шаддам постоянно получал нелепые указы, составленные в терминах какой-то пародийной религии, возникшей вокруг Муад'Диб, и подписанные каким-то самозванцем по имени Корба.

«Какое-то фрименское ничтожество присылает мне распоряжения!»

Это было неслыханно. После учиненного Муад'Дибом кровопролития люди будут встречать возвращение Шаддама песнями и цветами. Бывший Император поклялся одного за другим известить своих врагов – интригами, хитростью или убийством. Но пока такой возможности не было.

В прошлом году Шаддам уже попытался перехитрить своих стражей. Среди закаленных судьбой ссыльных преданные бывшему Императору командиры сардаукарской гвардии разыскивали квалифицированных механиков и талантливых изобретателей. Этим людям поручили строительство нового города, способного противостоять превратностям жестокого салузанского климата. Некоторые из тех людей были закоренелыми преступниками – убийцами, контрабандистами, ворами, но других сослали на Салусу по политическим мотивам – некоторых администрация Коррино, некоторых – и их было большинство – Муад'Диб. За минимальное улучшение условий жизни эти люди были просто счастливы работать на Шаддама.

По периметру нового столичного города Салусы высились три огромные свалки бытового и строительного мусора. Каждая свалка высотой превосходила самые высокие импровизированные здания города. Шаддам приказал поисковым командам извлекать отовсюду подходящие строительные и промышленные материалы, свозить их из других мест заключения, а также из нескольких городов, руины которых уцелели после ядерного удара, нанесенного много лет назад. Результаты этой работы оказались, однако, мизерными.

Купол, покрывающий город, был пока не закончен, но Шаддам надеялся, что со временем в защищенной части города начнут пышно произрастать деревья и кустарники. В суеете строительных работ он чувствовал себя как управляющий большой свалки по утилизации и сортировке мусора, из которого извлекают всякий хлам на постройку жалких лачуг. Как ни старался бывший Император, из его усилий не вышло ничего, кроме смехотворной имитации императорского дворца на Кайтэйне.

Личная резиденция Шаддама находилась в покрытой куполом части города, который непрерывно строился и перестраивался. Благодаря показному великодушию Муад'Диб, резиденция была богато обставлена реликвиями рода Коррино, устлана кайтэйнскими коврами ручной работы и украшена другими произведениями высокого искусства, вывезенными из императорского дворца. Неповторимые фамильные ценности служили дразнящим напоминанием об утраченном величии. Шаддам сохранил все свои императорские регалии, одежду и даже оружие. Видимо, для вящего оскорбления «благодетель» выслал Шаддаму контейнер, полный его детских игрушек, включая и чучело салузанского быка.

Члены семьи Шаддама и его ближайшие советники размещались в разных, но соединенных друг с другом зданиях. Личное жилище Шаддама разительно отличалось от других строений. Самое большое из всех, оно было оснащено воздушными подвесными системами, что позволяло Шаддаму летать над равнинами Салусы, не покидая дома, и осматривать местность, оценивая ее условия. По крайней мере это обстоятельство давало ему иллюзию мобильности и свободы передвижения.

«Император не должен просить милостыню, чтобы выжить». Шаддам прикоснулся пальцем к вмонтированному в стену сенсору, и декоративное окно сменилось изображением ландшафтов Кайтэйна. Это было чудо электронной техники, которое Шаддаму позволили сохранить. «Они так добры ко мне».

Он обернулся и увидел в дверном проеме офицера сардаукара в сером мундире, украшенном золотым и серебряным шитьем. Пожилой, мощного сложения человек, полковник-баши, держа в одной руке черный шлем, отсалютовал другой рукой поверженному Императору. Лицо баши, казалось, было высечено из твердого, обветренного гранита Салусы, где он прослужил много лет.

– Вы вызывали меня, сир?

Шаддам был рад видеть одного из самых преданных своих военачальников.

– Да, баши Гарон. У меня есть для вас важное задание.

Когда-то Зум Гарон командовал всеми легионами сардаукаров Шаддама, но теперь под началом прославленного командира оставались лишь ничтожные силы – несколько тысяч сардаукаров, которых Пол Атрейдес разрешил сохранить. Рот Гарона дернулся. Он ждал, что скажет его хозяин.

Шаддам подошел к письменному столу, выдвинул ящик и достал оттуда изукрашенный кинжал с золотой рукояткой, инкрустированной драгоценными камнями.

– Тиран Муад'Диб и его фанатики попирают законы дипломатии и правила приличия. Те из нас, кто стоит за цивилизацию и стабильность, должны забыть свои противоречия. Но я не могу все делать сам и один вникать во все. – Он ударил клинком по ладони, а потом, рукояткой вперед, протянул оружие баши. – Разыщите моего дорогого друга Хасимира Фенринга и передайте, что мне сейчас очень нужна его помощь. Он покинул нас всего месяц назад, а значит, не успел еще закрепиться где-то надолго. Отдайте ему этот кинжал и скажите, что это мой личный дар. Значение его он поймет сам.

Гарон взял кинжал. Лицо военачальника осталось бесстрастным, но старый баши умел скрывать за этим каменным фасадом любую бурю эмоций.

– Я не говорил с ним с тех пор, как он отбыл отсюда, в отличие от моего, его изгнание было сугубо добровольным, – добавил Шаддам. – Спросите, как чувствуют себя его дорогая жена и их ребенок. Малышке уже исполнилось три года! Да, и не забудьте напомнить ему, что моя дочь Уэнсиция только что вышла замуж за его кузена Далака Зор-Фенринга. Вероятно, мой друг пока этого не знает.

Шаддам заставил себя улыбнуться, чтобы скрыть горечь. Как много он потерпел за последнее время мелких унижительных поражений! В изгнании у Шаддама не было никаких надежд на заключение перспективных матримониальных союзов. Поэтому после отъезда графа он выдал за его кузена свою среднюю дочь. Втайне бывший Император надеялся, что друг детства оценит этот шаг и ответит на него дружбой. Как не хватало Шаддаму Фенринга! Несмотря на их ссору, Шаддам был уверен, что старая дружба перевесит мимолетные обиды. Коррино и Фенринг дружили почти всю свою сознательную жизнь. Скоро, как рассчитывал Шаддам, появится внук, который еще больше укрепит старые узы.

Гарон откашлялся.

– Найти графа Фенринга будет нелегко, сир.

– Когда сардаукары уклонялись от выполнения трудных заданий?

– Никогда, сир. Я сделаю все, что в моих силах.

Легче осудить чуждую культуру, нежели понять ее. Мы склонны смотреть на вещи сквозь призму наших расовых и культурологических предпочтений. Способны ли мы выйти за их пределы? И если да, то способны ли к осмыслению?

Доклад Бинэ Гессерит о галактических поселениях

Состоя на службе у Шаддама, граф Хасимир Фенринг встречал представителей самых разнообразных человеческих рас. Однако Бинэ Тлейлаксу опрокидывал самые основы представлений о человечестве и человеческом. С помощью сложных генетических манипуляций мастера Тлейлаксу намеренно приобрели весьма странный физический облик: маленькие пронырливые глазки, острые мелкие зубы и вороватая осторожная походка, словно идущий посто-

янно опасается нападения. Другие представители этой расы были выше и выглядели как обычные люди, но в этом перевернутом обществе люди, напоминающие мелких грызунов, стали господствующей кастой Тлейлаксу.

Вот в этом-то мире и обосновались Фенринг и его семья.

Чувствуя себя не в своей тарелке, но стараясь не обращать внимания на странности, Фенринг и его жена Марго прогуливались по берегу озера в окрестностях города Фалидеи, где мастера Тлейлаксу разрешили поселиться графской семье. За крышами домов виднелась высокая прочная стена, окружавшая промышленный комплекс, построенный на берегу огромного, ныне мертвого и зловонного озера. Для живших здесь людей загрязнение окружающей среды, смеси разных химикатов, необычные реакции органического синтеза были всего лишь *возможностями*, составными частями экспериментального бульона, из которого можно было извлечь и исследовать интересные химические соединения.

В отличие от священного города Бандалонга чужестранцам не был воспрещен вход в промышленный город, хотя власти Тлейлакса предпринимали кое-какие меры, чтобы изолировать от местных жителей чету Фенрингов. На фасадах многих строений были видны сканирующие пространство камеры наблюдения. Специальные датчики заливали перламутровым светом подъезды некоторых строений, препятствуя входу в них неверных повиндахов. В Фалидеях проводилось большинство важных исследований тлейлаксу, включая сложный и запутанный процесс извращения ментатских способностей. Фенринг поклялся, что рано или поздно узнает все его подробности.

Фенринг пробыл в обществе Шаддама всего месяц, деля с ним его изгнание, но потом понял, что не в силах больше выносить изменчивое настроение бывшего Императора. Старые друзья постоянно ссорились, и в конце концов граф принял решение покинуть Салусу Секундус. Если бы он пробыл на Салусе дольше, то, вероятно, убил бы Шаддама, а графу не хотелось убивать друга детства.

Так как распоряжение Муад'Дибя об изгнании прямо не касалось Фенринга, ему удалось беспрепятственно ускользнуть с Салусы. Меняя имена, Фенринг перекочевывал с планеты на планету, но на Тлейлаксе открыл свое подлинное имя, так как прежде ему приходилось много работать с представителями этого народа. Марго родила ему прелестную дочку, а Салуза была не самым подходящим местом для ее воспитания. Фенринг выбрал Тлейлакс, так как справедливо полагал, что никому не придет в голову искать его там. Это был относительно безопасный, незаметный мир, где вдали от любопытных посторонних глаз можно было дать хорошее воспитание и превосходное образование дочери. Тлейлаксу раздражали Фенринга, но умели хранить и свои, и чужие тайны.

Фенринг напомнил о прошлых услугах, намекнул на некоторые секретные сведения, которые могут всплыть, если с ним случится какая-нибудь неприятность. Немного поломавшись для виду, тлейлаксу позволили Фенрингам остаться на планете, и семья решила прожить здесь несколько лет. Но все же этот мир не мог стать их родиной – они были повиндахи.

– Взгляни на тех мужчин. Вон они, стоят на перекрестке ничего не делая, – тихо проговорила Марго, обращаясь к мужу. – Где женщины?

– Это мужчины высшей касты, – ответил Фенринг. – Они считают, что их добродетель и состоит именно в ничегонеделании, хотя лично я считаю такую привилегию довольно скучной.

– Но я не видела здесь и женщин низшей касты, здесь нет даже девочек. – Леди Марго обвела улицу взглядом своих пронизательных глаз. Супруги уже давно подозревали, что тлейлаксу либо держат своих женщин взаперти, как рабынь, либо используют их для биологических экспериментов.

– Значит, моя дорогая, ты – самая красивая женщина на Тлейлаксе, в этом не может быть никаких сомнений.

– Ты заставляешь меня краснеть, милый. – Она чмокнула мужа в щеку и пошла дальше, настороженно глядя по сторонам. Марго всегда имела при себе спрятанное оружие, готовое к бою; супруги не допускали, чтобы дочь даже на минуту оказалась на улице без присмотра.

Супруги были преданы друг другу, но не переступали границ. У каждого была своя неприкосновенная личная территория. Фенринг даже смирился с тем, что Марго зачала их дочь от Фейда-Рауты Харконнена. Ничего личного – просто бизнес. Когда Фенринг много лет назад женился на Преподобной Матери ордена Бинэ Гессерит, он знал, на что соглашался, и признал такое положение вещей естественным.

Сейчас маленькая Мари была дома, в нескольких кварталах от озера, под присмотром одаренной женщины, которую Марго вытребовала из Ордена сестер. Эта послушница ордена по имени Тоня Обрега-Ксо одновременно исполняла обязанности няни, наставницы и телохранителя. Фенринг был уверен, что няня из ордена Бинэ Гессерит была по совместительству шпионкой, регулярно отправлявшей сестрам донесения о ходе воспитания Мари на Уаллах IX, но закрывал на это глаза, так как знал, что Тоня не пожалеет жизни ради спасения ребенка. Ордену сестер девочка была нужна для селекционных целей.

Подувший с берега ветер унес часть вони назад, к источавшему ее озеру. По нему плавали рыболовные траулеры, поднимавшие со дна осадок, из которого извлекали образцы биологических видов – мутантов, приспособившихся к жизни в загрязненной водной среде. Изредка из воды, на большом удалении от берега, над поверхностью появлялись щупальца каких-то неведомых животных, но тлейлаксу не осмеливались заплывать так далеко, и таинственные существа до сих пор не были занесены в таксономические каталоги.

По промышленным трубопроводам слизь со дна озера разливали в бассейны-отстойники и сепараторы. Одетые в специальные костюмы тлейлаксу низшей касты добывали из этой массы разнообразные химические соединения. Над чанами и бассейнами с громкими криками летали черные чайки. Подъемные краны извлекали из питательных растворов на мелководье вертикально установленные там рамки с сетью, покрытой водорослями.

Фенринг и леди Марго завидели белое восьмиэтажное здание – восемь было священным числом для этого в высшей степени суеверного народа.

– Гм, вначале мастер Эребоом отказался пускать меня сюда, моя дорогая, но теперь наконец согласился это сделать. Он даже решил показать нам что-то необычное.

– Может быть, мне стоило надеть по этому случаю вечернее платье? – не скрывая сарказма, спросила Марго.

– Будь снисходительна, Марго. Я же знаю, что ты можешь быть очень милой и приветливой. Не стоит оскорблять радушных хозяев.

– Пока я еще никого здесь не оскорбила. – Она изобразила елеиную улыбку. – Но всегда что-то делаешь в первый раз.

Она взяла мужа под руку и они направились к белому зданию.

Ученый тлейлаку ждал их у входа в зону безопасности перед входом в учреждение. Карманы белого лабораторного халата оттопыривались, как будто были полны местными секретами. Мастер Эребоом – альбинос с молочно-белой кожей и белой козлиной бородкой – был исключением в среде людей с серой кожей и черными волосами. Видимо, при его зачатии произошел какой-то сбой намеченной генетической программы.

Эребоом весело обратился к графу:

– Наши охранники сказали, что вы шли сюда слишком длинным путем. Пройдя проулками, вы могли бы сэкономить по меньшей мере пять минут.

– Я не люблю проулки, – сказал Фенринг. «Слишком много тени и много мест для засады».

– Хорошо-хорошо, я принимаю ваше оправдание. – Мастер похлопал Фенринга по спине. Такая фамильярность была не характерна для обычно сдержанных тлейлаксу. Не обращая, по

своему обыкновению, ни малейшего внимания на Марго, Эребоом провел их через зону безопасности в коридор, а затем в лишенное окон помещение, где лицами к стене стояли тридцать высоких стройных мужчин в обтягивающих трико. То, что они были одеты, объяснялось типичной для тлейлаксу стыдливостью. Фенринг сомневался даже, что мастера когда-либо видели обнаженными себя самих.

Все мужчины разом обернулись, и Фенринг с Марго не смогли удержаться от смеха. Несмотря на разницу в возрасте, все мужчины были абсолютно идентичны. Это были генетические копии принадлежавшего барону Харконнену извращенного ментата Питера де Врие. Все эти копии уставились прямо перед собой близко посаженными на узком лице глазами.

Настоящий Питер де Врие был убит на Кайтэйне ведьмой Мохайем. После этого барону служил гхола ментата, который, предположительно, погиб на Арракисе вместе с плененным герцогом Лето Атрейдесом в облаке какого-то ядовитого газа.

– Гхола? – спросил Фенринг. – Почему их так много?

– Барон сделал нам постоянный заказ с условием, чтобы у нас было наготове сразу несколько копий. Выращивание гхола и процесс извращения требуют времени, знаете ли.

– Барона нет в живых уже целый год, – небрежно заметила Марго.

Эребоом нахмурился, но все же снизошел до ответа:

– Да, и поэтому данные гхола не имеют для нас никакой коммерческой ценности. Мы попытались продать их другим благородным Домам, но барон умудрился безнадежно испортить репутацию этого ментата. Такая потеря драгоценного времени и ресурсов! Нам пришлось заморозить эту линию. Но зато теперь эти экземпляры могут служить объектами опытов с новым нервным ядом. Смотрите, именно за этим я вас сюда и пригласил.

Лица всех гхола де Врие одновременно исказились от невыносимой муки, все они схватились за головы. Словно в хорошо поставленном танце они все одновременно упали на пол и начали извиваться и биться в судорогах. Сила и выраженность реакции у каждого гхола зависела от полученной дозы яда. Все копии де Врие принялись бормотать последовательность простых чисел и бессмысленно произносить сведения о каких-то фактах. Фенринг и Марго озадаченно посмотрели друг на друга.

– Новый яд – это орудие убийства, которое мы хотим представить на рынке, – пояснил Эребоом. – Смотрите, это же просто восхитительно: их мысли буквально взрывают мозг в черепной коробке. Скоро все они сойдут с ума, однако, как ни интересен данный факт, это всего лишь побочный эффект. Главная цель, для которой мы делаем это вещество, – умерщвление.

Густая кровь и слизь потекли у гхола из ртов, ушей и ноздрей. Некоторые жертвы громко вопили, другие лишь жалобно стонали.

– Так как они все идентичны, – продолжал Эребоом, – эти бесполезные для нас гхола дают нам возможность тестировать различные свойства нейротоксина. Эксперимент становится полностью контролируемым.

– Это варварство, – сказала Марго, не потрудившись понизить голос.

– Варварство? – переспросил Эребоом. – Это детские игрушки по сравнению с тем, что творит со вселенной Муад'Диб.

Граф Фенринг кивнул, понимая, что в словах тлейлаксу есть своя, пусть и извращенная, правда.

Битвы лучше всего выигрывать политическими и дипломатическими средствами, умелым руководством и мудрыми

решениями, а не насилием и пролитием крови. Непосвященным этот путь может показаться бесславным, но в конце концов именно он оставляет по себе меньше всего ран – как физических, так и моральных.

Сафир Хават, мастер убийств дома Атрейдесов

Это было делом простой арифметики, но числа не складывались и противоречили друг другу.

Задолго до начала джихада он являлся Полу в видениях, Пол прозревал армии вооруженных фанатичных фрименов, волнами накатывавшихся на бесчисленные звездные системы и сметающие все на своем пути, водружавшие знамена Муад'Диб и убивавшие всех, кто смел сопротивляться. История напишет хронику его правления черными красками, но Пол умел видеть за каждой песчаной дюной следующую, а за следующей – еще одну. Он знал, что его джихад будет лишь незначительной бурей в сравнении с титаническими бунтами и смутами, подстерегавшими человечество, смутами, которые принесут еще больше смертей, если сейчас он, Пол Атрейдес, потерпит неудачу.

Оставаясь на Кайтэине, направляя фрименские армии к другим планетам на следующие битвы, вызывая в бывшую столицу команды для расчистки завалов и строителей, упрочивая свое положение на Кайтэине, Пол одновременно обдумывал свои следующие действия. Он очень скучал по Чани, но дела не терпели отлагательств.

Для того чтобы победить в джихаде, следовало заложить новые принципы устойчивого правления. Ему, и никому другому, придется вытащить человечество и его прогнившую политику из ямы, куда они упали по собственной вине. Нет, это даже не яма, мысленно поправил себя Пол, человечество скользит вниз по смертоносной спирали.

Но числа...

На всем Арракисе – Пол знал это доподлинно – проживали приблизительно десять миллионов фрименов, рассеянных по многочисленным ситчам. Из этих десяти миллионов половина мужчины, из которых лишь одна треть может быть призвана в ряды воинов джихада. Это меньше двух миллионов бойцов. Видения, да и трезвый расчет, показывали, что ему придется покорить (а может быть, и истребить) бесчисленное множество людей, прежде чем он сможет закончить войну.

Даже имея в своем распоряжении преданных людей, ему просто не хватит их численности для того, чтобы превратить джихад в чисто военное предприятие. Его солдаты, при всей их решительности и самоотверженности, просто не смогут убить всех, кто откажется следовать за Муад'Дибом. Кроме того, Пол не испытывал ни малейшего желания превращать подвластную ему галактику в огромный склеп.

Несмотря на то что предзнание говорило Полу, что он одержит множество блистательных побед, он все же надеялся одолеть большую часть правителей Империи тонкой и разумной дипломатией, используя эффективные методы убеждения. Мать уже начала действовать в этом направлении. Надо показать всем, что покорность в отношении Муад'Диб, союз с ним – это разумное решение, наилучшая альтернатива. *Единственная* альтернатива. Но для того чтобы добиться такого исхода, надо воспользоваться частью личности, считавшей себя Полом Атрейдесом, а не Муад'Дибом – грубым и неотесанным фрименом. Всеми доступными средствами надо сохранить то, что пока еще осталось от Ландсраада. Полу как воздух были нужны союзники.

Первым, пожалуй, инстинктивным побуждением было вернуться в Арракин и созвать туда представителей самых знатных благородных Домов. Но, подумав, Пол решил, что аристократы могут неверно истолковать такой сигнал. Увидев его на Арракисе, благородные правители планет скорее всего посчитают его заурядным атаманом разбойничьей шайки. На Дюне Пол был окружен бьющим через край фанатизмом, всеобщей верностью, которую не в силах понять тот, кому неведома слепая и страстная религиозная вера. За многие годы умиротворен-

ного существования под властью светской династии Коррино многие члены Ландсраада потеряли всякий интерес к религии, а Оранжевую Католическую Библию рассматривали как интересный литературный памятник, а не источник религиозной страсти.

Даже если бы Пол смог оживить старые клановые союзы и призвать себе на помощь друзей отца, то едва ли это окажется достаточным. Бойцы Пола, чего доброго, убьют некоторых упорствующих аристократов, причем сам Пол вряд ли будет в состоянии остановить своих верных слуг. Ему не нравились эти вторичные последствия, и он понимал, что даже предзнание не покажет ему все подстерегающие его ловушки.

Исходя из всех этих соображений, Император Пол Муад'Диб решил призвать членов Ландсраада на Кайтэйн. Это место им знакомо, и, кроме того, Пол сможет показать, как много он добился за столь короткое время.

Императорский дворец сгорел дотла, чудесный город был разграблен и разрушен. Пол направил множество специальных команд восстанавливать отдельные кварталы, чтобы подготовиться к важному событию. Рабочие расчистили загаженный зал ораторов Ландсраада и развесили по стенам стяги Домов, согласившихся прислать своих представителей.

Пол очень вдумчиво отнесся к выбору приглашенных. Герцог Лето пользовался заслуженной популярностью среди многих важных и влиятельных семейств. Эта популярность была так велика, что возбудила ревность Шаддама. Она и привела к похищению герцога и его убийству на Арракисе. Но одних только друзей отца мало. Надо будет привлечь и тех планетарных правителей, которые питали вражду к Шаддаму IV – и тут было из кого выбрать. Когда список приглашенных был составлен, подчиненные Пола организовали их доставку на Кайтэйн лайнерами Гильдии. Ради такого события Пол гарантировал всем своим гостям безопасность и щедрое вознаграждение.

Пока Пол ожидал прибытия делегатов, федайкины усердно, раз за разом, прочесывали бывшую имперскую столицу. Они хватали всех «подозрительных» и сажали их под замок, заявляя, что делают это ради защиты Императора. Пол испытывал страшно неприятное чувство, понимая, что его люди прибегают к тактике Харконненов, но он понимал также, что угроза заговора или покушения абсолютно реальна. Можно было ради высших целей закрыть глаза на эти эксцессы, хотя Пол сильно сомневался, что это объяснение удовлетворит людей, чьи близкие пали невинными жертвами фрименского рвення...

В день официального открытия первого с начала его царствования заседания Ландсраада Пол вышел на центральную трибуну и окинул взором искаженные тревогой и гневом лица собравшихся аристократов. По правую и левую руку Пола с потолка свисали пышные знамена Дома Атрейдесов. На заседание Пол не стал надевать традиционную фрименскую одежду. Напротив, он вышел на трибуну в черном мундире Дома Атрейдесов, с его гербом – красным ястребом, – вышитом на кителе. Волосы Императора были коротко острижены, он тщательно вымылся и надушился, чтобы выглядеть как подобает достойному сыну благородного герцога.

Но Пол не смог смыть голубизну с белков глаз, загар с кожи, не смог разгладить морщины на обожженном знойными ветрами лице. Впалые щеки говорили о привычке к недостатку воды.

Своих представителей прислали более шестидесяти благородных Домов, и Пол высматривал среди присутствующих знакомые ему лица. Вот старый однорукий Арманд Икац, не имевший законных наследников. Его владениями управлял придворный мастер меча. Вот администратор с технократического Икса (Пола нисколько не удивило отсутствие на заседании сына старого Верниуса, видимо, он не забыл старые счета). Нашел он О'Тэри с Хагала, Сора с Анбус IV, Торвальда с Ипира, Калара с Ильтамонта, Олина с Риспа VII и многих других.

Несмотря на то что в зале присутствовали и верные фрименские гвардейцы, Пол обращался исключительно к членам Ландсраада, сидящим в зале ораторов. Произнося приветственную речь, Пол возвышал голос, пользуясь заимствованными у матери интонациями, но

главное, не забывал, как убедительно приказывать. Этот бесценный опыт он приобрел, командуя фирменами и солдатами Атрейдесов. Многим Пол был обязан Гарни Холлику, Дункану Айдахо, Сафиру Хавату, но больше всего своему отцу. Пол хотел напомнить этим людям, что он – истинный сын герцога Лето.

– Падишах-Император потерпел поражение, – заговорил Пол и сделал паузу, чтобы заставить аудиторию ждать, что он скажет дальше. – Он был разгромлен собственной надменностью, уверенностью в несокрушимости сардаукаров, он был задушен сплетенной им паутиной заговоров и интриг, в которую он надеялся поймать Дом Атрейдесов. – Последовала еще одна пауза. Пол осмотрел зал, ища эмоции на лицах, гнев. Он видел и такие лица, но большинство их не выражало ничего, кроме страха. – Многие из вас знали моего отца, герцога Лето. Он внушил мне уважение к законам чести и научил править, и я намерен воспользоваться его наукой, находясь на императорском троне – если вы мне это позволите.

Пол задержал взгляд на съезжившемся под бременем прожитых лет Арманде Икаце, который с каменным лицом сидел в кресле. Некоторые аристократы и высшие чиновники что-то записывали. Другие с любопытством подались вперед, стремясь рассудить, какие выгоды они смогут извлечь из создавшегося положения.

– Так как у Шаддама нет законных наследников мужского пола, а я взял в супруги его старшую дочь Ирулан, то я являюсь единственным законным наследником трона Льва. Но мое правление не будет простым продолжением царствования рода Коррино. Мы все извлекли уроки из тягостного прошлого. Некоторые рассматривают период смены власти как смуту, но вы можете помочь мне как можно скорее восстановить стабильность в Империи.

– Стабильность? – раздался возмущенный голос из задних рядов. – Не слишком-то много стабильности осталось в Империи, и все это благодаря вам!

У говорившего были длинные, рассыпавшиеся по плечам светлые волосы, изрядно тронутые сединой, седая львиная борода и пронизательные светло-голубые глаза. Пол узнал графа Мемнона Торвальда, желчного брата одной из последних жен Шаддама. Пол пригласил его, надеясь, что граф в достаточной степени недоволен родом Коррино, чтобы стать его, Пола, союзником. Но судя по его гневной вспышке, граф относился к другой категории аристократов. Возможно, его придется изолировать.

– Вы можете говорить свободно, граф Торвальд! – воскликнул Пол. – Можете, хотя мне кажется, что очень немногие разделят ваше мнение.

Удивившись позволению, Торвальд тем не менее продолжил:

– Ваши фирменные армии ведут себя как волчьи стаи. Мы все видим, что они сделали с Кайтэйном. Они сожгли *Императорский Дворец* – и вы это допустили! – Граф сделал недомысленный жест. – Вы называете *это* царством стабильности?

– Назовите это ценой войны, войны, которую развязал не я. – Пол широко развел руки. – Мы можем остановить кровопролитие немедленно. Ваши владения окажутся в полной безопасности, и я гарантирую вам свою защиту, если подпишете со мной союзный договор. Вы знаете, что закон на моей стороне, так же, как и власть. Кроме того, – добавил он, используя свою козырную карту, – я контролирую специю. Меня поддерживают Космическая Гильдия и КООАМ.

Но эти слова лишь еще больше распалили старого Торвальда.

– Хороший же нам предоставляют выбор: либо кровавая нестабильность, либо подчинение религиозной тирании!

Болиг Авати, главный администратор иксианских технократов, встал с места и уверенно сказал:

– Если мы согласимся на предлагаемый вами союз, Пол Атрейдес, то будем ли мы должны поклоняться вам как богу? Некоторые из нас переросли эту потребность в ложных, но удобных божествах.

По залу прокатился гневный ропот, одни аристократы были недовольны диссидентами, другие явно их поддерживали, и это был тревожный знак. С Торвальдом было солидарно больше присутствующих, чем ожидал Пол.

Повысив голос, чтобы перекрыть поднявшийся шум, Пол сказал:

– Мои лучшие бойцы воспитывались в суровых пустынях Арракиса. Они воевали с беспощадными Харконненами и с сардаукарами Императора. Имперская справедливость не оказала на них благотворного влияния. Но если вы присоединитесь ко мне, то мои солдаты не ступят на ваши планеты. Когда же не останется врагов, то отпадет и нужда в моей армии.

Он перевел дух, выражение его лица стало суровым.

– Если мне не удастся убедить вас словами, то придется прибегнуть к другим методам убеждения: к эмбарго, финансовым рычагам и даже к блокаде. Я уже объявил о повышении тарифов за использование кораблей Гильдии для тех планет, правители которых отказались признать мою верховную императорскую власть. – Шум в зале усилился, и Пол заговорил еще громче: – Пока я не объявил полный мораторий на транспортное сообщение с этими планетами, но оставляю это право за собой. Я предпочитаю добровольное сотрудничество принуждению, но я любыми средствами положу конец этому бессмысленному конфликту.

– С самого начала вы решили стать тираном, не так ли? – закричал Торвальд, опершись большими руками о перила верхнего яруса. – Я по горло сыт Императорами. Вся галактика сыта ими по горло. Моя планета прекрасно обойдется как без ваших сумасшедших фанатиков, так и без вашего великодушного сапога. Ландсраад сделал ошибку, позволив династии Коррино так долго властвовать, даже если учесть междоусобицы. Но мы не извлекли из этих ошибок никаких уроков. – Он направился к выходу, потом обернулся через плечо и добавил: – Надеюсь, что и все остальные скоро тоже очнутся от этого тяжелого дурмана.

Федайкины хотели было схватить Торвальда, но Пол жестом остановил их. Надо было проявить разумную осторожность. Пол понимал, что никакими словами ему не удастся сейчас переубедить Торвальда, но насилие могло оттолкнуть от него многих других.

– Я рад, что это произошло, – сказал Пол, намереваясь удивить аудиторию. – Я не хочу притворяться. Меня сильно разочаровало то, что граф Торвальд отклонил мои предложения, но я рад, что все остальные выслушали меня и решили проявить рассудительность. – Он посмотрел на знамена Дома Атрейдесов, висевшие по обе стороны от трибуны, потом снова перевел взгляд в зал. – Вы поняли мои условия.

*Тот, кто не дорожит своей жизнью, думает, что стать героем
очень легко.*
Святая Алиа

Прошел месяц после возвращения Пола с завоеванного Кайтэйна и с достопамятного заседания Ландсраада. Пол стоял на краю Арракинской низменности, озирая место своей самой важной победы. Вместе с ним был Стилгар, который также собирался принять участие в торжественной церемонии, после которой они встретятся с другими военными советниками, чтобы обсудить, куда следует в первую очередь направить отборных фрименских воинов. Гарни Холлик уже возглавил отряд, отправившийся к Галации, но впереди было еще много сражений и завоеваний.

Пол лучше других знал, что джихад только начинается.

Он затребовал и получил от Космической Гильдии полный список тысяч планетных систем. Их было так много, что запомнить его наизусть мог только ментат. Он также получил

полный список компаний КООАМ, так как был основным держателем акций этой организации. Его доля превышала доли всех других держателей, вместе взятых.

Сомнительно, чтобы Шаддам представлял себе истинные размеры своей Империи, величину богатств и территорий, которыми он якобы управлял. Пол был уверен, что КООАМ и Гильдия утаивают часть своих доходов; были обнаружены планеты, не отмеченные ни на каких картах. Местоположение их знали на память только штурманы Гильдии. Такие планеты были идеальными местами для хранения запасов оружия и, может быть, даже изъятых у отдельных аристократических Домов их ядерных арсеналов. Все эти тайные планеты должны быть включены в орбиту правления Муад'Дибана.

Битва за Арракин казалась теперь мелкой стычкой в сравнении с теми сражениями, которые развернутся вскоре именем Пола. В битве за Арракин погибли многие тысячи людей, но это лишь ничтожная доля жертв, которых потребуют грядущие галактические битвы.

Пусть так, но значение этой первой битвы было огромным. То был поворотный пункт истории. Здесь погиб зловещий барон Харконнен. Здесь сардаукары потерпели первое в своей истории поражение. Здесь сдался на милость победителя гордый Император из рода Коррино.

Немилосердно палящее солнце висело над головой, раскаляя пески и скалы внизу, где уже собралась огромная толпа, чтобы лицезреть Муад'Дибана. Все эти люди были одеты в традиционные фрименские конденскостюмы, не похожие на те, которые продавали паломникам. В толпе сновали громко расхваливающие свой товар продавцы воды и сувениров. На знойном ветру трепетали пестрые знамена. Все ждали Муад'Дибана, его обращения к народу.

Пол повернулся к неподвижно стоявшему рядом Стилгару и тихо произнес:

– Когда мы дрались на равнинах Арракина, Стил, граница между добром и злом была очень четкой. Мы знали, за что мы боролись с объединенными Домами и имели моральное право воодушевлять на битву своих бойцов. Но в моем джихаде уже погибло великое множество людей, и среди них невинные. Со временем про меня скажут, что я был хуже, чем Коррино и Харконнены.

Это замечание покорило Стилгара. Его убежденность нисколько не поколебалась даже после того, что он видел в разграбленном Кайтэйне.

– Усул! Мы прибегаем к насилию только ради очищения, ради искоренения зла и спасения жизней. Если бы не твой джихад, то погибло бы гораздо больше. Ты знаешь это. Так сказало тебе твое предзнание.

– Ты верно говоришь, но меня тревожит, что я мог чего-то не учесть. Кто знает, может быть, мне следовало избрать иной путь. Я не могу ничего принять просто так. Я должен искать.

– В сновидениях?

– Нет, с помощью осознанного предзнания и с помощью ментатской логики. Но каждый раз рассуждения приводят меня к тому же пути.

– Значит, другого не существует, Усул.

Пол улыбнулся этому ответу. Если бы он мог быть таким же убежденным в своей правоте, как Стилгар. Наиб был человеком, для которого существовали только абсолютные истины.

Когда настало время выступать перед народом, Пол поднялся по ступеням на грандиозный монумент, воздвигнутый в его честь. Это была скульптура песчаного червя в натуральную величину, изваянная прославленным и обращенным в новую религию скульптором с Чусука. У подножия монумента были установлены таблицы с названиями планетных систем, уже покорившихся Муад'Дибану. Большинство таблиц были не заполнены – в ожидании следующих славных побед.

Теперь же требовалось начать представление. Пользуясь как тростью палкой наездника, Пол начал подниматься по ступеням, высеченным в груди серого пластонового чудовища, безглазая голова которого смотрела в большую ложбину, в которой стоял быстро растущий город Арракин. За Полом следовал Стилгар – тоже с символической палкой.

Взобравшись на спину скульптуры, они оба вставили палки в промежутки между кольцами и приняли позы наездников, словно настоящий червь снова мчал их по пустыне навстречу победе. На хвосте червя в таких же позах стояли фрименские солдаты. Толпа повторяла приветственные крики солдат, и звуки эти титаническим эхом отдавались от скал и достигали города.

Много лет назад, готовя сына к опасностям Арракиса, герцог Лето посоветовал ему воспользоваться местным суеверием и объявить себя давно ожидаемым махди, Лисаном-аль-Гаибом. Но это было самое крайнее средство. Теперь же Пол совершил такие подвиги, которые его отец не мог себе даже вообразить.

Голос Пола гремел над равниной, усиленный динамиками, вмонтированными в скульптуру.

– Сегодня я хочу со всем смирением воздать честь тем фрименам и солдатам Дома Атрейдесов, которые пали на Барьере и в городе, но спасли нас от тирании. – Толпа восторженно заревела, но Пол поднял руки, чтобы успокоить людей. – Узнайте истину из уст Муад'Диб. Мы выиграли первые сражения джихада, но впереди у нас еще много битв.

Священная война постепенно становилась живым организмом, живущим по своим законам, но Пол был и остался ее катализатором. Пол хорошо понимал, что должен выиграть также и нравственную битву, принять вызовы, не сулившие ни побед, ни поражений, но чреватые неясными исходами. Но на эту рефлексию он отважится потом, когда закончится нынешняя фаза джихада. Вот тогда он посмеет показать народу свои неудачи, свою слабость, показать ему, что он, Пол Атрейдес, вовсе не бог, а обычный человек из плоти и крови. Только тогда начнется истинное понимание, но это случится еще очень и очень не скоро.

Покончив с официальной церемонией, Пол и Стилгар спустились по ступеням к подножию монумента. Здесь бородатый фримен передал Императору добрую весть.

– Муад'Диб, как ты и предполагал, Икац немедленно сдался нам без кровопролития. Твое обращение к Ландсрааду напомнило старому эрцгерцогу о его обязательствах в отношении Дома Атрейдесов. Он прислал своего представителя, чтобы тот лично подтвердил клятву на верность. Этот посланец утверждает, что знал тебя еще ребенком.

Охваченный любопытством Пол посмотрел на стоявшего у подножия статуи стройного человека, одетого по моде мастеров меча: в мундире с эполетами, украшенном эмблемами. Бледно-лиловые кюлоты делали человека похожим на щеголя. Человек показался Полу до боли знакомым, особенно когда снял широкополую шляпу и изящно поклонился.

– Муад'Диб может и не помнить меня, но меня не может не помнить Пол Атрейдес.

Теперь Пол узнал лысоватого Уитмора Бладда – отчасти по красноватой родинке на лбу. Он был одним из самых способных бойцов за всю историю Гинаца. У этого мастера учился когда-то Дункан Айдахо, а потом Бладд много лет служил Дому Икаца.

– Мастер меча Бладд! Разве мог я забыть тебя? Я помню, как ты проявил себя во время войны убийц, которую мой отец вел против Груммана.

– Да, то были великие, героические дни. – Щеголеватый Бладд развернул документ о подчинении. – Икац всегда поддерживал Атрейдесов. Это долг чести и крови. Конечно же, мы признаем вас новым Императором.

Отбросив формальности, Пол (к ужасу телохранителей) раскинул руки и обнял Бладда.

– Это вы помогли нам, защитили нас.

Вспыхнув от смущения, Бладд отступил.

– Смею настаивать, что это всего лишь обходной маневр, милорд. Печально, милорд, но я – это, видимо, единственное, что осталось от некогда великого Дома. Я всего лишь старый воин, вся слава которого теперь в прошлом. Остается только вспоминать о ней. Последняя поездка на Кайтэйн оказалась слишком трудной для эрцгерцога, и он поспешил вернуться домой.

Бладд извлек из кармана маленькую, украшенную узорами коробочку.

– Тем не менее я привез вам подарок с Икаца в знак моей преданности.

– Мы уже проверили содержимое, Усул, – сказал Стилгар.

Пол открыл крышку. В шкатулке лежал кусок розовой раковины какого-то моллюска размером с ладонь. Улыбнувшись, Бладд пояснил:

– Это остатки раковины моллюска, жившего когда-то на Матери Земле. Посмотрите, как играет на ней свет. Много лет эта реликвия принадлежала эрцгерцогу Арманду. Теперь она ваша.

Пол провел рукой по гладкой глянцевито поблескивающей створке. Ощущение от прикосновения было странным, но приятным. Он коснулся останков существа, родившегося в колыбели человечества. Пол отдал шкатулку одному из федайкинов.

– Доставьте это в мои покои.

– На этой планете невозможная жара, – непринужденно заметил Бладд. – По счастью, я мало потею, а то давно бы расплавился до последней капли.

– Это Дюна, мастер меча. Пожалуй, вам стоит надеть конденскостюм, – сказал Пол. Конечно, Бладд был щеголь, следивший за своими нарядами, но Пол тем не менее всегда восхищался этим человеком, и не только за его бойцовские навыки, но и за организационный талант. Император уже обдумывал возможность привлечь Бладда на свою сторону.

В последние недели он начал собирать вокруг себя людей и накапливать ресурсы, необходимые для постройки нового дворца. Корба уже проявил интерес к руководству проектом «во славу легендарного Муад’Диб», но Пол не был уверен, что ревностный федайкин обладает организаторскими способностями и знаниями архитектуры, достаточными для такого грандиозного предприятия. Но вот Уитмор Бладд, несмотря на всю свою экстравагантность, был здравомыслящим и одаренным человеком, обладающим способностями начинать и доводить дела до конца. Дункан Айдахо всегда очень хорошо о нем отзывался.

– Я хочу, чтобы вы остались здесь, на Дуне, мастер меча Бладд. Мне нужен человек, способный руководить возведением дворца, перед которым померкнут все сооружения Коррино.

Пол коротко объяснил, какой именно дворец он хочет построить.

– Мне нужны ваше умение видеть и ваша верность.

Бладд в притворном изумлении отступил на два шага.

– Вы хотите поручить мне такой сказочный проект, милорд? Конечно, я принимаю этот вызов! А что, я сумею возвести такую цитадель, что сам Бог онемееет от удивления!

– Думаю, что Корба будет очень доволен, – с кривой усмешкой заметил Пол.

Сколько песен и стихов было написано в прошлом о многих мирах и планетах. Увы, теперь для них больше годятся заупокойные службы и эпитафии.

Гарни Холлик. Поэзия на поле сражения

Когда-то, в более спокойные и мирные времена, Гарни часто сочинял и исполнял баллады о красивых и игривых женщинах Галации, но сам никогда не бывал на этой маленькой прохладной планете. Не бывал до недавнего времени. Теперь здесь не было места красоте. На планете творилась кровавая оргия. Отчасти в этом был виноват сам Гарни, который поторопился произвести Энно в лейтенанты. На Холлика произвел впечатление курсант, едва не утонувший в тренировочном бассейне.

Получив повышение, Энно сразу проявил склонность отдавать приказы и требовать от солдат, чтобы они беспрекословно исполняли то, что сам Энно считал волей Муад'Диб. После воскрешения из мертвых парень вообразил, что вся его жизнь имеет какую-то священную цель. Авторитет и власть его заметно усилились, а рядовые фрименские воины смотрели на него едва ли не с религиозным благоговением. Для Гарни это обернулось серьезными неприятностями.

Когда боевые фрегаты приземлились на Галации, воины бросились к богатой, украшенной колоннадой вилле представителя планеты в Ландсрааде лорда Колуса. Жители города, завидев солдат Муад'Диб, ворвавшихся на улицы и площади, как стая свирепых волков, забаррикадировались в своих домах. Некоторые упрямцы выступили против воинов джихада с самодельным оружием, пытаясь защитить своих близких, но фримены походя жестоко подавили всякое сопротивление.

Формально Гарни Холлик был их командиром, но когда солдаты распробовали вкус крови, управлять ими стало почти невозможно. Люди устроили настоящую вакханалию, водружая бело-зеленые знамена, срывая с флагштоков стяги и штандарты правящего Дома Галации, разрывая в клочья портреты правителей. Гарни носился среди солдат и громкими командами пытался призвать их к порядку.

Один из солдат методично бил кулаком по окровавленному лицу беспрерывно кричавшей женщины. Ее мертвый муж лежал рядом в луже крови с перерезанным горлом. Гарни схватил озверевшего солдата за ворот и ударил его головой о притолоку ворот с такой силой, что с тошнотворным звуком раскололся череп. Женщина взглянула на Гарни безумными глазами, но не выказала никакой благодарности. Она что-то завопила, разбрызгивая кровь, текущую изо рта, бросилась в дом и принялась лихорадочно запираť дверь.

Гарни побагровел от бешенства. Шрам от чернильной лозы выделялся на лице белой полосой. Точно так же вели себя Харконнены, когда захватывали себе рабов в деревнях. Сначала солдаты деморализовали население ужасом.

– Отставить! – заорал Холлик. – Дайте им возможность сдаться, будьте вы прокляты!

– Они сопротивляются, командир Холлик, – совершенно хладнокровно ответил Энно. – Мы должны показать, что их сопротивление безнадежно, тогда они поймут, какие несчастья несет Муад'Диб тем, кто восстает против него.

Солдаты начали поджигать дома, жители которых осмеливались запираť двери и окна. Люди в таких домах сгорали заживо. Испытывая мучительное бессилие, Гарни слушал нечеловеческие крики жертв и видел зверства своего распоясавшегося воинства.

Гарни был взбешен. Ведь он сам тренировал и готовил этих солдат! К чему эта бессмысленная жестокость? Но если бы он попытался унять своих мерзавцев, то они могли обратиться и против него самого как еретика и предателя Муад'Диб.

В такой войне не было места кодексу рыцарской чести, неукоснительного соблюдения которого герцог Лето Атрейдед требовал от своих последователей. Как мог Пол допустить все это?

Наконец вояки Гарни добрались до холма, на котором стояла вилла правителя. Лорд Колус укрепился в доме, выставив у всех дверей своих солдат. Этот небольшой отряд мог какое-то время оказывать сопротивление полчищу разъяренных фрименов, но долго ему было не продержаться. Наверное, это хорошо понимали и сами осажденные. Гарни поспешил взять на себя командование, чтобы предотвратить бессмысленные разрушения.

Защитники дома правителя не стреляли, заняв оборонительные позиции. Колус спустил свое знамя с красно-золотым гербом Дома и поднял белый флаг. Фримены радостно взвыли и бросились к забаррикадованному входу. Но никто не открыл им ворота, а взломать их фримены не сумели.

На балкон виллы вышел лорд Колус. Вечерело, пламя пожаров окрашивало небо в рыжий цвет, в воздух поднимались густые клубы черного дыма. Лицо аристократа покрывали глущо-

кие морщины. Густые длинные седые волосы заплетены в косу. Правитель выглядел утомленным и расстроенным.

– Я готов капитулировать, но я никогда не сдамся животным. Вы истребляли невинных людей, подожгли их дома. За что? Вам никто не угрожал.

– Сдавайся, и мы прекратим сражаться, – крикнул Энно, улыбнувшись Гарни. Форма офицера болталась на его костлявом худом теле.

– Сдаться тебе? Тебе я не доверяю. Я сдамся лишь доблестному Гарни Холлику. Я вижу его среди вас. Я требую условий капитуляции. Форму надо соблюдать!

Гарни вышел вперед, растолкав своих людей.

– Я Холлик, и я приму вашу капитуляцию. – Он обернулся к фрименам: – Формальности надо соблюдать. Прекратите кровопролитие. Победа уже наша. Потушите пожары!

– Старые имперские законы нам не указ! – огрызнулся Энно.

– Такова воля Муад'Диб.

«Пусть подумает на досуге!»

Гарни зашагал к воротам. Солдаты лорда Колуса разобрали заграждение и открыли дверь. Ветеран Атрейдесов вошел под арку входа. Стройный седовласый аристократ вышел ему навстречу.

Обойдя Гарни, фримены хлынули в дом, и их начальник ничего не смог поделать. Они ворвались в укрепленную виллу, связали сдавшихся гвардейцев и пожилого правителя. Лорд Колус не уронил достоинства, когда фримены уволокли его с собой.

На следующий день пожары погасли, город подчинился завоевателям. Фримены занимали жилища, выбирая их по своему желанию. Эти пустынные воины умели сражаться и разрушать, но не имели ни малейшего понятия о том, как управлять и восстанавливать.

Гарни провел бессонную ночь, глядя в грубый потолок случайного жилища и мучительно раздумывая что делать. Самое большее, чем он может помочь мирным жителям Галации, – это как можно скорее увезти фрименов к месту следующей битвы. Оставить их здесь – значит, испортить все и навеки скомпрометировать дело джихада. Эта планета абсолютно безвредна для правительства Пола. Она, кажется, вообще не собиралась сопротивляться...

Гарни вышел из дома на рассвете. Первое, что он увидел, была изрубленная кинжалами голова лорда Колуса, насаженная на кол, врытый в землю перед фасадом виллы. Лицо мертвого аристократа выражало скорее разочарование, чем страх. Навеки открытые глаза смотрели на мир, уже не принадлежавший ему.

Охваченный бешенством и отвращением Гарни, которого почему-то не удивило это зрелище, сжал кулаки, решительно шагнул вперед и еще раз посмотрел на мертвое лицо лорда Колуса.

– Прошу прощения, видит Бог, я не хотел этого. – Мысленно он произнес стих из Оранжевой Католической Библии «Кто хуже – лжец или тот глупец, который ему поверил?»

Он дал слово лорду Колусу, и тот поверил в честь Гарни Холлика. Гарни испытывал отвращение и к самому себе. «Не стоит искать себе оправданий. Не надо обелять свои поступки. Я команду этими солдатами. Я служу Полу из Дома Атрейдесов».

Атрейдесы считали долг чести таким же обязывающим, каким фримены считали долг воды. Его лейтенант Энно опозорил свой полк и своего командира. Он сделал Гарни лжецом. «Я должен ответить за это».

В первых же сражениях джихада он видел упорную слепую ярость фрименов. Отбросив все общепринятые кодексы ведения войны, они рвались вперед к каким-то смутным целям, ведомые прежде всего жадой крови и разрушения. Как дикие салузанские быки они растаптывали любого противника. Самые ярые сторонники Пола были не способны думать. Един-

ственным объяснением их действий было: «Так угодно Муад'Дибу». Пытаться их остановить – это то же самое, что пытаться остановить движущиеся песчаные дюны во время бури...

Гарни сурово сдвинул брови, сейчас он был по-настоящему страшен. Он не будет успокаивать свою совесть рассуждениями о том, что у него не хватило сил обуздать озверевших фанатиков.

В конце концов, он – командир, а они – его солдаты.

Долг солдата – выполнять приказы. Энно и все остальные фримены слышали его недвусмысленный приказ. Они не смогут притвориться, будто неверно истолковали его обещание лорду Колусу. Энно – мятежник. Он не выполнил приказ своего непосредственного начальника.

Не потрудившись оглянуться, Холлик прорычал голосом, который прежде без труда заполнял огромные залы:

– Привести сюда Энно. Заковать его в железо!

Холлик не отрывал взгляд от мертвой головы лорда Колуса, но слышал, как несколько человек бросились выполнять приказ.

Как командир фрименских полков, Гарни носил на поясе криснож, но сейчас он не стал извлекать это фрименское оружие из ножен. Вместо этого он обнажил другой клинок, выдавший виды кинжал с выбитым на рукоятке гербом Атрейдесов. Это было дело чести, и здесь больше подходил кинжал аристократа.

Четверо солдат подвели Энно к Холлику. Молодой человек вел себя самоуверенно, глаза его сияли гордостью и превосходством. Двое солдат держали его за руки, но кандалов на нем не было. Это было еще одно нарушение приказа. Призраки Сафира Хавата и Дункана Айдахо, должно быть, смеются над ним, видя, как он выпустил из-под контроля собственных подчиненных.

– Почему он не в цепях? Или мой приказ был недостаточно ясен?! – крикнул он, и фрименские солдаты рванулись вперед, восприняв эти слова как оскорбление. Двое даже схватились за свои крисножи. Гарни шагнул к ним, рубец на лице стал багрово-синим.

– Я – ваш командир! Муад'Диб отдал вам приказ: под угрозой смерти – будьте вы прокляты! – выполнять мои распоряжения. Я приказываю вам от имени Муад'Диб. Кто вы такие, чтобы оспаривать мои приказы и не повиноваться им?

Главная проблема, впрочем, заключалась в Энно. С другими строптивцами он разберется позже. Указывая на обезображенную голову, он спросил громовым голосом:

– Разве я не принял капитуляцию этого человека? Разве я не гарантировал ему жизнь?!

– Вы гарантировали, командир Холлик, но...

– В выполнении приказа не может быть никаких «но»! Вы – мой подчиненный, и вы не подчинились моему приказу. Следовательно, вы не подчинились приказу Муад'Диб.

Фримены зароптали, а Энно начал дерзко оправдываться, как будто отвечал на экзамене:

– Муад'Диб умеет быть милостивым. Муад'Диб умеет быть снисходительным и любящим. – Энно возвысил голос: – Но *поборники* Муад'Диб знают, что в действительности у него на сердце. Неверные должны быть скошены косой его кары. Обещая милость лорду Колусу, командир Холлик, вы, наверное, и правда говорили от имени Императора... но все солдаты Муад'Диб знают, что надо делать с неверными. Колус сопротивлялся сам и приказал сопротивляться своим людям. Он был темной силой, пытавшейся ускользнуть от света Лисан-аль-Гаиба. – Он посмотрел на мертвую голову, надетую на кол, и удовлетворенно кивнул. – Я сделал то, что было необходимо, и вы это хорошо знаете.

Гарни едва сдерживал переполнявшую его ярость.

– Я знаю только одно: вы не подчинились мне. Наказание за невыполнение приказа – смерть. На колени!

Глаза Энно вспыхнули. Он дерзко вскинул подбородок.

– Я всего лишь исполнил волю Муад’Дибана.

– На колени!

Энно продолжал стоять, и Гарни сделал знак четырем солдатам, державшим молодого лейтенанта. Те после недолгого колебания надавили Энно на плечи, заставив его упасть на колени. Гарни, сжимая кинжал, принял боевую стойку.

– Я исполнил волю Муад’Дибана, – как молитву повторил Энно.

– Он исполнил волю Муад’Дибана, – вызывающе повторил один из солдат, но, как и остальные, отошел в сторону.

Надо было спешить, пока события не вышли из-под контроля. Гарни полоснул острым как бритва лезвием по шее Энно. Клинок глубоко рассек кожу и перерезал сонные артерии, яремные вены и трахею.

Обычно в таких случаях из раны хлещет струя крови, похожая на хвост жар-птицы, но фрименская наследственность дала себя знать. Кровь фрименов гуще и быстрее свертывается, чем у остальных людей, поэтому из раны лишь выступило немного густой пузырящейся алой жидкости, вытекшей на грудь жертвы и на землю Галации. Энно хрипел и судорожно дергался, но до самого конца не спускал глаз с Гарни.

По тому, как фрименские солдаты смотрели на мертвого Энно, Холлик понял, что его жизни сейчас угрожает непосредственная опасность. Что ж, пусть так. Он не мог оставить безнаказанным такое вопиющее надругательство над воинской дисциплиной. Некоторое время он молча смотрел на окровавленный клинок кинжала, потом взглянул на солдат, не скрывавших злобы. Один из них буркнул:

– Он всего лишь исполнил волю...

– Это я – воля Муад’Дибана, – прорычал Холлик, покосившись на мертвое тело и взглянув на окровавленную голову правителя. – Снимите со столба голову лорда Колуса и отдайте ее местным жителям для достойного погребения. Что касается Энно, то можете отвезти его тело и воду на Дюну, но голова его останется здесь. На колу.

Поднялся недовольный ропот. Холлик понял: суеверные фримены опасаются, что разгневанный дух убитого будет преследовать их. Не спуская глаз с тела Энно, Гарни обратился к солдатам:

– Если тень Энно хочет что-то сказать мне, то пусть и следует за мной, если пожелает. Вы же просто выполнили мой приказ, как должен делать каждый солдат.

Он отошел в сторону, но чувство отвращения и недовольства только усилилось. Он подозревал, что Энно теперь станет для фрименов мучеником, человеком, благословенным не только потому, что он утонул в воде, но вернулся к жизни, но и потому, что оказался поистине святым, так как нарушил приказ чужака-командира, чтобы исполнить волю Муад’Дибана.

Однако Гарни хорошо знал Пола Атрейде и понимал, что молодой Император отнюдь не так кровожаден и жесток, каким он хотел казаться своим последователям. Во всяком случае, в душе.

Гарни горячо молился, чтобы не ошибиться в этом суждении.

Бинэ Гессерит и Тлейлаксу – каждый по-своему – фиксированы на преимуществах своих селекционных программ. Записи Ордена сестер охватывают тысячелетия поисков путей улучшения человеческой породы в соответствии с целями ордена. Цель генетических исследований тлейлаксов имеет в большей степени коммерческую основу. Тлейлаксу производят копии людей – гхола, извлеченных ментатов, делают

искусственные глаза и другие биологические продукты и с большой прибылью продают на планетах Империи.

Мы рекомендуем проявлять большую осторожность при контактах с обеими этими группами.

Доклад КООАМ

На Тлейлаксе неожиданно прибыл армейский офицер и, заявив, что он находится здесь «по делам Императора», потребовал встречи с графом Хасимиром Фенрингом.

Фенринг не любил сюрпризов. Пребывая в сильном волнении, он сел в вагон подземной дороги, понесший его прочь от загаженного озера, от равнины Фалидеев к уединенному космопорту, где разрешили приземлиться императорскому офицеру. Что все это может означать? С каким трудом Фенринг пытался сохранить в тайне место своего пребывания, но, кажется, власть и влияние Муад'Диб не знают никаких границ.

Фенринг приехал к высокому одноэтажному зданию, выстроенному из черного плазмельда. Фасад смотрел на равнину множеством тонированных окон. Своими искривленными формами и подобием живому существу здание напоминало какое-то выделение песчаного червя.

Граф вошел в вестибюль, откуда встретившие его два тлейлаксу низшей касты повели его в назначенное место по сверкающему черному полу. Сопровождавшие его тлейлаксу казались недовольными этим неожиданным визитом. Тлейлаксу сопровождали Фенринга в простенький кафетерий, где, к своему безмерному удивлению, Фенринг узрел хорошо знакомого ему атлетически сложенного человека. Они не виделись уже много лет, и графу потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить имя прибывшего.

– Баши Зум Гарон?

Офицер поднялся из-за стола, за которым он не спеша пил какой-то маслянистый напиток.

– Вас было довольно трудно отыскать, граф Фенринг.

– Гм, я очень старался. Но мне не следовало недооценивать изобретательность, присущую офицерам-сардаукарам.

– Да, не следовало. Я прибыл сюда по заданию Императора Шаддама.

– Гм, да, признаться, я ожидал курьера от другого Императора. Как вы меня нашли?

– Шаддам приказал.

– А верные сардаукары всегда выполняют приказы, не так ли, гм? Вы все еще командуете личной гвардией Шаддама?

– Точнее, тем немногим, что от нее осталось. Теперь это, скорее, немногочисленные полицейские силы. – Гарон был явно не в настроении. – Я командовал самыми боеспособными силами Империи до тех пор, пока Муад'Диб и его фанатики-федайкины не нанесли нам поражение. Теперь я всего лишь славный эквивалент охранного предприятия. – Гарон взял себя в руки, но Фенринг успел заметить блеснувшую в его глазах ненависть.

– Садитесь. У тлейлаксу очень вкусный чай.

– Мне хорошо знаком этот чай.

Фенринг питал отвращение к лакричному послевкусию этого чая, как и к последствиям всех своих дел с Шаддамом. Раз за разом Император попадал в расставленные им самим ловушки, и раз за разом Фенрингу приходилось использовать все свои связи и возможности, чтобы выручить незадачливого друга детства. Даже после оригинальной затеи с Арракисом, в ходе которой силы Харконненов и сардаукары должны были разгромить Дом Атрейдесов, Фенрингу пришлось потратить более миллиарда солари на подарки, рабынь, взятки в виде меланжа и всякие дорогие побрякушки, соответствующие рангам чиновников. То была абсолютно бесцельная трата денег и средств. Но теперь, кажется, его друг попал в такую глубокую западню, что едва ли из нее выберется без посторонней помощи.

Фенринг опустился на жесткий плазмельдовый стул. Сиденье было очень низким, рассчитанным на низкорослых тлейлаксу. Граф вытянул ноги и вопросительно посмотрел на баши, ожидая объяснений. В кафетерии был еще один посетитель. За одним из столов сидел тлейлаксу и неряшливо ел жаркое, торопливо глотая куски.

Гарон помешал чай, но не стал пить.

– Я провел много лет на императорской службе. Потом, после гибели моего сына Кандо, охранявшего проект Шаддама «Амаль»... – Голос баши дрогнул, но он быстро овладел собой. – Потом я добровольно отказался от всех чинов и званий и уехал с Кайтэйна, думая, что никогда больше туда не вернусь. Какое-то время я жил в своем имении на Балуте, но это продолжалось недолго. Вскоре Император Муад'Диб призвал меня на службу и назначил в свиту Шаддама. Кажется, сам бывший Падишах-Император настоял на том, чтобы меня назначили командиром оставленной ему в изгнании гвардии и охраны. Этот человек не только убил моего сына, он еще и привел сардаукаров к первому в их истории поражению.

Фенринг хорошо помнил катастрофический конец проекта «Амаль».

– Ваш сын пал смертью героя, обороняя Икс. Он выказал большое мужество, ведя сардаукаров против превосходящих сил противника.

– Мой сын погиб, защищая идиотскую и эгоистическую попытку наладить производство искусственной специи и монополизировать ее сбыт.

– Гм, да, и Шаддам знает о ваших к нему чувствах?

– Нет, не знает. Обладай я хоть крупницей мужества моего сына, я прямо сказал бы ему все. Шаддам же говорит, что высоко ценит мою безупречную службу. – Гарон откашлялся и сменил тему разговора, хотя в голосе его продолжали звучать горькие нотки: – Как бы то ни было, он отправил меня сюда для того, чтобы передать вам его личное послание. Шаддам желает, чтобы вы знали, что он очень высоко вас ценит. Он напоминает, что разрешил дочери Императора Уэнсиции выйти замуж за вашего кузена Далака.

– Да, я знаю. – Фенринг задумался, пытаясь вспомнить своего кузена. – В последний раз я видел Далака, когда он был еще мальчиком. Помнится, я учил его некоторым славным приемам и даже просвещал его по поводу имперской политики. Хороший мальчик. Не самый талантливый ученик, но кое-какие надежды подавал.

И Шаддам позволил своей третьей дочери выйти за *него* замуж? Это верный признак отчаяния и попытка повлиять на него, Фенринга. Означает ли это, что скоро на свет явится наследник Коррино, в жилах которого течет кровь Фенрингов? Граф помрачнел.

– Я не люблю, когда мною манипулируют.

– Никто не любит. Но, как бы то ни было, Шаддам просит вас вернуться к нему. Ему нужны ваш совет и ваша дружба.

Фенринг несколько не сомневался, что понимает, что на уме у Шаддама. Граф всегда упрекал бывшего Императора в упрямом следовании внушенным дурными советниками планам, точно так же, как и баши Гарон. «У Шаддама очень опасный склад ума. Он искренне верит, что он умнее других, хотя в действительности это совсем не так. Такая самоуверенность приводит к серьезным ошибкам и просчетам».

Гарон извлек из рукава кинжал с инкрустированной драгоценными камнями рукояткой. Фенринг напрягся. «Неужели он подослан, чтобы убить меня?» Граф нащупал под тканью куртки кнопку пистолета, стреляющего отравленными иглами.

Но баши положил кинжал на стол и толкнул его к Фенрингу рукояткой вперед.

– Теперь это ваш кинжал, это дар друга вашего детства. Он сказал, что вы сами поймете его значение.

– Да, мне знакома эта вещица. – Граф взял кинжал и принялся рассматривать острое лезвие. – Шаддам когда-то подарил его герцогу Лето. Это было после конфискационного суда, но потом герцог вернул дар Императору.

– Еще важнее то, что именно этим кинжалом Фейд-Раута Харконнен дрался с Муад'Дибом.

– Ах да, если бы этот харконненовский щенок дрался лучше, то мы не сидели бы сейчас в этой дыре, а Шаддам не был бы сейчас правителем неизвестно чего.

– По крайней мере Империя сохранила бы стабильность, и Муад'Диб не рвал бы ее на части своим джихадом, – тихо произнес Гарон.

И был бы жив Фейд, настоящий отец крошки Мари... Впрочем, об этом мало кто знал.

– Честь и легион, – задумчиво произнес Фенринг девиз сардаукаров.

– Именно так. Сардаукар никогда не совершит бесчестия, несмотря на то что Шаддам навлек его на нас. Он не понимает, какое презрение испытывают к нему даже оставшиеся с ним сардаукары.

Узкое лицо Фенринга осветилось улыбкой.

– Вещами, которых не знает Шаддам, можно заполнить межпланетную библиотеку.

Гарон наконец отхлебнул из своей чашки.

– Его глупость дорого обошлась нам обоим. Невозможно смириться с потерей сына и с потерей чести.

– И теперь вас разрывает между клятвой сардаукара, обязанностью служить Дому Коррино, и памятью о сыне.

– Вы очень хорошо меня понимаете.

– Если бы мы приняли решение, гм, то, вероятно, нам удалось бы остановить возвышение Муад'Дибана. Но кое-что мы можем сделать и сейчас, не так ли, гм? Здесь у нас есть некоторые возможности – и у вас, и у меня. Если удалить эту фигуру с доски – удалить осторожно и с умом, – то последующую неразбериху можно легко использовать для восстановления порядка в соответствии с нашими интересами.

Старый баши пытливо посмотрел на Фенринга.

– Вы предлагаете сотрудничество? Значит, вы вернетесь на Салусу Секундус?

Фенринг, как зачарованный, продолжал смотреть на рукоятку кинжала.

– Скажите Императору, что я вполне понимаю смысл его предложения, но вынужден ответить отказом. Пока вынужден. Передо мной открылись здесь... другие возможности, и я намерен ими воспользоваться.

– Шаддам будет недоволен провалом моей миссии.

– Гм, тогда скажем так, что я, вероятно, изменю свое решение. Подержите его на остром крючке. Для того чтобы сделать иллюзию более правдоподобной, я приму этот кинжал в дар и оставляю его у себя. Я прекрасно знаю его образ мыслей. Он, гм, считает, что возможность моего возвращения – это большая милость с его стороны. Но я пока буду заниматься обучением и воспитанием моей ненаглядной маленькой дочурки.

– Почему вы придаете такое большое значение этой девочке?

Ох уж эти сардаукары. Для них в жизни существует только белое и черное.

– Она имеет очень большое значение, дорогой мой баши. Что, если нам придется обойти этого глупца на Салусе и искать способ самим свергнуть Муад'Дибана?

Гарон откинулся на спинку стула, изо всех сил стараясь скрыть потрясение.

– Трудные времена требуют трудных решений.

Фенринг продолжал говорить, упрямо настаивая на своем.

– Провалы имперской политики Шаддама были такими вопиющими и люди так хотели его смещения, что даже этот безумный выскочка Муад'Диб смог занять вакуум, заполнив его своими фанатиками. Теперь, однако, становится ясно, что Муад'Диб может оказаться хуже Шаддама, и нам надо любой ценой прекратить бойню и установить новый порядок.

Испустив тяжелый вздох, Гарон согласно кивнул.

– Мы должны следовать путем чести. Поступив так, мы сможем остановить злодейство, совершаемое ныне против человечества. Честь обязывает нас сделать все, что в наших силах.

Фенринг протянул руку, и старый баши Гарон крепко ее пожал. Самого Фенринга, в отличие от старого солдата, не слишком сильно волновали вопросы чести. В этом была сила, но одновременно и слабость баши Зума Гарона. Фенрингу самому предстояло разработать все детали плана и привести его в действие.

Пределы Империи необозримы, но истинно эффективное правление распространяется не далее одной планеты, континента, а то и одной деревни. Людям трудно охватить взором то, что лежит за пределами их ближайшего окружения.

Муад'Диб. Политика и бюрократия

Он одиноко стоял на балконе.

Ночные огни Арракина были тусклы, и взошедшая первая Луна отбрасывала длинные тени от домов разросшегося, потеснившего пески большого города. Вдали, в зубчатой линии гор виднелись расселины, сквозь которые в плоскую котловину устремлялись потоки песка. В тех местах Барьера Пол когда-то с помощью атомных бомб проделал проходы, сквозь которые к городу устремилось его войско верхом на песчаных червях. Барьер был естественным препятствием, взорванным в битве одним простым человеком. Обычным человеком.

Но люди не считают его обычным человеком. Молодой Император снова лег в постель, но сон бежал от него. В просторах галактики Полу предстояло провести бесчисленное множество военных операций, и он, Муад'Диб, вдохновит их на пути к вечной славе. Фримены не потерпят даже малейшей слабости и не простят ее своему мессии.

Иногда видения, основанные на предзнании, носили характер каких-то общих, весьма смутных впечатлений, но иногда это были живые яркие сцены, наполненные мельчайшими деталями. Сам джихад представлялся ему высоким горным хребтом, перегородившим дорогу его жизни – опасным, грозным препятствием, обойти которое он не мог. Поначалу Пол пытался отрицать эту преграду, но потом приучил себя к мысли о необходимости идти вперед, смело глядя в лицо трудностям, преодолевая предательские расселины в скалах и неожиданные бури. Он был поводырем слепого, он, Пол, поведет его по безопасным проходам, сознавая, однако, что на этом пути их могут поджидать лавины, наводнения, горные обвалы и удары молний. Законы сохранения вида требовали иного. Иного требовала и ужасная цель. Не важно, какой путь он выберет, но, прежде чем человечество под водительством Пола достигнет земли обетованной, его, человечество, ждут тяжкие и неизбежные жертвы.

Пол предвидел, что к власти его прирастут показуха, помпезность и бюрократия. Все признаки были уже налицо. Поначалу все это будет выступать под личиной мощных и необходимых механизмов власти, но со временем начнет метастазировать, как раковая опухоль. Пол понимал, что придется некоторое время терпеть это, ибо таково топливо джихада.

Дюна уже стала центром обновленной вселенной. Сюда будут являться миллионы и миллионы совершающих хадж паломников. Здесь, на этих выжженных солнцем равнинах, будут приниматься судьбоносные решения, отсюда отправятся в поход легионы Муад'Диб, чтобы воплотить его планы.

Отсюда, из Арракина, новой цитадели Муад'Диб, свет новой веры и жизни зальет галактику. Его дворец будет иметь исполинские размеры и излучать невиданную красоту. Таково требование народа, таково веление истории.

Старые постройки были уже снесены, хлам убран, место строительства колоссального сооружения расчищено. Стройка начнется с рассветом.

Старая резиденция правителей Арракина составит ядро гигантского здания, но в новом дворце не будет даже намек на прежнее жилище Дома Атрейдесов на Арракисе, которое до этого было резиденцией графа и леди Фенринг. Пол стоял между суровым Корбой и жизнерадостным Уитмором Бладдом под высоким сводчатым потолком и наблюдал, как реагируют на его планы Чани и Ирулан.

Мастер меча Бладд, едва не лопааясь от гордости, демонстрировал голографические изображения домов, садов и проспектов будущей цитадели Муад'Диба. Планы были настолько грандиозны, что отдельные их фрагменты занимали едва ли не весь большой зал. Проектировщики вносили последние штрихи, исправляя модели под руководством квалифицированных архитекторов.

Бладд изумительно справился со своей задачей; ему удалось согласовать намерения и идеи великого множества людей и при этом заставить подчиненных проникнуться идеей «самого грандиозного в истории человечества архитектурного триумфа». Бладд уже много лет де-факто руководил всеми предприятиями эрцгерцога Икаца; вот и теперь ему предстояло координировать работу тысяч строителей и техников, следить за поставками материалов и за исполнением бюджета (несмотря на то что даже сироты, ночевавшие на улицах Арракина, с радостью отдали бы свои последние гроши Муад'Дибу).

Выступая от имени Кизарата, Корба объявил о пожертвовании на строительство четырех храмов, которые будут с четырех сторон, словно лепестки, окружать первый этаж цитадели. Корба предлагал украсить будущие стены (которые еще не были возведены) религиозными скульптурами и другими предметами культа.

– Каждая сторона цитадели должна нести на себе какое-то из изображений Муад'Диба с изложением соответствующей легенды. Это поможет выделить его и возвысить над прочими богами.

Глядя на Корбу, Пол думал об остальных федайкинах, помнивших о чистоте своего служения. Когда они дрались здесь, на Арракисе, за понятные им цели против явных врагов – Харконненов и императорских сардаукаров, – они клялись своими жизнями защищать Муад'Диба. Многие из тех отборных бойцов и сейчас сражались в битвах джихада – Отгейм, Тандис, Раджифири и Сааджид. Зная их умение и мужество, он приберегал своих фрименов – очень малую их часть – для самых трудных походов, для самых кровопролитных сражений.

Но Корба, несмотря на то что он и сам был федайкином, выбрал иной путь к славе. Он скрывал свои мотивы, но они были совершенно ясны Полу: воин – это всего лишь воин, а религиозный лидер обладает много большей властью в расширяющейся сфере влияния Муад'Диба и на завоеванных или союзных планетах. Пестуя Кизарат, оформляя в писание новые жреческие учения и правила их внедрения, Корба создал и поддерживал для себя прочный фундамент личной власти, естественно, во имя Муад'Диба.

Несмотря на все отвращение, испытываемое Полом к такому повороту событий, он нуждался в той духовной энергии, которую могла породить только религия. Он понимал, что и ему – хочет он того, или нет – тоже придется соблюдать внешние правила религиозного поведения.

Вместе с Чани Пол переходил от стола к столу, рассматривая модели зданий, особенно приглядываясь к многочисленным куполам и стремительно возносящимся вверх аркам. В разрезе было показано, в каком месте небесного аудиенц-зала будет располагаться главный трон.

– Некоторые залы будут так велики, что в них без труда разместились бы иные королевские дворцы. Весь комплекс будет представлять собой гигантское фортификационное сооружение – как для защиты его обитателей, так и для устрашения чужеземцев.

Экстравагантный мастер меча пользовался рапирой, как указкой, демонстрируя принцессе Ирулан, где будут расположены ее личные сады, а где «кабинеты размышлений». В них она сможет продолжить свои литературные труды. Пол особо отметил гордость, с которой этот человек изъяснял великую мечту Пола. Он сумел произвести впечатление даже на бесстрастную Ирулан.

Чани искоса наблюдала за принцессой.

– Может быть, такой дворец был бы уместен в старой Империи, но нам не нужна такая помпезность, Усул. Фримены сочтут такую экстравагантность... проявлением алчности, которая подобает только чужеземцам.

– Нет такой экстравагантности, которая была бы слишком велика для Муад'Диб, – упрямо произнес Корба. – Люди увидят – самое малое – величайшее здание за всю человеческую историю.

Как это ни печально, но Пол понимал, что Корба прав.

Бладд громко откашлялся.

– Таковы были мои инструкции, и так это и будет выглядеть в реальности. Исходя из центрального ядра здания, все остальные его части будут похожи на расходящиеся от него гигантские лепестки благоухающего прелестного цветка, который украсит собой пустыню.

Несмотря на все несходство характеров и темпераментов, Корба и Бладд на этой ранней стадии осуществления проекта относились друг к другу со сдержанным уважением. Точкой равновесия служили общие для обоих амбиции и единство цели.

Пол взял Чани за руку и сказал:

– Эта экстравагантность необходима, любовь моя. Само великолепие есть рычаг, способный повергнуть к моим стопам колеблющихся и новообращенных. Своими размерами, видом и великолепием моя новая крепость внушит благоговение всякому, кто ее увидит, мало того, она вселит благоговение даже в наши сердца, несмотря на то что мы знаем, как она будет построена. И наше благоговение особенно важно, ибо мы должны хорошо играть предназначенные нам роли, а я – лучше всех.

Пол похлопал мастера меча по спине, затянутой в дорожную ткань.

– Вы заслужили мое полное одобрение, Бладд. Да, мой дворец будет построен в точном соответствии с вашим планом. Каждым уложенным камнем, каждым гобеленом мы укрепим джихад и будем способствовать его скорейшему окончанию. Я буду принимать на троне толпы верующих и обращаться к ним с балконов. Трон и балконы должны превзойти все своей роскошью.

– Но мои покои должны иметь скромное убранство. – Пол махнул рукой в сторону макета императорских покоев, блиставших показным великолепием. – Когда мы с Чани будем удаляться в свои покои, нас будут окружать только традиционные удобства, каковые можно найти в ситчах; там должны быть только те предметы, которыми пользуются в своем обиходе все фримены. В уединении мы будем вспоминать о наших корнях.

Бладд и Корба посмотрели на Пола, не скрывая тревоги, а Ирулан подошла ближе.

– Мой супруг, люди ожидают, что вы будете жить как Император, а не как племенной вождь. Вся цитадель, включая ваши апартаменты, должна показать всему человечеству, как велик и могущественен Муад'Диб. Моделью может послужить личное крыло моего отца в старом императорском дворце.

– Для жизни нам достаточно в наших покоях простоты ситча, – упрямо сказала Чани, и Пол согласился с ней, закончив ненужную дискуссию. Чани всегда чувствовала себя неудобно в городах и в больших зданиях, украшенных роскошными безделушками. – Пусть Муад'Диб – Император, он все равно один из народа.

«Да, – подумал Пол. – Отцу эти слова пришлось бы по нраву».

Я был рожден для величия, а не для того, чтобы стать сносной в мировой истории.

Мастер Уитмор Бладд. Личные дневники и наблюдения, том VII

Хранилище дорогих вин было частью огромных трофеев, доставленных на Арракис армиями Муад'Диб. Уитмор Бладд обнаружил это неучтенное сокровище, осматривая доставленные на планету материалы в поисках пригодных для строительства новой цитадели.

Он прочитывал запыленные этикетки на бутылках, оценивал годы урожаев и приходил во все большие восторг и восхищение. Сомнительно, чтобы неотесанные фримены даже отдаленно понимали ценность этого трофея. Они свалили захваченные бутылки в кучу без всякого каталога или списка, не позаботившись о надлежащих температуре и влажности.

Эти пустынные фанатики не имели никакого понятия о ценностях, были лишены вкуса и изящества. Им было не дано понять разницу между освежающим тонким каладанским белым вином и терпким кьянти с тепличных виноградников Анбус IV. Осматривая ящик за ящиком содержимое хранилища, Бладд все больше утверждался в мысли, что не имеет права допустить, чтобы такое сокровище пропало без всякой пользы.

Он нашел здесь и слабое красное столовое вино, которое можно было пить в больших количествах, не обращая особого внимания на вкус. Это вино подходит фрименам больше, чем вина утонченные и ароматные. Или, может быть, отдать им вот этот сладкий мускат? Добравшись до бутылки оригинального киранского игристого вина, Бладд отложил его к тонким винам. Он не мог допустить, чтобы такое вино было выпито ничего не понимающими в нем мужланами!

На сегодняшний вечер Бладд оставил себе крепленный кларет, который он в последний раз пробовал много лет назад в компании с другим мастером меча Ривви Динари. Они тогда обмывали поступление на службу к эрцгерцогу Арманду Икацу. Мощный, склонный к полноте Динари посчитал качество этого вина исключительным. Что же касается самого Бладда, то он берег в памяти тот вечер ради воспоминаний о дружбе и удачной службе, а не в связи с качеством вина. Динари, несмотря на свою полноту, утверждал, что очень хорошо разбирается в винах, хотя, как показалось Бладду, его товарищ отдавал должное не только качеству, но и количеству выпитого.

Бладд уже переоделся в вечерний наряд: сшитый точно по мерке красно-коричневый жилет, черная сорочка с поясом и кружевным воротником, облегающие черные брюки и высокие, до колен, замшевые сапоги под цвет жилета. Как всегда, на боку висела рапира – оружие декоративное, но от этого не менее смертоносное. Бладд поднял один из ящиков с драгоценными напитками и прижал его к правому бедру. Со всей грациозностью, на какую он был способен, Бладд вышел из хранилища. Если эти сыны пустыни способны ценить хорошие вещи – правда, это далеко не очевидно, – то он сможет расположить их к себе, а потом они превосходно проведут время, вспоминая битвы и приключения.

Настроение у Бладда было праздничное. Во фрименскую казарму он принес с собой, кроме вина, замысловатый личный штопор и набор бокалов. Мастер меча высоко поднял бутылку, чтобы показать всем название вина и год урожая, но в ответ фримены лишь окинули его подозрительными взглядами. Они воспринимали Бладда как одного из советников Муад'Диб и его старого знакомого, но разодетый в пух и прах мастер меча не соответствовал их представлениям о настоящем воине.

Бладд вытащил из бутылки пробку и, втянув ноздрями воздух, едва не сморщился от отвращения. Как солдаты элитных подразделений, эти люди имели практически неограниченный доступ к воде и обладали возможностью мыться – хотя бы изредка!

– Я принес превосходное вино из хранилища Императора Пола Атрейдеса, – он слегка пожал плечами, – или Муад’Диб, если вы предпочитаете его так называть. Не хотите попробовать?

Бладд разлил вино по бокалам и стал предлагать его запыленным фрименам – одному за другим.

– Среди мастеров меча существует традиция пить вино и рассказывать друг другу занятные истории о былых сражениях. Сначала я был инструктором в школе Гинаца, а потом вместе с моим коллегой служил главным фехтовальщиком при дворе Икаца.

Полдюжины фрименов взяли в руки бокалы и принялись их рассматривать. Один из федайкинов по имени Эльяс сделал добрый глоток и поморщился.

– Да не так же! – воскликнул Бладд, теряя терпение. – Оцените его богатый цвет, вдохните великолепный букет. Сделайте маленький глоток. Прокатите вино по языку, почувствуйте его нёбом. Это же не грубый кофе со специей.

Эльяс явно оскорбился такой отповедью, но Бладд сделал вид, что ничего не заметил. Он сделал крошечный глоток и с наслаждением выдохнул.

– Итак, истории. Уж коли вы так влюблены в Муад’Диб, то я расскажу вам о том времени, когда мой товарищ, мастер меча Ривви Динари, Дункан Айдахо и я вместе с юным Полом Атрейдесом – ему тогда было лет двенадцать – отправились в джунгли Гинаца, где на нас напали гигантские гусеницы...

– Мы все знаем о Дункане Айдахо, – перебил Бладда один из фрименов. – Он погиб, спасая Муад’Диб во время его бегства от Харконненов. Именно тогда Муад’Диб и его мать оказались среди нас.

– Значит, Пол рассказывал вам эту историю? – Бладд оглядел фрименов, но они в ответ лишь тупо молчали.

– Мы читали книгу принцессы Ирулан, – ответил один из солдат. Другие многозначительно кивнули.

Бладд тоже читал эту книгу и знал, что Ирулан пропустила множество важных вещей, она, например, даже писала, что Пол ни разу не покидал Каладан до своего прибытия на Арракис, совершенно не упомянув о его приключениях на Икаце! Были там и другие ошибки, и Бладд уже сказал о них принцессе.

Фримены пили вино, но скорее из вежливости, а не для удовольствия. Бладд сделал следующую попытку и начал рассказывать другую историю, не включенную Ирулан в книгу.

– Давайте я расскажу вам, как коварным нападением грумманцев на замок Каладана началась война убийц? Погибли несколько человек, и среди них...

Он потянул носом воздух и перевел дух.

– Вероятно, мне не стоит рассказывать и эту историю.

Бладд рассчитывал, что они сами начнут что-то рассказывать о своих подвигах, но эти фримены были просто какой-то мрачной стаей.

– Это вино похоже на нефильтрованную мочу, – прорычал Эльяс, чувствующий себя обиженным. – Если пропустить его через фильтры, то, наверное, получится неплохая вода.

– Мой дорогой сэр, это очень хорошее и дорогое вино. Но я не удивляюсь, однако, тому, что вы не способны распробовать и оценить его вкус...

Эльяс выхватил из ножен кинжал из зуба червя. В комнате наступила мертвая тишина.

– Ты меня оскорбил!

Бладд огляделся и со скучающим видом тяжело вздохнул.

– И что?

– Это вопрос чести, – сказал другой фримен.

– Не стоит этого делать, мой дорогой сэр, – бесстрастно произнес Бладд.

– Бери свой клинок! – Эльяс поднял свой кинжал и встал в боевую стойку.

Сохраняя полное хладнокровие, Бладд извлек из ножен рапиру.

– Разве я не говорил вам, что я – мастер меча, закончивший полный курс школы Гинаца? Этот ножичек из зуба чудовища забавен, но мой клинок в четыре раза длиннее. – Он взмахнул рапирой в воздухе, чтобы все могли оценить ее длину.

– Значит, ты трус?

– Если ответить одним словом, то нет. – Бладд оправил жилет, расстегнул черный кружевной воротник. – Защищайтесь, если вам так угодно драться.

Эльяс бросился вперед и нанес удар, фримены принялись подбадривать его криками и улюлюканьем. Несмотря на щеголеватый наряд Бладда, одежда не стесняла его движений. Он уклонился от яростного натиска. Потом, сделав круговое движение рапирой, уколол фримена в плечо.

– Стоп, первая кровь за мной. Вы сдаетесь?

Зрители захохотали.

– Бладд – птичий наряд! Он только хвастается, а драться слаб! Бладд – птичий наряд!

– Боже, какая плохая рифма. – В голосе мастера меча слышался нескрываемый сарказм.

Разъяренный фримен взмахнул кинжалом и снова бросился на противника. Двигался он с похвальной быстротой. Эльяс перекинул нож из правой руки в левую и сделал выпад. Ах, мы умеем пользоваться обеими руками. Превосходный навык! Бладд парировал удар, со свистом рассек воздух рапирой, резко развернулся и уколол соперника в другое плечо.

– Твое счастье, что я себя сдерживаю.

Бладд поиграл с противником еще несколько минут, выставляя напоказ чудеса показательной фехтовальной техники: картинные взмахи, широкие движения, об опасности которых он всегда предупреждал своих курсантов. Поняв, что начинает всерьез уставать, Бладд решил положить конец этому бессмысленному танцу. Он слышал об уязвимости фрименов в вопросах чести и не хотел, чтобы его соперник затаил на него злобу. Поэтому он решил пощадить его самолюбие и помочь сохранить лицо.

Нырнув вперед, Бладд начал работать клинком так, что тот слился в сверкающий круг, ослепивший Эльяса. Потом Бладд намеренно сократил дистанцию. Он уже присмотрелся к стилю Эльяса и знал, чего следует ожидать. Он дал фримену шанс, даже всего лишь намек на шанс, и Эльяс ударил. Нож слегка поцарапал левое предплечье Бладда. Теперь фримен может быть доволен – он тоже пустил кровь сопернику. Эльяс оскалил зубы в зверской ухмылке.

– Ну, ладно, теперь достаточно.

Тупой стороной рапиры Бладд ударил по руке фримена, державшей оружие. Пальцы разжались, и кинжал из зуба червя со звоном упал на пол казармы.

Один из солдат шагнул вперед и пинком отшвырнул кинжал в сторону, чтобы Эльяс снова его не схватил.

– Он побил тебя честно, Эльяс, но ты тоже пустил ему кровь.

Фримен был растерян, его душила злоба. Еще один солдат тихо произнес:

– Муад’Диб запретил нам племенные распри.

– Этот павлин не из нашего племени, – огрызнулся Эльяс.

– Муад’Диб хочет, чтобы его солдаты сражались с врагами, а не друг с другом.

– Это превосходный совет, – с этими словами Бладд вложил рапиру в ножны, взял неоткупоренную бутылку вина и направился к выходу. – В следующий раз я, наверное, принесу пива со специей.

*Никогда не поворачивайся спиной к тлейлаксу.
Древняя поговорка*

Леди Марго Фенринг сидела с маленькой дочкой в заднем отсеке экипажа, тащившегося по извилистым улочкам Фалидеев. Леди Фенринг велела водителю доставить их с Мари к портовому рынку. Марго редко выезжала в город без мужа, но маленькой Мари надо было время от времени отдыхать от постоянного присутствия бдительной няни и наставницы из Бинэ Гессерит. Несмотря на то что леди Марго могла бы без труда справиться и с сотней тлейлаксу, ей было запрещено по соображениям «безопасности» выходить из дома одной.

Мари сидела на высокой подушке, сшитой для мастера Тлейлаксу. Девочка жадно впитывала детали окружающего пейзажа, широко открытые глазки были полны любопытства, но девочка была уже достаточно мудра для того, чтобы сначала самостоятельно искать ответы на свои вопросы. Граф и леди Фенринг вынашивали честолюбивые планы в отношении своей единственной дочери. Они решили сделать все для развития способностей девочки. Ее следовало подготовить к предстоящей ей великой судьбе и вооружить против превратностей жестокого мира.

Водитель, тлейлаксу из рабочей касты, ловко объезжал крошечных мастеров, которые неожиданно выходили на проезжую часть, не удосужившись посмотреть по сторонам. Чувствуя себя не слишком уютно в присутствии двух особ женского пола, водитель не разговаривал со своими пассажирками; вероятно, он получил особые инструкции – не обращать на них внимания. В отличие от других городских экипажей их машина была снабжена тонированными стеклами. Наверное, тлейлаксу не желали видеть женщин на улицах своего города.

Когда Марго выезжала в город с мужем, тлейлаксу вели себя совершенно по-другому. Если они и не были приветливы, то все же относились к ней терпимо. Но стоило ей появиться одной, тлейлаксу, казалось, теряли дар речи от такого вопиющего поступка. Но на этот раз ей не было никакого дела до отношения к ней местных жителей. Пусть обижаются и чувствуют себя оскорбленными. Она уже потеряла счет мелким уколам негостеприимных хозяев. Она презирала и ненавидела фанатичных мастеров Тлейлаксу, но, как истинная воспитанница ордена Бинэ Гессерит, в совершенстве умела скрывать свои истинные чувства.

Светловолосая малышка улыбнулась матери и снова отвернулась к тонированному стеклу. Она была еще слишком мала, чтобы разделять заботы и тревоги взрослых. Как и Марго, девочка была одета в длинное черное платье, но глаза у нее были не серо-зеленые, а светло-голубые. «Глаза Фейда», – вспомнила Марго.

Подставной барон семейства Харконненов был вполне приемлемым любовником, хотя и не таким умелым, каким мог быть, учитывая множество его наложниц. В свете последовавших событий выяснилось, что и бойцом он был отнюдь не таким великим, каким себя воображал. Тем не менее Марго приняла его семья, чтобы зачать дочь, как требовали от нее сестры Бинэ Гессерит. В течение многих поколений женщины ордена формировали идеальный генофонд для достижения своих целей. Да, маленькая Мари и вправду была необычной девочкой.

В течение того года, что чета Фенринг пребывала на Тлейлаксе, Марго регулярно обменивалась с орденом тайными посланиями в письмах или с помощью условных предметов, которые доставлялись курьерами на Уаллах IX и обратно. Марго не сомневалась, что Обрега-Ксо тоже отправляла в орден свои секретные сообщения.

Независимо от личной заинтересованности Верховной Матери в дочери Фейда-Рауты, Марго имела в отношении девочки свои собственные планы. Она не желала, чтобы Мари стала простой пешкой в играх Бинэ Гессерит. После появления на сцене Муад'Диб – Квизац Хаде-

рача, которого не могли контролировать сестры, – и Мерзости Алии, Марго утратила веру в чрезвычайно сложные и не всегда успешные схемы Бинэ Гессерит.

У них с Хасимиром были на этот счет иные идеи.

Леди Марго улыбнулась дочери. У девочки был ясный пытливый ум. Она легко усваивала знания. Благодаря усилиям матери, графа Фенринга и Обрега-Ксо Мари уже владела многими приемами и навыками воспитанницы Бинэ Гессерит, опережая свой возраст.

Тем временем экипаж поравнялся с оживленным рынком – скопищем брезентовых палаток и жестяных будок. Торговые ряды тянулись до самых доков. Здесь продавали еду и различные бытовые мелочи.

– Водитель, остановитесь. Мы хотим пройти по рынку.

– Это запрещено, – грубо ответил тлейлаксу, еще больше раззадорив этим ответом Марго.

– Тем не менее мы выйдем.

– Мне разрешили только возить вас по городу.

Но Марго была уже по горло сыта тайнами и запрещениями тлейлаксу. Она заговорила с водителем Голосом:

– Ты остановишь машину, как я того требую.

Водитель судорожно дернулся, потом подъехал к ближайшей палатке.

– Ты будешь нас ждать, а мы пока поговорим с торговцами и посмотрим товары.

Превозмогая непроизвольную дрожь и оцепенение, водитель тем не менее ухитрился протянуть руку к стоявшему рядом с ним ящику. Вспотев от этого усилия, он извлек из ящика маленький шарик и сдал его ладонью. Шарик развалился на две части – на два черных шарфа – один большой, другой маленький.

– Вы должны прикрыться, переодеться мужчиной и мальчиком.

Удивленная тем, что водитель нашел в себе силы сопротивляться Голосу, Марго взяла шарфы. Один из них она быстро обмотала вокруг головы – так носили головные платки многие представители средней касты тлейлаксу, а второй отдала дочери. Мари не колеблясь покрыла голову.

– Как я люблю наряжаться.

Марго с дочкой вышли из машины. От главной пешеходной дорожки отходили многочисленные ответвления, вившиеся среди торговых палаток. Марго ходила по этим тропинкам, навсегда запоминая маршрут. Марго понимала, что, несмотря на покрытую голову, сложение и рост изобличают в ней женщину. Мари же не обращала никакого внимания на изумленно оборачивавшихся на них мужчин.

Рынок, полный странных запахов жареных блюд, приправленного специями мяса слиней и острых овощей, гудел, когда они вошли на его территорию, но Марго заметила, что они с Мари постоянно оказываются в островке тишины. Торговцы и покупатели мгновенно замолкали, заведя странную парочку.

Со времени приезда на эту странную планету любимым развлечением леди Марго стало изучение экзотических тлейлаксианских ядов. Помимо биологических опытов, тлейлаксу преуспели в изготовлении токсических химических соединений, которые могли разными путями убивать или парализовать жертву. Рынок был настоящим кладом этих полезных субстанций. Здесь можно было найти контактные парализующие яды, другие же требовали специальной техники применения, так как стандартные определители ядов могли выявить их присутствие в пище или питье. Марго восхищенно озирала ряды драгоценных камней, пропитанных нервно-паралитическими веществами. Эти вещества выделялись из камней в определенных условиях. Были здесь и невинные на вид ткани, которые – стоило их только растянуть или нагреть – превращали полимеры в смертоносные молекулы яда. Да, у тлейлаксу были очень интересные игрушки.

Остановившись у одного прилавка, Мари принялась с интересом разглядывать лежавшие на нем куклы. Все куклы представляли мужчин, но здесь были самые разнообразные расовые типы рода человеческого, одетые в свои национальные костюмы. Мари указала на одну из кукол, поразительно похожую на Пола Атрейдеса – Муад’Диб – в детстве.

– Я хочу вот эту куклу, – сказала она.

Продавец недовольно скривился, но назвал низкую цену, видимо, желая скорее избавиться от неприятных ему покупателей. Заплатив несколько солари, леди Марго отдала куклу дочери, но девочка быстро сунула куклу матери.

– Это мой подарок тебе, мама, – сказала она. – Я же не играю в куклы.

Марго с улыбкой взяла куклу и подтолкнула дочку вперед.

– Нам надо возвращаться в машину.

Действительно, не стоило и дальше испытывать терпение местных жителей. Леди Марго опасалась, что чиновники уже отправили гневное письмо графу Фенрингу. Марго безошибочно нашла дорогу в запутанном лабиринте бесчисленных дорожек. Водитель ждал их, потев от беспокойства.

Всю дорогу девочка пребывала в радостном возбуждении, предвкушая, как расскажет папе об этом приключении. Леди Марго смотрела на Мари и думала, что только ради этого стоило совершить рискованную вылазку.

При нужных условиях даже мелкая рыба может породить мощную волну.

Дзенсуннитская максима

Грохот стройки стал такой же частью Арракина, как завывание пустынных ветров и шелест песка. Возведение комплекса цитадели началось на окраинах города, где скопились миллионы паломников и тех, кто за ними охотился. Когда строительство будет закончено, крепость протянется через пригороды до северной скалистой гряды, где сейчас стояли сотни хибарок, построенных из остатков военных кораблей Шаддама.

В частично перестроенной арракинской резиденции Пол встретился со своими советниками до того, как дневной зной стал удушающим. Он специально выбрал для встречи маленький зал, каменные стены которого внушали ему чувство относительной уединенности. Он называл этот конференц-зал «удобным местом для неудобных дискуссий».

Советников Пол выбирал не столько по принадлежности к политическим партиям или по происхождению, сколько по их проверенным способностям. Были приглашены Алия и Чани. Ирулан тоже настояла на своем участии в обсуждении. Пол не вполне доверял ее верности, но высоко ценил за ум и рассудительность – качества, присущие ей как воспитаннице Бинэ Гессерит и как старшей дочери свергнутого Императора. Она действительно могла дать дельный и мудрый совет.

Присоединился к ним и Корба, а также Чатт Скорохват, еще один федайкин, в чьей решимости Пол не сомневался. После того как Алия, когда он был на Каладане и на Кайтэйне, приняла делегацию Космической Гильдии, Пол поручил Чатту разбираться с частыми требованиями, просьбами и жалобами Гильдии. В тех случаях, когда представители Гильдии пытались подольститься к Чатту и задобрить его дарами и посулами, он, проявляя твердость и не уступая ни миллиметра, выставлял требования, продиктованные Муад’Дибом. Побольше бы таких переговорщиков.

Слуги внесли в зал подносы с горьким, приправленным специей кофе. Пользуясь бесчисленными подношениями и подарками, бесперебойно поступающими на Дюну, Муад'Диб и его ближайшее окружение не испытывали недостатка в воде. Пол призвал собравшихся к тишине и занял свое место.

– Я подготовил повестку дня, Усул, – сказал Корба, выпрямившись на стуле. Он часто называл Пола именем, данным в Ситч-Табре, чтобы подчеркнуть свою близость к Императору. Он так бережно развернул листы бумаги на столе, словно это были священные религиозные тексты. Корба мог бы воспользоваться бумагой из меланжа, но для важных документов он предпочитал прочную чужеземную бумагу. Не хватало только печатей, как на священных реликвиях.

«Фримен с повесткой дня», – сама идея показалась Полу абсурдной.

– Нам предстоит обсудить множество вещей, Корба. Повестки дня загонят нас в жесткие, никому не нужные рамки. – Пол не смог сдержать резкости. Неизбежная бюрократия пускает свои корни все глубже и глубже.

– Я просто попытался организовать пункты обсуждения и расположить их в надлежащем порядке, Усул. Твое время очень дорого.

– Мой брат сам может организовать обсуждение, как он того желает, – пропищала со своего места Алия. – Или ты думаешь, что у тебя это выйдет лучше?

Пол видел, как напрягся Корба. Если бы слова Алии не смягчались ее детским обликом, то в Корбе выиграла бы фрименская гордость, и он, чего доброго, схватился бы за кинжал. Он и так в последнее время проделывает это слишком часто.

– Какой пункт ты хочешь обсудить первым, мой возлюбленный? – спросила Чани, уводя разговор в безопасное русло. Чатт Скорохват сидел молча, прислушиваясь к каждому слову Муад'Диб. Остальные выступления его интересовали куда меньше. Ирулан внимательно следила за ходом обсуждения, ожидая повода вмешаться.

– Я хочу обсудить рост Арракина, – сказал Пол, – и мне нужны честные ответы на мои вопросы. Планета за планетой изъявляют мне свою покорность, и население города растет быстрее, чем мы успеваем перестраивать его инфраструктуру. Паломники, беженцы и всякого рода перемещенные лица прибывают на Дюну ежедневно, а наши ресурсы ограничены. Скоро эти люди останутся без пищи и крова.

– Они привозят с собой недостаточно воды, – добавила Алия.

Корба, одобрительно кивнув, заговорил:

– В прежние времена фрименским племенам приходилось устанавливать тысячи ветряных ловушек, строить заградительные бассейны и беречь каждую росинку просто для того, чтобы выжить. Теперь у нас нашли приют слишком многочисленные чужестранцы. Они привезли сюда свои тела и рты, но забыли захватить с собой средства пропитания. К тому же они совершенно не знают пустыни.

Чани согласилась:

– Они покупают конденскостюмы у мошенников и шарлатанов. Они думают, что могут всегда и везде купить воду за деньги, или надеются, что она упадет к ним с неба, как на их родных планетах. По фрименскому обычаю такие люди заслуживают смерти, потому что их вода должна достаться более разумным пришельцам.

Ирулан дождалась своей очереди:

– Несмотря на повышенный радиоактивный фон в местах атомных бомбардировок Барьера, там были построены временные поселки.

– Они строятся без разрешения, – возразил Корба.

– Тем не менее они строятся, – сказал Пол. – Запрещение – пустой звук для отчаявшихся и озлобленных людей.

– Радиация – не единственная опасность, – продолжила Ирулан. – Я читала еженедельные отчеты. Каждый день оттуда незаконными путями вывозят мертвецов. Людей грабят и убивают, и кто может сказать, сколько трупов осталось найденными? Мы знаем, что существуют банды, занимающиеся похищением живых и мертвых для добычи воды.

Пол несколько не удивился, выслушав эту новость.

– В нашей ситуации этого следовало ожидать.

Сверившись с повесткой дня, Корба представил отчет об экспортных поставках меланжа. Границы Империи непрерывно расширялись, и Полу были нужны стимулы для привлечения на свою сторону Космической Гильдии и КООАМ. По этой причине Император просил увеличить добычу специй в пустыне. Муад'Диб всегда получал то, что хотел.

Затем Муад'Диб заслушал рапорты о результатах недавних сражений джихада. Многие аристократы Ландсраада, вступившие в союз с новым Императором, помогали нести его знамена на другие планеты, силой подчиняя те из них, которые осмеливались сопротивляться. Однако Пол отметил одну странность: очень немногие из «покоренных» планет могли представлять для его государства реальную опасность. Дружественные Муад'Дибу правители выбирали в качестве целей планеты, с которыми у них была старая родовая вражда, и под видом джихада просто сводили старые счеты с соперниками. Пол прекрасно это видел, но понимал, что эти прискорбные и бесчестные эксцессы еще сильнее раздували пламя столь необходимого ему джихада.

Слушая доклад о череде побед и данные о потерях, Ирулан не выдержала:

– Осталось не так долго ждать, когда народы будут плакать, вспоминая о блаженных днях правления моего отца.

– Хаос всегда порождает такие сожаления, – ответил Пол. «Включая и мои собственные». – Мир наступит только после того, как мы удалим всю гниль из одряхлевшей Империи. Но я не могу сказать, как долго это продлится.

Ирулан не дрогнула.

– Я вижу, как формируется ваше собственное правительство, Император Пол Атрейдес. Неужели вы всерьез думаете, что сумеете вашими методами добиться чего-то лучшего, чем Империя Дома Коррино? С небольшими перерывами наш род правил человечеством в течение десяти тысяч лет. Вы воображаете, что сможете сделать то же?

Корба, пылая праведным гневом, вскочил на ноги.

– Муад'Диб пребудет во веки!

– Довольно, Корба, – устало поморщился Пол. – Приберегите эти лозунги для толпы и не употребляйте их в этом тесном кругу.

Командир федайкинов упал на стул. Он съезжился словно лопнувший воздушный шар от строгого внушения Пола.

Пол подался вперед. Ему надо было найти бреши в безупречной логике дочери бывшего Императора и воспитаннице ордена Бинэ Гессерит.

– Продолжайте, Ирулан, я слушаю вас с большим интересом.

Ирулан была удивлена и польщена таким серьезным к себе отношением и выпятила губы от гордости.

– Вами движут самые лучшие намерения, но вы во многом стали слишком истинным фрименом, чтобы править межпланетной Империей. Правление – это тонкое искусство. Однажды заключенные политические союзы не остаются стабильными на вечные времена. Необходимо постоянно следить за действиями правящих аристократических Домов и вербовать среди них союзников, менять их состав, поощрять правителей к объединению, а не запугивать их. Ведь именно по этой причине граф Торвальд с успехом собрал союзников, готовых оказать вам сопротивление. После того как он покинул заседание Ландсраада на Кайтэйне, граф начал сколачивать свой собственный союз, и многие смотрят на него, как на единствен-

ную возможную альтернативу вашей власти. Вы сделали ставку на грубую силу, а он использует сложные бюрократические механизмы.

– Его ничтожный мятеж заключается всего лишь в дерзких словах, выкрикнув которые, эти трусы прячутся в кусты.

– Пока. – Ирулан с сомнением покачала головой. – Вы увидите, что я права. Фрименская простота и грубое насилие никогда не смогут подчинить себе Империю.

– Я тоже сын благородного герцога, Ирулан, и могу соблюсти необходимое равновесие между двумя сторонами и извлечь выгоды из обеих. Я – Пол Атрейдес и одновременно я – Пол Муад’Диб.

Принцесса гневно посмотрела на него.

– И как вы пользуетесь наукой, которую преподавал вам ваш отец? Я не вижу никаких выгод в том, что вы сейчас создаете: объединенное фанатизмом население, руководимое харизматическим лидером, следующим догмам, а не правовым нормам. Вы отбросили сложную – и, увы, неэффективную – бюрократию Ландсраада. Но вы не можете заменить ее анархией! Нужна надежная система законов и процедур, единый кодекс, согласно которому принимаются решения на всех планетах государства. Но пока вы пытаетесь избавиться от всех достижений своих предшественников!

– Вы предлагаете, чтобы я позволил моей администрации превратиться в раздутое чудовище, которое утонет в массе нужных только ему правил?

– Таково государство, мой супруг, и вы это знаете не хуже меня.

Угрожающе посмотрев на Ирулан, Чани хотела встать, но Пол остановил ее не допускающим возражения жестом. Он и сам с трудом подавлял раздражение.

– Разгромив такое множество планетных правителей, я не отдам мою Империю на откуп бюрократам.

– Вашей целью должна стать не бюрократия, а эффективность, – стояла на своем Ирулан. – Назначьте хороших лидеров и компетентных администраторов, людей, ценящих достижение конечных результатов превыше сохранения статус-кво или укрепления собственной власти. Любой человек, умеющий замедлить разрушение предмета, имеет преимущество перед человеком, который нуждается в таком предмете.

Пол был очень рад, что у него хватило мужества включить Ирулан в состав участников встречи. У нее одной были весьма ценные и оригинальные взгляды на будущее Империи. Но Ирулан надо держать на коротком поводке.

Хотя мать уехала совсем недавно, Пол подумывал о том, чтобы вызвать ее с Каладана. Она тоже сможет занять влиятельное положение в его центральном правительстве. В его ближайшем круге появится еще одна сильная женщина.

– Можешь верить мне, я всегда исполню твою волю, Усул, – сказал Корба.

– И мне, – вставил Чатт. Это были первые слова, произнесенные им за все время совещания.

– И мне, – сказала Ирулан, не скрывая горечи. – Я знаю, что вы не цените меня как жену или подругу, но вы не смеете не признать моего таланта в дипломатии.

– Я очень многое ценю в вас, Ирулан. У вас много навыков, много знаний, вы умны и отличаетесь верностью, но я не могу предоставить вам слишком большую власть. Это очень рискованно. Как дочь Падишах-Императора, воспитанная орденом Бинэ Гессерит, вы понимаете почему.

В ответе Ирулан сквозило раздражение:

– И что же я буду делать со всеми своими знаниями и навыками? Играть роль бесполезного украшения при дворе моего официального супруга, как, например, посаженная недавно финиковая пальма?

Пол задумался.

– Мне понятны ваши интересы, я сознаю пользу, которую вы можете принести. Ваша первая книга о моей жизни, неполная и содержащая некоторые неточности, оказалась тем не менее популярной и действенной. Я назначаю вас моим официальным биографом.

Не обязательно участвовать в истории для того, чтобы ее творить.

Принцесса Ирулан. Запись из неопубликованного частного дневника

Как принцессу старой Империи Ирулан воспитывали в традициях придворного этикета, ее научили правильно сидеть во время императорских церемоний, играть на музыкальных инструментах и к месту цитировать отрывки из книг. Ее поощряли писать изящные стихи ни о чем для развлечения хорошо воспитанных мужчин с мелкими интересами.

Но, кроме того, она была воспитанницей ордена Бинэ Гессерит, как и все ее сестры. Помимо положенного воспитания, она обладала множеством других, более полезных знаний и навыков. Ирулан не желала ограничиваться упражнениями в изящном стихотворстве. Ее положение было очень выгодным для создания хроники этой хаотичной эпохи человеческой истории. Это положение подкреплялось тем, что она одновременно была женой Муад'Дибя и дочерью Шаддама IV.

Занявшись продолжением первого тома «Жизни Муад'Дибя», Ирулан намеревалась исследовать притоки могучей реки его жизни. В процессе работы она хотела просмотреть книгу, чтобы внести исправление в некоторые детали, несмотря на то что лишь немногие поймут суть этих исправлений. Пропагандисты и невежественные религиозные почитатели Пола оставались в счастливом неведении относительно своей слепоты и не видели темных сторон того, что творили.

Эти люди с религиозным пылом почитали ее первую, довольно сырую, поспешно написанную книгу, хотя она сама превосходно видела ее недостатки. Недавний разговор с мастером меча Бладдом показал ей, что Пол, рассказывая ей о своей жизни, опустил многие ее эпизоды, но принцесса решила не менять уже написанного. Напротив, все ее книги о Поле останутся в их первоизданном виде, она не станет их редактировать и пересматривать. Пусть они будут грубыми каменными ступенями, ведущими в реку его жизни, и пусть каждый такой камень сохранит свои неповторимые трещины и зазубрины.

Улыбаясь, Ирулан сидела на жестком плазовом стуле возле фонтана, который, хотя в нем не было воды, источал звуки падающих струй. К ней пришло вдохновение, так необходимое сочинителю. Несмотря на то что Пол часто, казалось, игнорировал советы Ирулан, он тем не менее приглашал ее почти на все заседания своего правительства.

Все последние дни он переживал неожиданное поражение своих войск. Лайнер, полный солдат джихада, опьяненных кровью легких побед, прибыл к планете Ипир. Воины надеялись просто принять капитуляцию очередного аристократа-правителя. Но они явно недооценили решимость Мемнона Торвальда.

Здесь, на своей родной планете, Торвальд собрал военные силы одиннадцати планет, которым предстояло стать следующими жертвами джихада. Торвальд объединил усилия их правителей в яростном сопротивлении, превратив Ипир в оплот старой Империи. Объединенные армии с неожиданной силой атаковали войска Муад'Дибя.

Тот факт, что предзнание не показало Муад'Дибу это поражение, неприятно удивило его сторонников. Но Полу эта шокирующая военная неудача говорила только одно:говор мятежного графа и одиннадцати других правителей мог иметь успех только из-за участия в нем

какого-то влиятельного гильд-навигатора. Заговорщики сумели сохранить свои планы в тайне, что и позволило им одержать эту неожиданную победу.

Правоверные фримены не могли допустить даже мысли о том, что их непогрешимый Муад'Диб мог в чем-то ошибиться. Вместо этого они решили, что их поражение есть знак того, что их гордыня и самоуверенность разгневали Бога, и теперь им придется сражаться с удвоенной энергией, чтобы искупить свою вину перед Ним.

Оставив разбитую группировку противника на Ипире, граф Торвальд и его союзники покинули планету, скрывшись в другом тайном убежище. Некоторые утверждали, что они укрылись на планете, находившейся под защитой Гильдии, однако все ее представители – даже при допросах с пристрастием – отрицали свое соучастие и даже утверждали, что вовсе ничего не знают о скрывшихся мятежниках.

Ирулан вела подробные записи, понимая, что непривычное поражение и реакция на него Пола дают ей интересный материал для его исчерпывающей биографии. Она, кроме того, принялась более тщательно изучать фактические сведения о жизни Пола Атрейдеса, сына герцога Лето и внука старого герцога Пола. Генеалогия молодого Пола и традиции, которых придерживался благородный Дом Атрейдесов, позволяли понять отчасти его характер, несмотря на то, что Пол пошел не тем путем, что завещал ему отец.

Пользуясь одним только священным именем Муад'Диб, принцесса Коррино смогла собрать истории о Поле у людей, знавших его в юности, хотя, конечно, многие сведения были явно раздуты. Тем не менее Ирулан записывала все, что ей сообщали в длинных повествованиях, чтобы затем вычленив оттуда ядро истины.

Она только что получила много документов с Каладана и с ними длинное письмо леди Джессики. Немногие оставшиеся в живых технократы, служившие на Иксе Дому Верниусов, представили рассказы о дружбе принца Ромбура с герцогом Лето и воспоминания иксианских аристократов о молодом Поле.

Так как Пол был частью программы Ордена сестер по созданию Квизац Хадерача, капитул ордена на Уаллахе IX имел много данных о юности нового Императора. Престарелая Преподобная Мать Мохайем не принадлежала к числу друзей Пола, но с уважением относилась к Ирулан и предоставила ей множество документов в надежде, что она сумеет использовать их против «высочки».

Ирулан, изучая собранный ею материал, скоро поняла, что ее, казавшийся ей поначалу скромным, проект перерастает в грандиозное предприятие, в создание книги, которая привлечет к себе большее внимание, чем любая другая – даже Оранжевая Католическая Библия во времена работы Совета Экуменических Переводчиков. Эта мысль нисколько не испугала Ирулан. Ее первые опыты уже показали, что она способна написать такую книгу.

Пол прекрасно отдавал себе отчет в том, что она делает.

Несмотря на то что он отказался предоставить ей высокий пост в правительстве, Ирулан приняла свое новое положение скорее с восторгом, чем с разочарованием. То, что она публикует, станет историей, которую будут читать школьники на тысячах планет.

Ей казалось, что именно этого хочет от нее супруг...

Однажды утром она отправилась к Полу для важного разговора, неся с собой первый том «Жизни Муад'Диб». Она бросила объемистую книгу в синей обложке на полированный стол элакского сандалового дерева.

– Чего не хватает в этой истории? Я говорила с Бладдом. В своих воспоминаниях вы упустили многие очень важные детали.

Пол удивленно вскинул брови.

– Ваша книга вполне очертила историю моей жизни.

– Вы сказали мне, что никогда не покидали Каладан до того, как ваш Дом прибыл на Арракис. Оказалась пропущенной целая глава вашей жизни.

– Это очень неприятная часть. – Он хмуро воззрился на Ирулан. – И что еще важнее, это несущественная часть. Мы создаем историю для массового потребления. Вы же написали, например, что я родился на Каладане, а не на Кайтэйне. Так звучит лучше, не правда ли? Мы избежали ненужных осложнений, отсекали саму возможность неприятных вопросов и ненужных объяснений.

Она не смогла скрыть растерянность.

– Иногда истина чревата осложнениями.

– Да, это так.

– Но если я изложу в продолжении факты, противоречащие тому, что я написала в первом томе...

– То они это проглотят, поверьте мне.

Часть II

Юному Полу Атрейдесу двенадцать лет

10187 год эры Гильдии

Когда Полу Атрейдесу было двенадцать лет от роду, он едва не погиб в войне убийц, которую вели благородные Дома Атрейдесов, Икаца и Моритани.

Эти события ускорили возмужание юного герцога, подготовили его превращение из благородного юноши в истинного герцогского наследника, из обычного человека в почитаемого Муад'Дибана. От окружавших его в те юные годы людей – друзей и предателей, героев и неудачников – научился он основам правления и осознанию последствий принятых решений.

На своем жизненном пути Пол столкнулся с ненавистью врагов, с которыми даже не был знаком. С момента своего рождения он оказался вовлеченным в сети мировой политики. Глаза его открылись, и он узрел огромную Империю, захватившую многие миры за пределами Каладана.

В юности он научился искусству вести свои собственные сражения, наблюдая за тем, как его отец реагирует на изменения ситуации. Герцог Лето Атрейдес был не из простых людей, поступки которых легко доступны пониманию. В нем была холодность, которая иногда оттаивала – впрочем, ненадолго – только для того, чтобы вскоре снова превратиться в лед. Леди Джессика знала эти его особенности лучше, чем кто-либо другой, и, со своей стороны, тоже учила сына жизни.

Чтобы противостоять трагедиям, с которыми пришлось столкнуться Дому Атрейдесов, благородный герцог Лето закалил свой характер, как сталь. Своим характером он и прославился среди потомков. Он научился действовать, а не ждать, и только благодаря этому выжил.

Эта история начинается накануне пятого бракосочетания моего отца, в тот момент, когда казалось, что жизнь простерлась перед юным Полом Атрейдесом, как великое приключение.

Принцесса Ирулан. Введение ко второму тому «Жизни Муад'Дибана»

Жизнь лепит другую жизнь по своему образу. Каждое событие, каждая личность оставляет свой след как в мелких деталях, так и в более широких мазках полотна всемирной истории.

Аксиома Бинэ Гессерит

Слуги Дома Атрейдесов сбивались с ног, готовясь к отъезду хозяев с Каладана. В космопорте Кала-Сити личный фрегат герцога Лето был начищен до немыслимого блеска. Все детали были смазаны, эмблемы и украшения отполированы, каюты опрысканы ароматическими эссенциями. Через два дня прибудет лайнер Гильдии, возьмет фрегат на борт и отправится в галакти-

ческое путешествие, о цели которого двенадцатилетнему мальчику не сказали, что еще больше разжигало его любопытство.

– Мы полетим на Икс, к Верниусам? – допытывался Пол у Сафира Хавата во время тренировки. У Пола была хорошая реакция, он был скор в движениях, хотя и не дотягивал в росте. Правда, ментат-убийца (отнюдь не склонный к комплиментам) говорил, что навыков мальчика вполне достаточно, чтобы успешно отразить нападение мужчины вдвое старше и вдвое выше него.

– Я не знаю, куда мы летим, молодой хозяин.

Когда Пол задал тот же вопрос Гарни Холлику, уверенный, что этот грубоватый, но веселый и добродушный воин даст ответ, тот сказал, неопределенно пожав плечами:

– Я поеду туда, куда отправится мой герцог, малыш.

Пол пытался выудить хоть какие-то сведения из Дункана Айдахо, своего друга и наставника.

– Может быть, мы полетим на Гинац, посмотреть на старую школу мастеров меча?

– Школа Гинаца стала другой после нападения на нее Груммана двенадцать лет назад. Виконт Моритани назвал это войной убийц, но слово «война» предполагает соблюдение каких-то правил, а виконт – злодей, который всегда делает то, что считает для себя выгодным. – Дункан отвечал с искренним возмущением; он как раз учился в школе мастеров меча, когда пал Гинац.

– Но все равно, скажи, мы летим туда? Ведь ты так и не ответил на мой вопрос.

– Если честно, то я и сам не знаю этого.

Пол пытался по выражениям лиц и интонациям ответов понять, говорят ли ему правду или лукавят. В конце концов он пришел к выводу, что никто и вправду не знает, куда собрался лететь герцог Лето...

В назначенный день мать Пола, Джессика, как всегда сохраняя величавость осанки, спустилась по лестнице из своих покоев в общий вестибюль замка, откуда открывался великолепный вид на уходящие вниз склоны холмов. Ее личные слуги упаковали ее одежду и туалеты, погрузили на подвесные транспортеры и доставили в космопорт для погрузки на фрегат.

В замок вошел Гарни. Рубашка его была пропитана потом, светлые волосы беспорядочно падали на лоб. Холлик широко и заразительно улыбался.

– Лайнер только что встал на стационарную орбиту. В нашем распоряжении четыре часа для того, чтобы надежно закрепиться в грузовом отсеке.

– Ты сам-то собрался? – озабоченно спросила леди Джессика.

– Мне мало что нужно, кроме моего тела и моего разума, а до тех пор, пока у меня в руках мой бализет, за вселенную можно не беспокоиться.

– Ты научишь меня петь, Гарни? – спросил Пол.

– Я могу научить вас словам, молодой хозяин, но слух и голос – это дар Божий. Об этом вам придется побеспокоиться самому.

– Это будет частью его воспитания, – сказала Джессика. – Собирайся, Пол, пора ехать в космопорт. Отец уже ждет нас там.

Приближалась послеполуденная гроза, над головой сгущались серые облака. Рыночные торговцы громкими криками привлекали покупателей, соблазняя их низкими ценами на остатки сегодняшнего улова. То, что торговцы не успеют продать в течение ближайшего часа, будет отправлено на перерабатывающие заводы и передано на экспорт. Местные жители не ели рыбу, пролежавшую больше суток.

Лето ожидал остальных в космопорте. Свежий бриз играл его длинными темными волосами, ноздри орлиного носа раздувались, словно его обладатель стремился вдохнуть на проща-

ние родной запах моря, а не машинные выхлопы. Завидев приближавшихся Гарни, Джессику и Пола, он обратился к Холлику:

– Прости, Гарни, но в наших планах произошли некоторые изменения.

Верный слуга Дома Атрейдесов нахмурился.

– Что-то случилось, милорд?

– Нет, и я хочу сделать все от меня зависящее, чтобы ничего не случилось и впредь.

Именно поэтому ты и Сафир Хават останетесь на Каладане на все время нашего отсутствия. Мы же займемся нашими частными делами.

Гарни воспринял весть с абсолютным спокойствием.

– Как прикажете, мой герцог. Вы дали Сафиру какие-то специальные инструкции?

– Он знает, что надо делать, так же, как и ты, Гарни.

На частных уроках Пол изучал политику, психологию и искусство общения с людьми, зная, что это поможет со временем стать хорошим правителем. Герцог Лето Атрейдес признал Пола своим родным сыном и законным наследником, хотя Джессика была не женой, а наложницей. Тем не менее для утверждения прав Пола предстояло преодолеть некоторые династические рогатки. Мальчик понимал, что ему, возможно, придется столкнуться с опасностями и интригами, о которых в его возрасте обычно не имеют даже отдаленного представления.

– Мы сможем обеспечить свою безопасность без Сафира и Гарни? – спросил Пол отца, когда они направились к трапу.

– Дункан уже на борту. Он поведет фрегат.

Большого Лето мог и не говорить. Если Дункану Айдахо не удастся защитить Пола, то, значит, это не удастся никому.

Охваченный неумным любопытством, мальчик занял место у иллюминатора, сквозь который он начал рассматривать другие суда, приземлявшиеся в космопорте и взлетавшие со стартовых площадок. Пол испытывал сильный душевный трепет, когда их фрегат оторвался от земли. Когда домики прибрежных деревень превратились в крошечные пятнышки, заработали более мощные двигатели. Дункан умело повел корабль выше, сквозь пелену облаков из атмосферы в открытый космос. Далеко внизу остался темный океан, покрытый белыми барашками волн.

Над головой показался исполинский силуэт лайнера Гильдии – корабля размером со средний астероид. Фрегат Атрейдесов казался мелкой песчинкой внутри грузового отсека лайнера, где помещались корабли с множества других планет. Такого количества кораблей Пол не видел на Каладане и за стандартный год. Дункан получил от навигатора инструкции направиться к нужному отсеку, где фрегат должен был закрепиться для галактического перелета.

Джессика заняла место в носовой части фрегата. Она сказала Полу, что не очень любит космические путешествия, хотя ей уже приходилось их совершать: сначала она прилетела из школы Бинэ Гессерит на Уаллахе IX на Каладан, а потом на Кайтэйн, где вынашивала беременность под присмотром первой жены Императора Шаддама.

Пола поразила пришедшая ему в голову мысль. Все, что он до этого знал, начало складываться в единую картину, как мозаика из кусочков смальты. Леди Анирул... Император Шаддам IV... Кайтэйн.

Анирул, первая жена Императора, умерла при таинственных обстоятельствах незадолго до рождения Пола. После этого Шаддам был женат несколько раз, но ни один из следующих браков не оказался удачным. Так же загадочно погибли вторая, третья и четвертая жена, что показалось Полу очень подозрительным. Теперь Император намеревался сочетаться следующим браком, на этот раз с принцессой Фиренцией из Дома Торвальдов.

И именно в это время герцог Лето вместе с семьей отправился в какое-то таинственное путешествие.

– Я знаю, куда мы летим, – сказал Пол. – Каждый Дом Ландсраада посылает своих представителей на Кайтэйн. Мы летим на свадьбу Императора, да?

Зрелище обещало быть очень живописным. Такого юный Пол наверняка еще ни разу не видел.

Герцог Лето, помрачнев, отрицательно покачал головой.

– Нет, Пол, учитывая то, что случилось с предыдущими женами Шаддама, мы не поедем на эту свадьбу. – Голос герцога был сух и спокоен.

Мальчик разочарованно наморщил лоб. Он превзошел самого себя, задавая самые каверзные вопросы, он сломал голову, пытаясь сложить в целое полученные им сведения, но все же информации оказалось слишком мало, и он не мог сделать сейчас ни одного правдоподобного предположения.

Кажется, мама тоже сгорала от нетерпения узнать, куда же они все-таки направляются.

– Я тоже думала, что мы летим на Кайтэйн, Лето.

Корабль сотрясся от сильного толчка, встав на место в отсеке. Пол ощутил, как завибрировал корпус судна.

– Ты не скажешь нам, куда мы летим? Но почему? Ведь мы уже на борту лайнера Гильдии.

Лето откинулся на спинку кресла, посмотрел на Джессику и с виноватым видом ответил Полу:

– Мы направляемся на Икац.

*Вселенная – это море надежд и разочарований.
Император Муад’Диб. Третье обращение к Ландсрааду*

– Бракосочетание Императора должно быть очень волнующим событием, милорд барон.

Барон Владимир Харконнен балансировал на механической подвеске, которая поддерживала его тучное тело в вертикальном положении, готовясь к еженедельному празднику плоти. Его сейчас больше интересовали аппетитные формы обнаженного мальчика, нежели его говорливость. Тонированное окно из плаза пропускало ровно столько света, чтобы в гостевых апартаментах императорского дворца был интимный полумрак.

– Да-да, конечно, свадьба! Как тут не потерять голову от счастья! – не скрывая сарказма, ответил барон.

Он только что отправил слугу выбирать – на этот раз всерьез – наряд, подобающий предстоящей генеральной репетиции свадебного ужина. Портные непрерывно кроили, перекраивали и заново шили костюмы, но окончательный выбор был пока не сделан. Барон был склонен остановиться на некоем подобии кочевой палатки, накинутой на его тучное тело.

– Я правлю Арракисом, но не могу же я, в конце концов, выглядеть как фримен!

Мальчик поморгал своими наивными, как у коровы, глазами.

– Вы не хотите, чтобы я сделал вам массаж, господин, прежде чем вы наденете эту тесную одежду?

– Зачем спрашивать? Делай.

Мальчик послушно начал втирать ароматические мази в мягкие плечи барона и в более интимные места. Когда массаж был закончен, барон испытывал меньшее удовлетворение, чем рассчитывал. Пожалуй, этого мальчика пора менять.

На Кайтэйне уже много дней царило праздничное настроение. Радостные толпы на улицах, живописные грандиозные фейерверки и спортивные соревнования с участием лучших

атлетов великих и малых аристократических Домов. На фоне бездонного синего неба развевались вывешенные на балконах домов вечной имперской столицы ало-золотые флаги династии Коррино. Климатические спутники и работавшие с ними бригады техников гарантировали великолепную погоду на дни торжественного бракосочетания Императора Шаддама и принцессы Фиренции Торвальд.

Огромные толпы выстроились по обе стороны дороги, по которой свадебный поезд проследует к Большому театру. Каждый хотел занять лучшее место, чтобы хорошенько разглядеть Падишах-Императора и его невесту. Теперь в любой момент на дороге могли показаться две кареты, запряженные императорскими гармонтепскими львами.

Сидя у окна в зале торжественных приемов на сконструированном специально для него кресле, барон наблюдал церемонию сверху. Банкетный стол не уступал длиной главному проспекту его столицы Харко-Сити. За столом сидели представители практически всех благородных Домов Ландсраада. Самого барона мало интересовал весь этот спектакль, так же, как и свадьбы вообще, и свадьба Шаддама Коррино в частности, но барон Владимир Харконнен не сомневался в том, что чопорный канцлер Ридондо не преминет отметить, какой из Домов отказался присутствовать на бракосочетании. Барон был удивлен, возмущен и обрадован одновременно, увидев, что пустуют места под флагом Дома Атрейдесов. Понятно, значит, у герцога Лето другие приоритеты.

«Как и у меня, но я все же здесь».

Барона Харконнена отвлек от его мыслей раздавшийся слева голос, говоривший с сильным акцентом.

– Неужели не ясно, что это пустая трата времени? Эта дама просто не понимает, во что она впуталась. Она умрет так же, как все предыдущие жены.

Барон резко повернулся и увидел сидящего в соседнем зарезервированном кресле угловатого человека могучего телосложения. У человека был мощный лоб, нависавший над светло-голубыми глазами. Наружность его была грубой и мужиковатой, несмотря на изящность наряда. Лацканы бело-синего кителя украшены эмблемой с изображением лошадиной головы, из которой торчал острый рог. Голова лошади производила такое же впечатление мощи, как и обладатель герба. Барона, впрочем, не интересовала светская болтовня.

– Кажется, мы с вами незнакомы.

– Тем не менее мы много слышали друг о друге, дорогой Владимир. Позвольте представиться: Хундро Моритани, виконт. Дом Груммана.

Барон был не склонен к такой фамильярности.

– Да, мне известна ваша история, сэр. Вы очень беспокойный субъект, не так ли? Война с Икацом, нападения на Дом Гинаца, разрушение школы мастеров меча. Наложенная на вас имперская опала все еще остается в силе или ее уже успели отменить?

Как это ни странно, виконт даже не подумал обидеться. Вместо этого он хрипло рассмеялся.

– Я польщен вашим интересом к моим делам. Я делаю все, чтобы защитить мой дом и мои владения.

Барону не терпелось приступить к еде. Он поднял уснащенную дорогими перстнями толстую руку и подозвал официанта, велел тому принести блюдо с закусками. Над столом с потолка свисали индикаторы ядов. Не удовлетворившись этим, барон достал свой собственный индикатор и проверил принесенную еду.

– Мне очень интересно, как далеко вы зайдете, прежде чем вас остановит Император.

Моритани вперил в Харконнена напряженный взгляд.

– И каковы ваши выводы?

Барон отправил в рот несколько маленьких сэндвичей, наслаждаясь разнообразием ароматов и приправ.

– Я понял, что Император устроил спектакль. Он громогласно критикует ваши действия, но не делает ничего, чтобы умерить аппетиты Дома Моритани. Следовательно, вам удалось достичь почти всех своих целей, заплатив за это весьма низкую цену.

Виконт что-то проворчал, и барон почувствовал, что в собеседнике закипает гнев.

– Я не добился всего, чего хотел. Эрцгерцог Икац остался жив, а теперь не дает мне приобрести редкие лекарства, нужные для лечения моего сына.

Барон торопливо съел следующий сандвич. Ему в принципе не было никакого дела до личных распрей и семейных неприятностей Дома Моритани. У Дома Харконненов хватает своих проблем.

Моритани жестом подозвал своего телохранителя, рыжеволосого мужчину, стоявшего за спиной виконта. Высокий, хорошо сложенный телохранитель был немного моложе своего хозяина. Половины уха у человека не было, на его месте виднелся большой рубец.

– Барон, это мой личный мастер меча Хий Рессер.

Это представление заинтересовало Харконнена.

– В наши дни редко в каком благородном Доме можно отыскать преданного мастера меча.

Губы Моритани сложились в жесткую ухмылку.

– Потому что школа Гинаца больше не готовит мастеров меча.

– Дому Атрейдесов служит Дункан Айдахо, – заговорил Рессер. – Я знал его на Гинаце.

– Меня не интересует Дом Атрейдесов! – внезапно разозлившись, взвизгнул Моритани. – Пора пригласить Вольфрама. Банкет вот-вот начнется, а ему придется рано уйти. Проследи, чтобы он не переутомлялся.

Рессер поклонился и ушел.

Кресла за столом стали постепенно заполняться гостями. Во главе стола заняли свои места Шаддам Коррино и граф Хасимир Фенринг, сопровождаемые невестой Императора и леди Марго Фенринг.

– Я бы сказал, что более красивая из этих двух женщин досталась графу, – тихо произнес Моритани, восхитившийся леди Фенринг.

Увидевший сегодня впервые принцессу Фиренцию, барон был поражен неказистостью ее грушевидной фигуры. У нее был безвольный подбородок и слишком много косметики, вероятно, для того, чтобы замаскировать нездоровую кожу.

– Она выглядит как крестьянка.

– Но зато у нее добротные широкие бедра, – заметил Моритани. – Может быть, она наконец родит Императору сыновей, которых он так сильно жаждет.

– Даже если и родит, это не сделает ее более красивой или, если угодно, менее безобразной. – Барону начал нравиться этот откровенный разговор с грубияном-виконтом. – Но все мы пришли сюда улыбаться и праздновать. Однако я нахожу все эти обеды и вечера бесконечно скучным занятием, не приносящим ни малейшей пользы. Неужели кто-то думает, что у нас нет других дел?

– Наше присутствие здесь служит оправданием уклонению от государственных дел, Владимир.

Лицо Моритани внезапно посветлело. Он посмотрел в сторону входных дверей, где показался Хий Рессер, сопровождавший болезненно выглядевшего мальчика. Вольфраму было десять, самое большее – одиннадцать лет, и лицом он был очень похож на своего отца. Было заметно, что ребенок с трудом ориентируется в зале и немного заторможен.

– Вы говорили, что он болен? Надеюсь, его болезнь не заразна? – Барону хватало своих болезней.

– Мальчик болен редкой болезнью, от которой тает на глазах. Его мать страдала тем же. Бедная моя Цилла. Она прожила год после появления Вольфрама на свет, но родовые муки взяли свою тяжкую дань.

Лицо Моритани выражало сейчас глубокую печаль. Смены настроения виконта были такими же явными, как изменения погоды на Арракисе. Рессер подвел больного ребенка к столу и усадил его на кресло, соседнее с креслом Моритани. Виконт ласково сжал тонкую бледную ручку ребенка, а потом обернулся к барону.

– Единственная отрада Вольфрама – семута. Только вызванный ею глубокий транс, да еще музыка, облегчают мучительную боль. Это все, что я могу сделать ради облегчения его участи. Существует, разумеется, и лечение – эзойт-поай, как называют это лекарство на Икаце. – Тон, которым говорил Моритани, стал резким и злобным. – В законе об эмбарго, подписанном эрцгерцогом Икаца, преднамеренно сказано, что ни одна капля этого лекарства не должна быть вывезена с планеты. И это несмотря на то, что во всей Империи в нем нуждаются всего несколько человек. – Виконт с такой силой сжал кулак, что едва не смял серебряный кубок. – Он делает это только для того, чтобы отомстить мне.

«Ты забыл рассказать о ковровых бомбардировках, от которых погибли его старшая дочь и его брат, если, конечно, мне не изменяет память». Но барон не стал произносить эту мысль вслух. Вместо этого он сказал другое:

– Да, неприятная ситуация, и вы не смогли купить лекарство даже на черном рынке?

– Ни единого микрограмма. Даже поставки семуты ограничены так, что я вынужден платить за нее умопомрачительную цену. Эрцгерцог знает, что мне нужно, и пытается ужалить меня при любой возможности! И все это из чистого духа противоречия! – Виконт побагровел от гнева, но настроение его было переменчиво. Буквально в следующее мгновение в глазах его было лишь выражение безмятежной любви. – Но что делать? У меня нет выбора, будь они все прокляты. Мне приходится давать моему сыну все, чтобы облегчить его страдания.

Барон чувствовал, что грумманский правитель хочет заключить какую-то сделку с Домом Харконненов. Почуввав реальную возможность получить выгоду, барон сказал:

– У меня есть кое-какие знакомые. У них есть выходы на черный рынок, виконт, и к тому же Икацкий эрцгерцог – мой старый недруг. Он союзник Дома Атрейдесов.

Моритани помог своему вялому сыну съесть аппетитный сандвич. Еда живительно подействовала на мальчика, в его глазах вспыхнул живой огонек.

– Вы заметили, что здесь нет ни герцога Лето Атрейдеса, ни эрцгерцога Арманда Икаца? Мои шпионы докладывают, что Лето отправился на Икац для каких-то тайных переговоров со своим союзником. Мне думается, они плетут заговор против нас.

– На свадьбе отсутствуют многие аристократы, – заметил барон. – Не один я устал от этих матримониальных игрищ Императора. Все его свадьбы до безобразия похожи друг на друга.

– Но, в отличие от других, эта свадьба дает мне возможность пригласить *вас* на Грумман. Будьте моим почетным гостем. У нас много общего. Кто знает, не удастся ли нам сообща добиться наших целей.

Барон с любопытством, смешанным с тревогой, принялся внимательно рассматривать собеседника.

– Да, можно поискать какие-нибудь возможности. Да-да, мой визит на Грумман может оказаться интересным и взаимовыгодным. Мои люди займутся приготовлениями.

Грумманский Дом Моритани подвергся опале за бесчестное нападение на школу мастеров меча Гинаца. Виконт Моритани был признан агрессором и заплатил большие репарации, но Император Шаддам, ведя свою закулисную политическую игру, простил виконта, считая дело не стоящим внимания. Тем не менее Гинацу был причинен

значительный ущерб. Можно восстановить структуру управления, восстановить разрушенное, набрать новых инструкторов и открыть новые тренировочные центры, но непоправимо главное: мастера меча, эти неустрашимые и наводящие страх войны, были биты. Такое невозможно стереть из памяти.

Экономический анализ КООАМ. Падение Дома Гинаца

Когда фрегат Атрейдсов покинул грузовой отсек лайнера Гильдии, Дункан Айдахо повел его к пятнистой поверхности Икаца. Небо было затянуто облаками, материки являли собой огромные массивы, окрашенные в разные оттенки зеленого. Пол рассмотрел многочисленные моря, но все они были все же меньше, чем безбрежные океаны Каладана.

Пол сразу заметил, что после того, как герцог Лето открыл цель путешествия, между родителями пробежал холодок. Дункан не мог объяснить Полу причину.

– Это не мое дело, молодой хозяин. И если бы это было ваше дело, то отец сам бы все вам рассказал.

Все короткое путешествие Пол провел в небольшой библиотеке корабля, где отыскал несколько видеокниг об Икаце, решив побольше узнать об этой планете – буйном и плодородном мире, полном непроходимых джунглей, влажных лесов и обильно орошаемых сельскохозяйственных угодий. Основными статьями экспорта были твердая древесина и экзотические дары лесов, а также необычные мази, редкие лекарства и смертельные яды.

– Мы побываем в лесах с туманными деревьями? – спросил Пол. Он видел красочные картины и читал, что на Элакке, владении Дома Прада Видала, древесные паразиты уничтожили почти все поросли этих нежных и дорогих деревьев.

– Нет, – ответил Лето. – Нас ждет эрцгерцог Икац. Мы едем на встречу с ним, так что никаких развлечений не будет.

– Он знает, что я еду с тобой? – Пол уловил горечь в голосе матери.

– Ты моя официальная наложница, мать моего сына. Ты просто обязана ехать со мной.

Из прочитанного Пол знал об особых отношениях отца с эрцгерцогом Армандом и о застарелой вражде между Домами Моритани и Икаца. Особенно удивило Пола, что его отец был помолвлен со старшей дочерью эрцгерцога Санией, но ее вместе с дядей, братом Арманда, убили солдаты Моритани.

Дункан направил фрегат к небольшому, но очень живописному городу, в центре которого высилось величественное сооружение, состоящее из изящно искривленных галерей и арок. Воздушные мосты соединяли между собой высокие башни, возле стен в задуманном беспорядке росли исполинские вековые деревья. Дворец был похож на сказку – переплетение ветвей, лоз и папоротников, в промежутках между которыми блистали большие жемчужно-белые камни. Пол подумал, что даже на Кайтэйне, наверное, нет таких дворцов.

Однако, прежде чем они успели приземлиться, в воздух взмыли два тяжелых военных корабля. Они сделали круг над дворцом Икаца и понеслись навстречу фрегату Атрейдсов. Дункан включил канал открытой связи.

– Здесь мастер меча Дункан Айдахо из Дома Атрейдсов. Мы находимся здесь по приглашению эрцгерцога Икаца. Объясните свои намерения.

Военные корабли отвалили в стороны, развернулись и игриво выполнили несколько фигур высшего пилотажа, а потом пристроились ниже фрегата. Полу эти громадины напомнили дельфинов, играющих в водах Каладанского моря. В динамиках раздался грубый голос:

– Вы с такой гордостью произносите свой титул, мастер меча Айдахо! Наверное, у вас были хорошие учителя.

В динамике раздался другой голос, более высокого тембра. Человек говорил немного в нос:

– Мы лишим его титула, если он не сумеет нас удивить. Ты согласен, Ривви?

Дункан узнал голоса.

– Мастер меча Уитмор Бладд? И Ривви Динари?

В ответ раздался смех.

– Мы поднялись в воздух, чтобы повести вас. Кто знает, может, вашему пилоту не хватит умения посадить фрегат в нужном месте.

Полу были знакомы эти имена: Дункан часто рассказывал о своих Гинацских учителях. Айдахо обратился к Полу. Лицо мастера светилось от радости.

– Они стали наемными мастерами с тех пор, как распалась школа Гинаца. Никогда бы не подумал, что эрцгерцог Икац возьмет на службу их обоих.

– Дом Моритани давно не предпринимал вылазок против эрцгерцога, – сказал Лето, – но может напасть в любую минуту. Я не думаю, что их конфликт разрешился к удовольствию обеих сторон.

– Феодалная вражда длится долго, милорд, – согласился Дункан.

Когда все три судна приземлились на овальную вымощенную площадку, обрамленную высокими перистыми деревьями, двое мастеров меча вышли из своих кораблей, чтобы приветствовать вновь прибывших. У Уитмора Бладда были длинные волнистые волосы – золотистые с изрядной серебристой проседью, узкое лицо и чувственные, слегка выпяченные розовые губы. Ривви Динари оказался огромным тучным человеком, но, несмотря на это, двигался он очень легко. Лицо Ривви покраснело от жары.

Дункан опустил трап, но выходить не спешил, опасаясь, что оба его учителя сейчас устроят с ним шуточный, но смертельный поединок.

– Герцог Лето прибыл сюда с официальным визитом по важному делу, – низким рокошующим голосом сказал Динари, обращаясь к Бладду. – В игры с мечами мы поиграем позже.

Бладд в ответ презрительно фыркнул.

– Игр с мечами не бывает. Мы проведем практический бой. Устроим проверку.

– А если я побью вас обоих, то как вы снесете такой позор? – поддразнил друзей Айдахо.

– Мы как-нибудь его переживем, – ответил Динари, – *если*, конечно, такое случится.

Лето спустился по трапу один в своем черном мундире, украшенном красным гербом Дома Атрейдесов. Следом шел Пол, все еще силясь понять, что же все-таки происходит.

Пахло цветами, смолой и древесными соками, текущими из трещин в коре исполинских деревьев, нависавших над дворцом. Папоротники в рост человека словно стражники стояли вдоль мощеных дорожек.

Лето положил руку на плечо Пола.

– Идем со мной. Нам нужно представиться.

– А мама? – Пол оглянулся на Джессику, которая, сохраняя полную невозмутимость, следовала за ними в некотором отдалении.

– Я представлю ее во вторую очередь. Будь внимателен. Здесь тебя ожидает множество всяких тонкостей. В течение следующих нескольких дней ты узнаешь важные вещи о том, что значит быть герцогом. Некоторые из уроков покажутся тебе очень трудными.

Растительность внутри дворца в пышности не уступала растительности на улице. По узким акведукам серебристые потоки струились в каналы, проложенные в стенах, наполняя коридоры и холлы приятным звуком плавно текущей воды. Этот звук не был таким же успокаивающим, как рокот Каладанского океана, но тем не менее на Пола он оказывал умиротворяющее действие.

Когда они вошли в главный зал для аудиенций, эрцгерцог Арманд Икац сидел на деревянном кресле за длинным столом, отполированным до немыслимого блеска. Такой огромной столешницы из элакского сандалового дерева Пол никогда не видел; особенно поражал зернистый разноцветный узор. Эрцгерцог оказался высоким худощавым человеком, которого

совершенно не старила абсолютно седая шевелюра. Острый подбородок делал еще длиннее узкое лицо.

Когда Лето вошел в зал, эрцгерцог поднялся из-за стола и сделал несколько шагов навстречу гостю. Они поприветствовали друг друга, взявшись за руки.

– Нам придется сделать вторую попытку. Если мы опустим руки, то зачем тогда жить?

– Это твой родной сын Пол? – Эрцгерцог протянул руку. Рукопожатие оказалось крепким, хотя у Арманда была маленькая узкая кисть.

– Позволь мне также представить его мать, леди Джессика, – сказал Лето и кивнул в ее сторону. Джессика отвесила формальный поклон, но осталась стоять в стороне, выказывая свое отчуждение.

– Я тоже хочу тебе кое-кого представить, Лето. Правда, ты, наверное, ее не помнишь. – Арманд обернулся к двери и крикнул. В зал вошла стройная молодая женщина. Она отличалась хорошими манерами. На лице ярко выделялись большие карие глаза. Темные волосы были заплетены в закрученную венчиком косу. Единственным украшением была тонкая золотая цепочка, на которой висел безупречно чистый неправильной формы камень су.

– Герцог Лето Атрейдес, это моя дочь Илеса.

Девушка сделала реверанс, хотя было видно, что она очень смущена.

– Я очень рада видеть вас.

Отец Пола ответил низким церемонным поклоном.

– Да, когда-то я ее видел. Ты не преувеличил ее красоту, Арманд.

Герцог Лето обернулся к Полу и его матери:

– Все необходимые приготовления уже сделаны. Илеса будет моей женой.

Дункан Айдахо был не единственным мастером меча в жизни Пола Атрейдеса. Но Дункан был единственным, кого Пол очень надолго запомнил.

Принцесса Ирулан. Жизнь Муад'Диб, том II

В Икацском дворце каждому из гостей предоставили отдельные покои. Пол пришел к матери в ее апартаменты. Джессика была спокойна и погружена в свои мысли; она сама научила сына судить о настроениях людей по едва заметным нюансам, и мальчик понял, что мать сильно расстроена. Очевидно, отец не счел нужным заранее обсудить с ней свою помолвку.

По логике вещей, с политической точки зрения, эта женитьба предоставляла Лето немалые выгоды. Брачные союзы считались в Империи мощным оружием, не уступающим ракетным установкам, коих было немало в арсенале Атрейдесов. Но, как оказалось, герцог Лето держал свои политические расчеты в тайне даже от своей возлюбленной наложницы.

– Все будет хорошо, Пол, – сказала Джессика, и сын не уловил фальши в ее голосе. – Я буду жить здесь и заниматься упражнениями Бинэ Гессерит, а ты, Пол, независимо от того, что будет дальше, используй эту возможность для самообразования. Я хочу, чтобы к тому моменту, когда мы покинем Икац, ты проникся большим пониманием происходящего. Отбрось все ненужные детали и организуй свое мышление так, как я тебя учила.

Сама необычность Икаца постоянно отвлекала Пола от неприятных размышлений. Он с изумлением рассматривал залитые солнечным светом комнаты, стены которых отражали трапезиевидные силуэты внешних строений, лишенных совершенства прямоугольных пересечений контурных линий. В оранжереях дворца Пол видел причудливо подстриженные растения, настоящие зеленые скульптуры – люди, животные, сказочные чудовища, – которые медленно и

плавно двигались – поворачиваясь и покачиваясь вслед за пересекавшим небо солнцем. Окруженная ажурной сеткой арена была полна разноцветных, изумительно красивых бабочек. Дважды в день устраивался настоящий спектакль их кормления, когда служители входили за сетку, неся с собой сосуды со сладким нектаром.

Пол решил навестить отца, но тот заперся в комнате совещаний с эрцгерцогом Армандом. Охрана и, что еще хуже, чиновники-бюрократы, сновавшие по коридорам, не пустили Пола в секретную комнату. Лишь утром, когда слуги понесли к комнате закуски, Пол смог проскользнуть туда и посмотреть в глаза отцу. Лето выглядел утомленным, но, перехватив взгляд сына, ласково улыбнулся.

– Пол, прости, что мы не обращаем на тебя внимания, но мы сейчас ведем очень сложные переговоры.

Арманд Икац с показной беспечностью откинулся на спинку кресла.

– Не сгущай краски, Лето, в наших переговорах нет ничего сложного.

– Пойди найди Дункана, Пол. Он развлечет тебя, а заодно позаботится и о твоей безопасности.

По знаку герцога Лето капитан гвардии Икаца взял мальчика за рукав и повел его к выходу, извиняясь перед эрцгерцогом за вторжение незваного гостя. Пол в это время думал, что на Каладане ему ни за что не удалось бы проскочить мимо бдительного Сафира Хавата.

Дункана, Ривви Динари и Уитмора Бладда Пол застал на лужайке. Все трое бились тупоконечными импульсными мечами, прикосновения которых причиняли довольно чувствительный удар током. Бойцы были без рубашек, на руках, груди и плечах у всех троих были красные следы ударов. Глядя на них, Пол долго не мог понять, кто с кем дерется. Сначала Дункан бросился на Бладда, а Динари атаковал Дункана, а потом Дункан с Бладдом вдвоем напали на толстого мастера меча. Наконец, все трое, блаженно улыбаясь и тяжело дыша, опустили оружие. Тела их лоснились от пота.

– Смотри-ка, он еще кое-что помнит, – сказал Динари тонкому щеголеватому Бладду. – Но тренироваться ему иногда надо.

Уставшие бойцы отключили щиты и встали на утоптанной лужайке, опираясь на шпаги. Бладд картинно раскланялся перед Полом, взмахнув воображаемой шляпой.

– Мы дали для молодого человека великолепное представление.

– По крайней мере весьма забавное, – добавил Ривви Динари. – Ты сегодня был неуклюж, как бык.

Бладд возмущенно фыркнул:

– Я оставил на тебе пять солидных отметин. Правда, ты такой большой, что мимо тебя не промахнешься, не то что с каким-нибудь худышкой.

Дункан обтерся махровым полотенцем, вытканым из элакского пуха. Пол читал, что нити этой ткани плетут из стручков высокого дерева с пурпурными листьями.

Пол подошел к Дункану.

– Мама велела мне как можно больше узнать об Икаце, а папа сказал, что ты сможешь меня занять.

– Конечно, молодой хозяин, но тренировками мы займемся в другой раз. После такой мясорубки, какую мне устроили эти два молодца, даже ты сможешь меня побить.

– Я и так уже побил тебя трижды.

– Дважды. Один случай я не признаю.

– Твой отказ ничего не меняет. Факты – упрямая вещь.

Динари и Бладд забавлялись этим разговором. Дункан взял мальчика за руку и повел в фильмотеку.

*Что более почетно: служить чудовищу, которому ты поклялся в
верности, или нарушить клятву и оставить службу?*

Йоол Норет, первый мастер меча

Возвращаясь домой с бракосочетания Императора, виконт Моритани почти все время провел со своим больным сыном и медицинским персоналом в большой каюте фамильного фрегата.

Явившись на доклад к хозяину, мастер меча Рессер на мгновение остановился в дверях. Виконт сидел в кресле, безвольно ссутулив плечи и печально глядя на тучного врача Сукк и фельдшера, занимавшихся Вольфрамом. В каюте стоял резкий запах семуты, звучала странная музыка. Вместе эти средства немного успокоили мальчика, но он все равно продолжал тихо и жалобно стонать от непрерывной боли.

Солидный врач Вандо Тербали щеголял бриллиантом, татуированным на лбу, и косой школы Сукк.

– Эта болезнь излечима, милорд виконт, но мы запаздываем с лечением. Тяжелое состояние Вольфрама – не вина братства Сукк.

– Если бы я считал вас виноватым, доктор, то вы уже давно были бы мертвы, – устало ответил Моритани.

Фельдшер встревоженно напрягся, а взгляд доктора стал холодным как сталь.

– Ваши угрозы не улучшат качество моей работы.

Виконт нахмурился.

– Скажите, разве может быть лечение, худшее, чем ваше? Он умирает. Ваши заклинания не могут ни продлить его жизнь, ни облегчить его страдания.

– Вам нужно добыть эзойт-поай, милорд, но Икаццы отказываются дать вам это лекарство. Следовательно, мы ничем не можем помочь вашему сыну.

Плечи виконта опустились еще ниже.

– Герцог Прад Видал посочувствовал мне, правда, за некоторую мзду, но даже он не смог уговорить эрцгерцога пойти на уступки. Обращение Видала от имени Вольфрама было отвергнуто с порога из-за той вражды, какую эрцгерцог питает ко мне. – Виконт встал, пневматическая подушка кресла со свистом надулась, и только в этот момент Моритани заметил стоявшего в дверях Рессера. Выражение лица виконта изменилось, он обернулся к доктору Тербали и отрывисто произнес:

– Прошу вас, если вы не можете справиться с симптомами, то хотя бы облегчите его боль.

Моритани вышел в коридор, поманил за собой мастера меча и плотно прикрыл дверь каюты. Рессер бесстрастно смотрел, как его хозяин играет желваками, едва сдерживая ярость.

– Ах, Рессер, я не могу понять, кого я презираю больше – эрцгерцога Икаца или Императора Коррино. Может, мне не стоит делать различий. Пожалуй, я ненавижу их одинаково.

Рессер не стал скрывать удивления. Знать врагов Дома Моритани было его служебной обязанностью.

– Почему вы ненавидите Императора, милорд?

– Идемте в мой кабинет. Я покажу вам один старый документ, полученный мною от ордена Бинэ Гессерит. Вы поймете истинную причину, заставившую меня прибыть на Кайтэйн.

– Я думал, что истинная причина – это желание познакомиться с бароном Харконненом.

– Есть несколько истинных причин – и ни одна из них не имеет никакого отношения к Шаддаму и его чертовой свадьбе.

Рессер почтительно остановился в кабинете виконта и выжидающе посмотрел на человека, которому поклялся служить верой и правдой. Когда-то давно, среди дымящихся руин Гинаца, Дункан Айдахо предложил ему службу в Доме Атрейдесов. Несмотря на то что большинство курсантов с Груммана были исключены из школы за то, что не осудили бесчестное поведение виконта Моритани, Рессер остался, чтобы закончить курс обучения. Он был убежден, что существует только один способ восстановить доброе имя рода Моритани: заставить его главу вернуться на путь чести. С тех пор как Рессер возвратился на Грумман, он стал самым близким доверенным лицом виконта и делал все от него зависящее, чтобы держать в рамках своего переменчивого правителя.

Невесело улыбаясь, виконт Моритани активировал ключ бюро, встроенного в консоль управления фрегатом, и выдвинул из него ящик. Из ящика он извлек свернутую в трубку бумагу, на которой мелкими буквами были напечатаны бесчисленные имена и даты.

– Это очень небольшой отрывок из протоколов селекционных исследований ордена Бинэ Гессерит. Это карта родословных.

Рессер прищурился, стараясь прочесть мелкий шрифт, но не понял, зачем ему все эти имена. Что-то было написано о Доме Танторов и о происшествии на Салусе.

– Как вам удалось раздобыть этот секретный документ?

Моритани вскинул кустистые брови и холодно воззрился на мастера меча.

Рессер понял, что таких вопросов задавать не следует.

– Мой отец как-то раз рассказал мне одну историю, – продолжал как ни в чем не бывало виконт, – длинную сказку, которую когда-то рассказывал ему его отец и так далее. Мне всегда казалось, что в этой легенде есть зерно истины, и я принялся копать. – Он хлопнул ладонью по списку. – Этот документ подтверждает мои давние подозрения. Здесь перечислены поколения, уходящие во тьму прошедших тысячелетий.

– И что же подтверждает и доказывает этот документ, милорд?

– Родовое имя нашего семейства не всегда было Моритани. Когда-то наше родовое имя было Тантор. После Салусы, однако, началась охота за представителями этого рода. Их преследовали и убивали. Каждого, кого могли настигнуть.

По спине Рессера пробежал неприятный холодок. Теперь он начал понимать.

– Происшествие на Салусе? Речь идет об атомной бомбардировке, которая почти полностью уничтожила Дом Коррино и опустошила Салусу Секундус?

– В точности так. Мы – семья отступников, и наше имя было вычеркнуто из исторических хроник. – Виконт прищурился. – Теперь, благодаря Бинэ Гессерит, у меня есть доказательства. Я знаю, что Коррино сделали со многими из моих предков... и что делает эрцгерцог Икац с моим сыном.

– И об этой генеалогии больше никто не знает? Несомненно, что все уже давно забыли о той кровавой охоте.

– Я никогда не забуду. Теперь вы один из пяти человек, включая меня, который подозревает о такой связи. Пятеро из всех живущих во вселенной людей. Вот так. Мне пришлось принять некоторые меры, чтобы гарантировать молчание моего информатора и того человека, которому он доверился.

Виконт положил документ в ящик.

– Если бы не целенаправленное истребление моих предков, то Вольфрам не был бы сейчас последним в нашем роду.

Рессер понял скрытый смысл сказанного. Из того, что он сейчас узнал, следовало, что эдикт об уничтожении безымянного семейства, обрушившего ядерный удар на Салусу Секундус, никто до сих пор по существу не отменил.

– Может быть, вам надо просто уничтожить этот документ, милорд? Хранить его у себя очень опасно.

– Наоборот, я хочу сохранить его как постоянное напоминание о разрушениях, на которые способен наш благородный род, не важно, какую фамилию он носит. – Он сжал губы в тонкую нитку. – Наступит день нашей окончательной мести, мести Домам Коррино и Икаца.

Рессеру стало холодно в каюте с искусственным климатом, но клятва в верности и долг чести обязывали его служить хозяину, невзирая ни на что.

– Смысл моей жизни – служба вам и вашему благородному Дому, лорд Моритани.

Возникают и рушатся великие Империи, звезды светят тысячелетиями, но нет ничего долговечнее ненависти.

Хроники семейства Икацев

Советники эрцгерцога были заняты подготовкой официального оформления союза между Домами Атрейдесов и Икацев, но на душе у герцога Лето было беспокойно. Ему было трудно сосредоточиться на нюансах ведущихся переговоров, хотя он понимал, что любая ошибка может отозваться неприятностями спустя много лет. Можно было воспользоваться услугами ментата, чтобы проследить все возможные исходы, но Сафир Хават был далеко, неся ответственную службу на Каладане.

Союза желали оба – и Атрейдес, и Икац, но все дело осложнялось тем, что у Лето была наложница и сын, которого он утвердил своим наследником. Вся ситуация кардинально изменится, когда будет оформлен союз, заключен брак и появится сын, рожденный Илесой.

Нынешние переговоры весьма напоминали переговоры шестнадцатилетней давности, когда Лето обручился со старшей дочерью Арманда Икаца. Те соглашения были извлечены на свет и приняты за основу новых соглашений, но многое изменилось с того достопамятного нападения Груммана, в ходе которого погибла Сания. В то время у Лето был другой сын, Виктор, рожденный от другой наложницы – Кайлеи Верниус. Но теперь оба были мертвы, как и Сания.

– У вас очень удрученный вид, друг мой, – сказал Арманд. – Вы дурно провели ночь? Вас не устраивают апартаменты?

Лето улыбнулся.

– Ваше гостеприимство – образец для подражания, Арманд.

«Мне не давал спать полночный разговор и глубокая обида Джессики».

Накануне ночью, сидя на краю постели Джессики и глядя на ее прекрасное овальное лицо, Лето вспоминал тот день, когда сестры ордена Бинэ Гессерит впервые представили ему эту молодую женщину. Безмерная любовь к Джессике стала тем клином, который отдалил его от Кайлеи. Из ревности она попыталась убить Лето, но вместо этого убила их невинного сына и покалечила принца Ромбуса Верниуса. Помня об этом, Лето поклялся, что Илеса не станет причиной разлада между ним и Джессикой.

– Это чистая экономика и чистая политика, – сказал он, стараясь не выглядеть оправдывающейся стороной. Он мог бы потратить часы, рассказывая о выгодах и преимуществах такого союза, но эти объяснения оставят Джессику равнодушной. Он уверил наложницу, что не любит Илесу, мало того, он просто ее не знает.

Джессика неподвижно сидела на кровати, храня на лице ледяное выражение.

– Я все очень хорошо понимаю, мой герцог, и уверена, что вы принимаете верное решение. Я – всего лишь наложница, и у меня нет права голоса.

– Черт возьми, Джессика, ты можешь говорить со мной откровенно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.